Website: http://www.allimagetool.com
ОГОНЁК
№ 33 АВГУСТ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
СПАРТАКИАДА НАРОДОВ СССР
II
1959

Строитель — счастливая профессия. Создавать новое, достойное имени трудового человека,— разве это не счастье?

Сколько ответственности лежит на строителях, сколько требуется от них любви к своему труду, мастерства, выдумки, хорошего вкуса и уважения к людям, к тем, для кого строишь!

Мы часто произносим слово «молодежь» и вкладываем в него определенный, общепринятый смысл. А ведь иной из молодых пройдет такой сложный путь жизни, что и бывалому человеку он может стать примером.

В Донбассе, на заводе «Азовсталь», работает на строительстве каменщик Григорий Сачко. Вместе со своими товарищами по труду он создает прекрасную новую доменную печь.

На высоте, равной десятиэтажному дому, внутри металлических цилиндров - воздухонагревателей Григорий Сачко с друзьями и помощниками выкладывает огнеупорную насадку. Тяжелые жаропрочные кирпичи ложатся формой пчелиных сотов. Колоссальные воздухонагреватели будут выложены огнеупором так, чтобы узкие четырехгранные отверстия пронизывали гигантские башни снизу доверху. Там будет нагреваться воздух.

Биография Григория Сачко богата крутыми поворотами человеческой судьбы.

Родился Григорий на Урале. Когда ему исполнилось девять лет, мать, переезжая с маленькими детьми в другой город, потеряла Гришу на одной из станций.

Шла война. Отец Гриши был на фронте. Мальчика поглотил большой, полный тревоги и людских горестей мир. Больше года он «путешествовал» по родной земле. Потом его усыновила воинская часть, которая и воспитывала мальчика. Спустя несколько лет нашлась мать. Она жила в Донбассе. Сколько было радости от встречи с матерью, братишкой и сестренкой! Он ведь считал их погибшими.

После окончания действительной службы Григорий Сачко по комсомольской путевке приехал в Донбасс, в город Жданов. Он поступил на строительство. С тех пор началась его трудовая жизнь. Теперь он мастер: за плечами опыт строительства трех доменных печей. Они рядом. С высоты нынешней стройки Сачко любит наблюдать, как там, на литейном дворе, сверкая искрами, льется жаркими ручьями расплавленный чугун. Радостно на душе. Это он, Григорий Сачко, его руки проложили путь жизнетворным огненным ручьям.

Леонид ЖАРИКОВ

Григорий Сачко.

Фото Я. Рюмкина.

ОПЫТ ЖИЗНИ

На последней странице обложки: Спортсмены на водных лыжах. Химкинское водохранилище.
Фото В. Тюккеля.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 33 (1678)

9 АВГУСТА 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

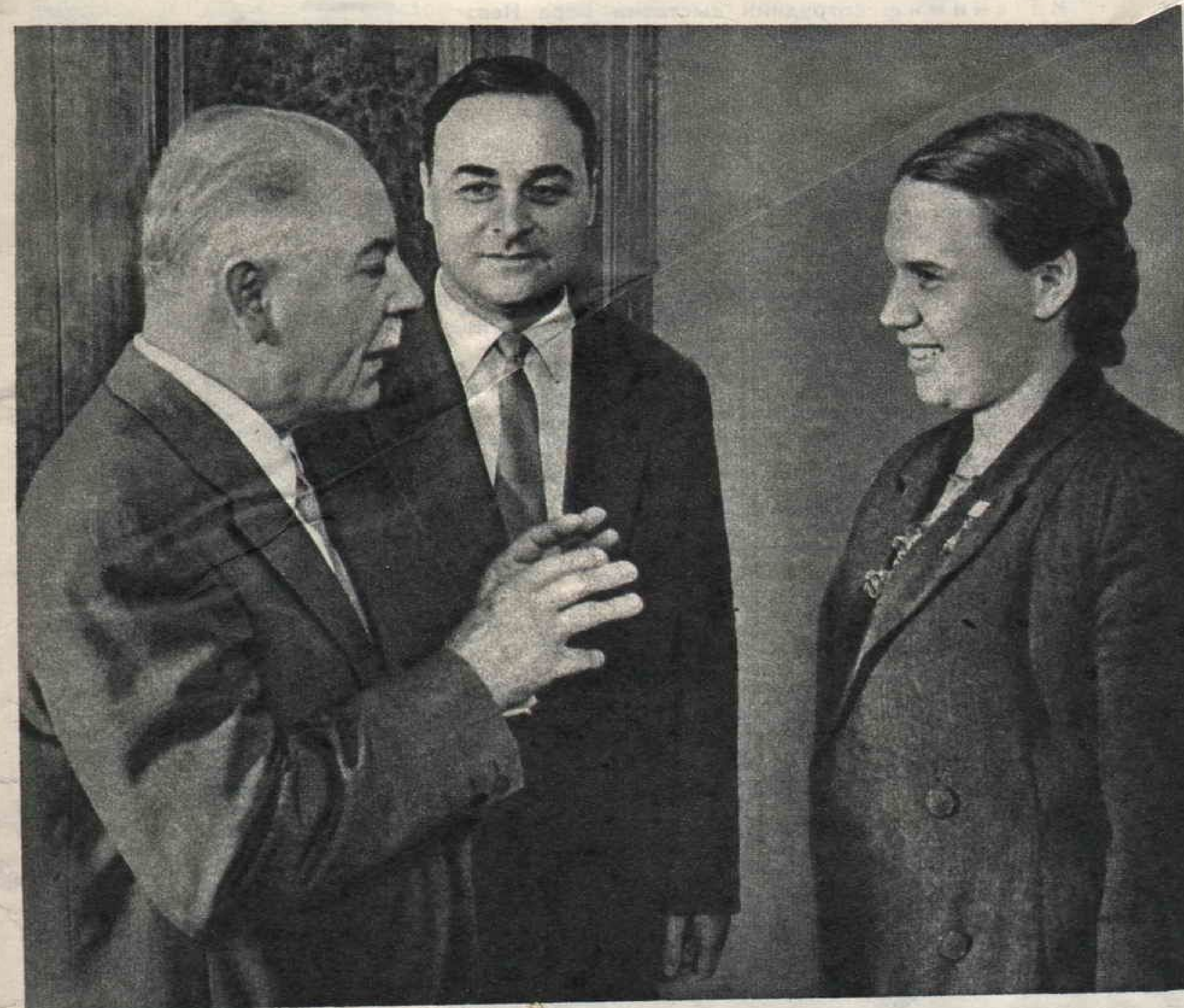

5 АВГУСТА Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев по просьбе советских и иностранных журналистов устроил в Свердловском зале Кремля пресс-конференцию в связи с предстоящим обменом официальными визитами между главой Советского правительства и президентом США Д. Эйзенхауэром. Никита Сергеевич Хрущев ответил на многочисленные вопросы представителей печати и радио.

На снимке: в Свердловском зале Кремля во время пресс-конференции.

Фото Я. Рюмкина.

ГЕРОЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА ВАЛЕНТИНЕ ИВАНОВНЕ ГАГАНОВОЙ вручил орден Ленина и золотую медаль «Серп и Молот» Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов.

На снимке: К. Е. Ворошилов и секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе беседуют с В. И. Гагановой после вручения награды.

Фото А. Гостева.

ПРИЕМНЫЕ ЭКЗАМЕНЫ начались в высших учебных заведениях нашей Родины. Большинство поступающих — молодежь, проработавшая по нескольку лет на производстве, а также демобилизованные воины Советской Армии и Военно-Морского Флота.

На снимке: старшина второй статьи североморец В. И. Подзапарьев за письменной работой по литературе в Московском институте нефтехимической и газовой промышленности имени И. М. Губкина.

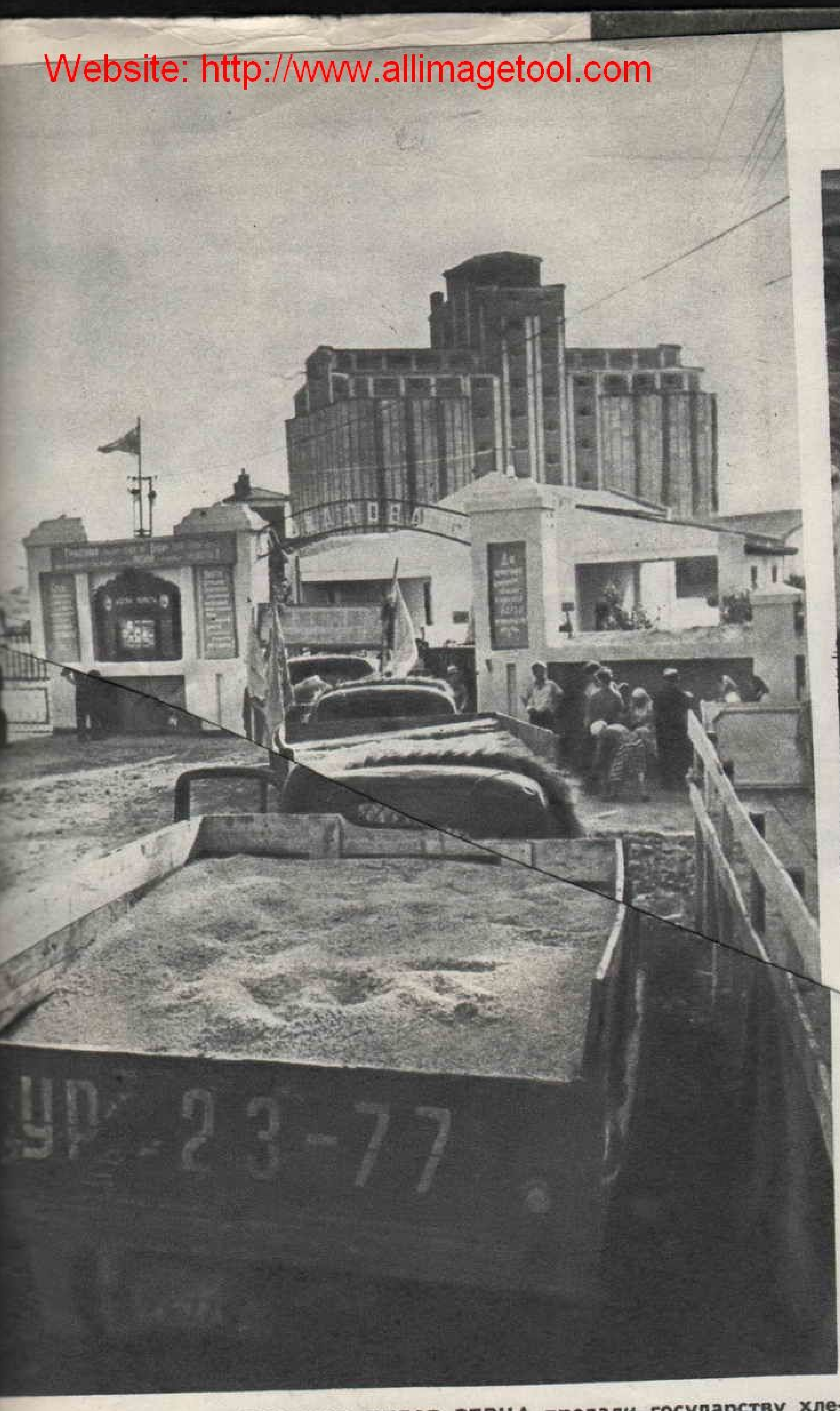
Фото О. Кнорринга.

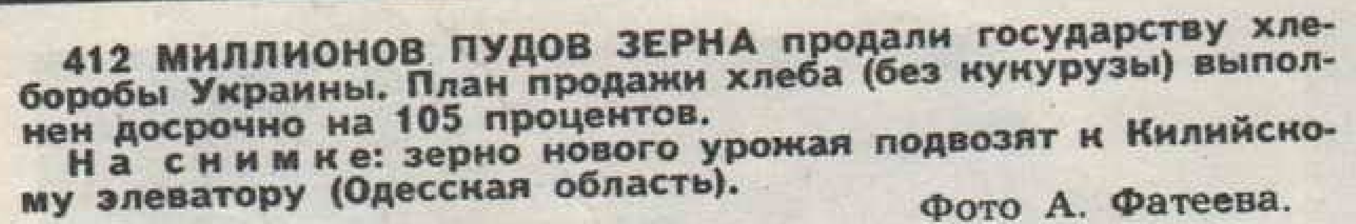

С ВЫСОКОЙ НАГРАДОЙ РОДИНЫ поздравили товарищи старшего машиниста депо Красный Лиман, Донецкой железной дороги, Георгия Сергеевича Шумилова, которому в День железнодорожника вместе с другими лучшими работниками железнодорожного транспорта присвоено звание Героя Социалистического Труда.

На снимке: Г. С, Шумилов (второй справа) перед отправлением в очередной рейс.

Фото Б. Аксельрада.

412 МИЛЛИОНОВ ПУДОВ ЗЕРНА продали государству хлеборобы Украины. План продажи хлеба (без кукурузы) выполнен досрочно на 105 процентов.

На снимке: зерно нового урожая подвозят к Килийскому элеватору (Одесская область).

Фото А. Фатеева.

ВЫСТАВКУ «ЧЕХОСЛОВАЦКОЕ СТЕКЛО» ПОСЕТИЛИ 1 АВГУСТА РУКОВОДИТЕЛИ ПАРТИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВА.

На снимке: сотрудник выставки Вера Неезхлеб прикалывает товарищу Н. С. Хрущеву значок выставки.

Фото С. Фридлянда.

ПОЧТИ НА ДВА МЕСЯЦА РАНЬШЕ СРОКА завершены работы по сооружению газопровода Серпухов — Ленинград, ответвляющегося от трассы Ставрополь — Москва.

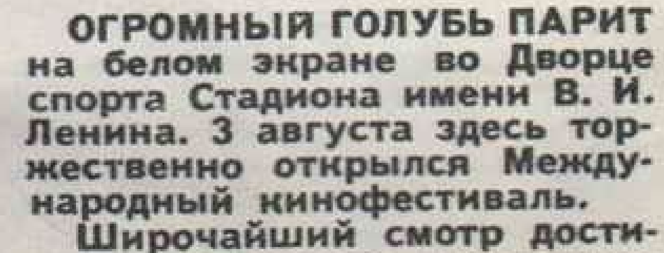
На одном из последних этапов близ поселка Красные Станки, Новгородской области, строители встретили непреодолимые болота. Как ни старались газопроводчики, но трубы не погружались в грунт, всплывали в болотистой жиже. Тогда применили в качестве грузил железобетонные «ворота». Вес каждого такого грузила, напоминающего по форме ворота,— три тонны.

Предложили использовать вертолет. От пилотов-вертолетчиков требовалась особая точность: железобетонные грузила на трубы предстояло ставить, когда просвет между ними измерялся всего несколькими миллиметрами. И авиаторы блестяще справились со сложнейшим заданием.

На снимке: вертолет устанавливает трехтонные грузила на трассе газопровода.

Фото А. Александрова.

ОГРОМНЫЙ ГОЛУБЬ ПАРИТ на белом экране во Дворце спорта Стадиона имени В. И. Ленина. 3 августа здесь торжественно открылся Международный кинофестиваль.

Широчайший смотр достижений мирового киноискусства проводится под девизом: «За гуманизм киноискусства! За мир и дружбу между народами!».

Пусть Московский кинофестиваль наилучшим образом послужит дальнейшему объединению усилий всех деятелей киноискусства в борьбе за мир и прогресс человечества... Так пожелал в своем приветственном письме Председатель Совета Министров СССР Никита Сергеевич Хрущев участникам фестиваля. Они ответили на это приветствие выражением бурного одобрения.

Сразу же после того, как церемония открытия фестиваля закончилась, его участники — представители пятидесяти стран всех частей света — приступили к просмотру фильмов. Работа предстоит большая. За две недели будет показано около ста фильмов, привезенных на конкурс. Да еще пятьдесят картин вне конкурса!..

А взаимные встречи и беседы! А знакомство работников киноискусства с Москвой и москвичами!.. Насыщена до отказа интересная и разносторонняя программа фестиваля.

На снимке: москвичи приветствуют французскую актрису Николь Курсель.

Фото Е. Умнова.

НИЗВЕРЖЕНИЕ ЦЗИМУТУНА

А. СМЕРДОВ

Рисунки В. Высоцкого.

На съезде певцов и стихотворцев я встретился со своим другом из далекого тропического Сишуанбаньна, знаменитым тайским народным певцом (цзаньха) Канланцзуэ. Мы не виделись с ним больше года, и Канланцзуэ рассказал мне много интересного о том, что произошло за этот год большого скачка в Сишуанбаньна, в жизни народности тай, спел мне новые свои и народные песни...

— Теперь у нас и в джунглях появилось столько заводских дымящих труб, что издалека на фоне синего неба их можно спутать с кокосовыми пальмами! — восторженно рассказывал цзаньха, очевидно, как поэт, не лишенный склонности к преувеличениям.— А через реку Мэконг, или через Ланчанцзян, как мы теперь ее называем, там, где вы в прошлом году целую неделю пережидали паводок, чтобы переправиться через реку, сейчас строится большой мост... А в деревне Манцанцзян, где мы с вами были, теперь нет ни одной травяной кровли, сплошь черепица. И у тамошних крестьян появился трактор...

В Сишуанбаньна, в долины Ланчанцзяна, докатился гул развернувшегося по всему Китаю народного наступления на природу, на ее злые стихийные силы, вековечно причинявшие столько бедствий и горя народу. Зазвучала и в джунглях, в горах, на берегах тропических рек песня, долетевшая сюда с великих строек и преобразовательных работ, охвативших все основные провинции Китая:

Если гора нам не уступает
дорогу,
Мы разобьем ей голову!
Если река не покоряется нам,
Мы обуздаем ее и заставим
течь вспять!
Горам приказываем склонить
вершины к земле,
Рекам повелеваем подняться в
горы!..

Тайские земледельцы, преодолевая вечный страх и покорность перед небесными и земными духами, по примеру и с помощью всего китайского народа пошли за коммунистами, передовыми людьми своей народности, в наступление на злые силы природы, на переделку своей плодородной, тучной, но диковатой земли. Начались народные ирригационные работы в предгорьях и долинах, которым постоянно угрожали наводнения и засухи.

Дошла очередь и до строптивой и могучей Реки Духов — Люшэхэ. Но тут и встали на пути покорителей природы и строителей вековые верования и темные предрассудки людей джунглей. Жители тайских селений не осмеливались вступить в поединок с грозной Рекой Духов. В среднем течении Люшэхэ, перегораживая реку, высилась скала Цзимутун (Бог Камня), издревле почитаемая тайцами как священное и неприкосновенное обиталище водяных драконов. Цзимутун во время паводков и тропических ливней запруживал поток в этом месте, и вода кидалась на берега, заливая селения, смывая посевы, унося скудные урожаи, а часто и немало жизней тайских земледельцев. В знойное же время года Цзимутун задерживал за своей каменной стеной пересыхающее течение Люшэхэ, оставляя совсем без воды гибнущие от зноя крестьянские поля в нижнем течении...

Чтобы обрести власть над водами Люшэхэ, надо было убрать преграду с их пути. Триста крестьян, вышедших на ирригационные работы, в нерешительности остановились перед Цзимутуном.

— Как можно поднять руку на почитаемый веками священный камень, на обиталище речных и горных духов! — говорили старики.

Работы в этом месте приостановились: часть крестьян, поддавшись суеверному страху и тайным нашептываниям буддийских монахов, начала расходиться по домам. Разъяснения и уговоры местных активистов не могли преодолеть в душах людей вековечные верования. О каком-либо принуждении не могло быть и речи,— дело состояло именно в том, чтоб люди, покоряя строптивую Люшэхэ, одновременно победили в своем сознании и застарелые предрассудки. Людей надо было убедить...

Партийный комитет округа решил использовать для этого почитаемую и влиятельную в народе силу — народную тайскую песню. В партком и народный комитет были приглашены наиболее уважаемые, старейшие цзаньха, в том числе, конечно, и Канланцзуэ, который уже давно расхаживал по всем селениям и стройкам, слагал и пел песни о новой жизни, призывал крестьян в поход за высокие урожаи и покорение джунглей, гор и рек...

Был среди этих цзаньха и старый Ай Дун-мэнцзе из Цинхунбаньна, лет пятнадцать назад славившийся во всех тайских селениях как самый мудрый и смелый песнетворец. Но уже больше десятка лет никто не слышал его песен. Еще до освобождения он осмелился в своих песнях поднять голос против местных феодалов илов и их буддийских прислужников, едко высмеял в своих дерзких песенках всесильных местных владык.

Разъяренные властители захотели тотчас уничтожить дерзкого хулителя, но заменили казнь, пожалуй, не менее жестокой для певца карой — принудили его дать в храме перед лицом Будды обет вечного молчания, клятву никогда не петь никаких песен. При первом же нарушении этой клятвы над цзаньха должна была совершиться «кара неба»: буддийские служители должны были утопить его в Люшэхэ... До самого последнего времени старый Ай Дун-мэнцзе жил под постоянным страхом этого возмездия богов, тая от людей данную им клятву.

Теперь и его, старого, почти всеми забытого цзаньха Ай Дун-мэнцзе, с почетом пригласили к себе самые высокие в Сишуанбаньна власти и очень уважительно попросили его помочь своими песнями строительству новой жизни. Петь старый Ай Дун-мэнцзе еще не решался, но вместе с другими цзаньха отправился на Люшэхэ к Цзимутуну, чтоб своими глазами посмотреть, как люди будут единоборствовать с могущественными и свирепыми драконами воды и камня. И вот цзаньха Канланцзуэ перед несколькими сотнями жителей этих мест запел на берегу Люшэхэ свои смелые и сильные песни, бросая вызов Реке Духов:

Прочь с нашей светлой дороги,
Злые драконы воды и камня,
Мы восстаем против вас!
Если нам не сдадитесь сами,
Свяжем и обуздаем бешеные
ваши потоки,
Вдребезги разобьем каменные
ваши твердыни!

Небеса не разверзлись над дерзновенным цзаньха, молчаливо слушал его песню угрюмый Цзимутун, и буйная Люшэхэ не вышла из своих берегов. Люди понемногу поднимали склоненные к земле в ожидании страшного возмездия головы, осмеливались взглянуть на Люшэхэ и Цзимутун, многие из молодых даже засмеялись над прежними своими страхами, внушенными стариками и ламами, смеялись над опозоренным Цзимутуном. А Канланцзуэ и другие цзаньха, прибывшие с ним, продолжали петь свои дерзновенные песни, призывая крестьян взяться за работу. Молчал лишь старый Ай Дун-мэнцзе: потрясенный происходящим на его глазах, он раздумывал о себе и своей клятве.

Над Люшэхэ, отдаваясь могучим эхом в джунглях и горах, один за другим загремели взрывы — глыбы и прах священного камня Цзимутуна взлетели высоко в воздух, и сотни людей с мотыгами, корзинами и тачками кинулись разбирать обломки поверженной скалы.

Четыре дня и четыре ночи не умолкали над Рекою Духов песни цзаньха и сотен присоединившихся к ним голосов, не утихал гул дружного и радостного труда покорителей Люшэхэ. Через четыре дня не осталось и осколков от многовекового и устрашавшего веками людей Цзимутуна, а раскованная Люшэхэ спокойно и величаво понесла свои воды в широкие плодородные долины, на рисовые террасы и плантации, чтобы отныне покорно служить людям.

Здесь, на берегу Люшэхэ, над поверженным и исчезнувшим Цзимутуном, среди людей, покоривших своими руками и песнями всех злых духов воды и камня, и запел снова старый цзаньха Ай Дун-мэнцзе, сбросивший с себя многолетний, страшный гнет вынужденной своей клятвы:

Свободные, смелые люди,
мои братья,
Партия и Председатель Мао
Дали мне вторую жизнь.
Вместе с новой жизнью
Родилась и новая моя песня —
Радостная и молодая, как наш
день!

Так пел помолодевшим голосом старый Ай Дун-мэнцзе.

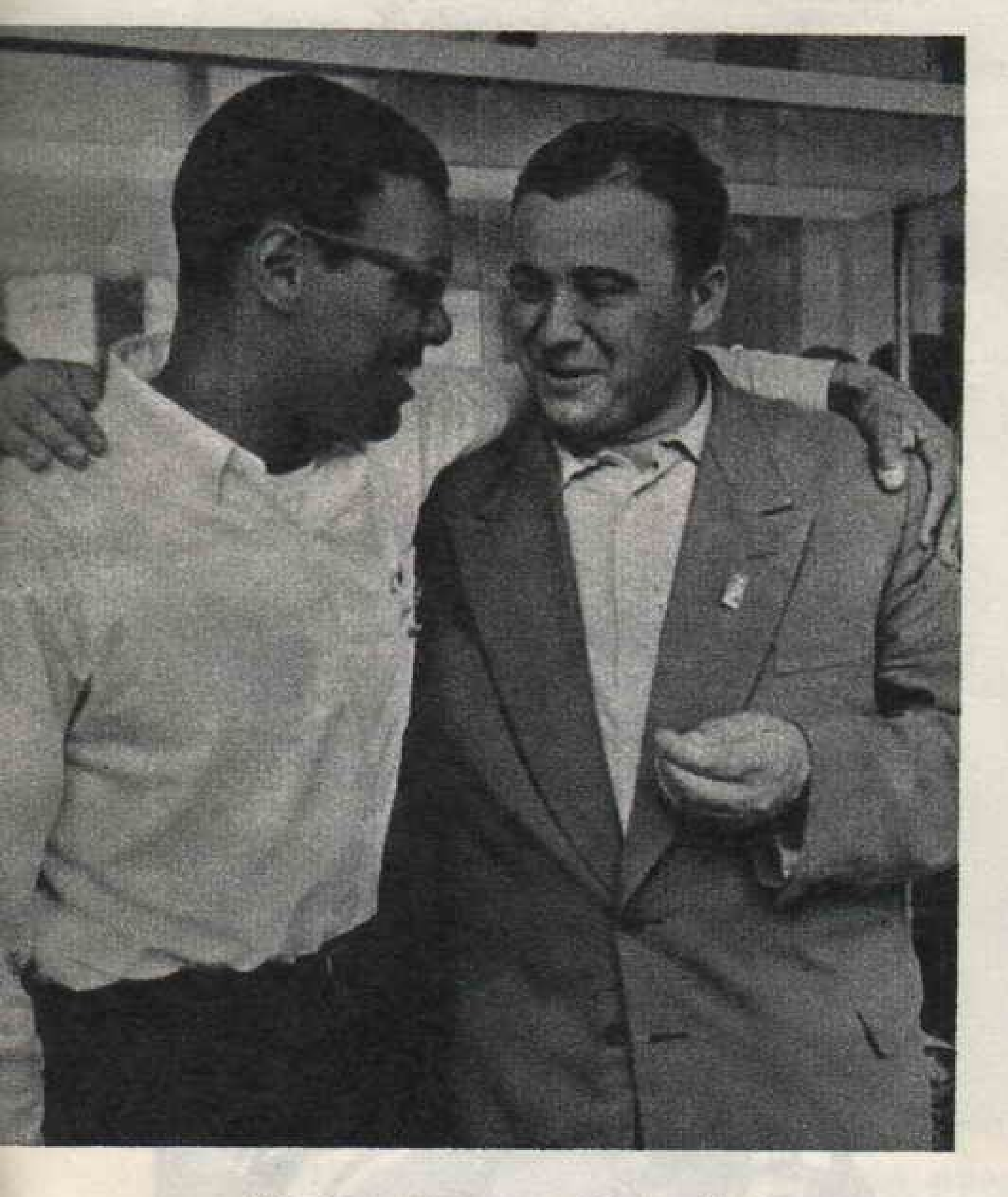
— Теперь у нас в каждом селении, в каждом кооперативе по десятку, а то и больше. старых и молодых цзаньха,— сказал Канланцзуэ.— И мы, все цзаньха, хотим стать Джамбулами, так же, как Джамбул, отдать всю свою жизнь, весь голос и все свои песни народу, который сегодня так быстро и победно строит свое счастье на обновленной земле...

ПОД ЗНАМЕНЕМ МИРА И ДРУЖБЫ

Андрей **НОВИКОВ**,

специальный корреспондент «Огонька»

Новые друзья — Поль Робсон-младший и шахтер из Советского Союза А. Кобыльников.

Значок на память.

Отзвучал VII Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Сотни тысяч жителей Вены видели его красочные шествия, концерты, спортивные состязания, дружеские встречи. Молодой задор, веру в светлое будущее человечества привезли с собой посланцы юности всех стран и континентов. Бодрая, оптимистическая атмосфера фестиваля захватила жителей австрийской столицы, вовлекла в общий круг брызжущего весельем праздника.

Жалкими выглядели попытки «антифестивальщиков» шепнуть что-либо венцу на ухо, затащить в свою «информационную» будочку, сунуть какой-либо реакционный журнальчик или газетенку. Жалкий писк врагов мира и международной дружбы молодежи безнадежно тонул в мощном и ярком гуле фестиваля.

Фестиваль — это были, конечно, не только танцы и песни, не только дружеские рукопожатия и объятия, новые знакомства. Много важных вопросов современности, интересующих молодежь мира, обсуждали его участники в непринужденной дружеской обстановке.

На встрече молодых металлургов, проходившей под председательством англичанина Алекса Тарбина, 260 юношей и девушек из 27 стран разговаривали на темы труда. Молодежь единодушно требовала равной оплаты за равную работу. Более двухсот молодых учителей слушали доклады своих коллег из СССР, народного Китая, Японии, Финляндии, Сенегала. Сто двадцать молодых строителей из 20 стран, дружески побеседовав, поделились опытом, ближе узнали друг друга и договорились, что строить будут только для мира и блага людей.

Были на фестивале встречи и «по интересам»: сходились молодые авиамоделисты, эсперантисты, любители театра, руководители клубов, домов моделей, филателисты.

Плодотворно работал Международный студенческий клуб, открывшийся в Вене по традиции, которая была заложена на Московском фестивале. Здесь читали молодежи лекции маститые ученые: английский физик Джон Бернал, советские академики А. И. Опарин, А. П. Виноградов, А. А. Благонравов. Яркие вышитые шапочки аргентинцев, белые бурнусы арабов, «пирожки» индийцев пестрели в зале клуба, который не вмещал всех желающих присутствовать. Лекции и семинары на темы «Наука и человечество через 100 лет», «Природа и человек в свете достижений современной науки, техники и философии», «Роль студентов и их организации в обществе» вызвали особый интерес. То и дело лекторы слышали вопросы, говорящие о том, что молодежь в одно неразрывное целое связывает науку и мир:

— Как прекратить испытания атомного оружия?

— Как добиться всеобщего разоружения?

После лекций за скромной чашкой кофе начинались горячие дискуссии. Азарт молодости витал в стенах студенческого клуба, увлекая одинаково и экспансивного чилийца и хладнокровного финна.

В здании «Штадтхалле», в других концертных залах царила музыка. Прекрасно выступали корейцы; общий восторг вызывали танцоры Москвы и Ленинграда; не отставали от них в темпераменте молодые венгры, болгары. Трудно было сказать, кто будет победителем в конкурсе молодых дарований,— так много было соискателей и так ярки их таланты. И действительно, свыше сотни солистов и ансамблей удостоились звания лауреатов фестиваля. Среди пианистов наибольший успех выпал на долю китайца Юнь Шэнь-шуня и нашего Алексея Наседкина, братски поделивших первое место. Болгарка Пенко Коева вместе с советскими девушками Надеждой Куделя и Зоей Христич завоевала высший приз за классическое пение. Лауреаты конкурса — солисты, хоры, оркестры, танцевальные ансамбли — участвовали в красочном апофеозе молодого творчества в «Концертхаузе». Тысячи венцев, строгих ценителей музыки, встретили их бурными овациями.

Делегации ездили в гости друг к другу — это тоже прекрасная традиция молодежных фестивалей. Трудно передать словами теп-

Девушки двух континентов.

лоту встречи советских юношей и девушек с китайскими братьями. Так же просто, весело и задушевно было на встречах советской молодежи с индонезийцами, норвежцами, швейцарцами, индийцами.

С делегатами США посланцы СССР встретились в нашем выставочном павильоне. Американские девушки и парни пели свои песни, восторженно хлопали нашему «гопаку». Потом все вместе пели «Катюшу», «Гимн демократической молодежи мира». Что-то волнующее и многообещающее было в этой встрече.

Американские участники фестиваля уже видели на советской выставке в Нью-Йорке, как живет и трудится советская молодежь. Теперь, разговаривая с русской девушкой или парнем, они задавали все новые и новые вопросы, и в каждом из них звучало искреннее желание узнать как можно больше о Советской стране.

В США они аплодировали заслуженным мастерам советского балета, хору имени Пятницкого, грузинскому ансамблю. Здесь они встретились с молодыми танцорами и певцами Украины, артистами ленинградского и московского балетов, тбилисского Дома железнодорожников.

— Вы ненамного уступаете тем, кто показывал свое искусство у нас, даже превосходите их в молодости и темпераменте,— говорит нью-йоркский студент.

Долго американские и советские парни и девушки разговаривали в выставочном зале, обменивались значками, адресами, автографами...

Широкой дорогой дружбы прошел фестиваль юности. Снова протянулись прочные нити от сердца к сердцу, соединились в крепком рукопожатии руки молодых, снова на всю планету прозвучал их громкий зов:

— Мир! Дружба!

Лучше узнать друг друга! Это было общее желание, когда на фестивале встретилась советская и американская молодежь.

На одной из встреч молодежи.

— Вот мой адрес,— говорит делегат из Китая Ло Зун-ху советской студентке Люсе Артюховой.

1+2=50 МИЛЛИОНОВ

А. БОЧИНИН, О. МИХАЙЛОВ

Не подумайте, что в заголовке сделана ошибка. Это простейшее арифметическое действие символизирует движение, которое охватило сейчас всю страну.

Не так давно молодые строители треста «Иркутскалюминстрой» обратились ко всем тем, кто сегодня занимается физкультурой, с призывом: пусть каждый привлечет к спорту двух своих товарищей. Тогда в Советском Союзе скоро станет 50 миллионов человек, занимающихся спортом. Лозунг «Один плюс два» быстро завоевывает популярность. Он краток и прост. Но, конечно, не в один месяц и даже не в один год удастся решить эту задачу.

Давайте сегодня, в День физкультурника, побываем у спортсменов подмосковной Яхромской прядильно-ткацкой фабрики, посмотрим, как идут тут дела с лозунгом «Один плюс два». Судя по общим цифрам, посмотреть есть что: в прошлом году на фабрике было шестьсот спортсменов, а в этом году их уже тысяча. И на фабрике знают, что рост будет все время продолжаться, потому что за спорт здесь болеют такие энтузиасты, как Виктор Семенович Шишков и Анатолий Петрович Михайлов, Евгений Житнухин и Валентин Новоселов, Аркадий Смазнов и Нина Сладкова.

●

↓ Три друга-велосипедиста, Евгений Житнухин, Игорь Кудинов и Валентин Фомичев, тренировались на фабричном стадионе. Эта троица неразлучна на тренировках, потому что как раз опытный перворазрядник Житнухин «затащил» друзей в велосекцию.

●

← День стоит жаркий, и все, кто свободен от смены, идут на канал, благо он под боком. Здесь мы и увидели Евгения Краснощекова, ремонтировщика прядильных машин, лучшего среди пловцов фабрики. У него пока всего лишь третий спортивный разряд, но все же Жене Баженову и Виктору Каленову, незнакомым со спортивным плаванием, полезно послушать его советы.

●

→ Геннадия Карасева и Валентина Татаринова пока нельзя назвать настоящими баскетболистами. Однако под руководством такого игрока, как перворазрядник Юрий Молчанов, можно быстро усвоить все правила, научиться метко бросать по корзине.

●

→ Этот снимок не отвечает формуле «Один плюс два», потому что спортсменов здесь только двое: молодая бегунья, ткачиха Тоня Кузнецова, и ее наставник, ремонтировщик Борис Фролов, уже десять лет занимающийся легкой атлетикой.

Третий, ученик седьмого класса Гена Дрекалов, еще не вступил в спортивное общество. Он еще, как говорится, только приглядывается.

Гена частенько приходит на стадион понаблюдать, как тренируются взрослые. Значит, можно быть уверенным: настанет срок — Гена подойдет к кому-нибудь из «старичков» и скажет: «Хочу заниматься в вашей секции».

●

→ Веру Комарову, Нину Сладкову и Светлану Зуеву сдружило общее увлечение — гимнастика. Нина старшая, у нее уже первый разряд, она в этой тройке «единица» и пример для Веры и Светланы. А дальняя, главная цель у всех троих одна — стать, как их землячка, яхромская школьница Нина Никифорова, мастером спорта.

Валентин Федорович Ковалев с членами своего экипажа — вторым летчиком А. А. Ефимовым и ведущим инженером Б. Н. Бендеровым — после рекордного полета.

Фото Г. Омельчука.

ОНИ ПОБИЛИ СОБСТВЕННЫЕ РЕКОРДЫ!

Со скоростью 1 015,8 километра в час с грузом в 15 тонн прошел тысячекилометровую трассу пилот В. Ф. Ковалев на самолете «ТУ-104Б». Он побил собственные рекорды, установленные два года назад,— 970,8 километра в час с грузом в 1, 2, 5 и 10 тонн.

Превысил собственное достижение и подполковник В. П. Смирнов. Совсем недавно он поднимался на высоту в 20 300 метров с грузом в 1 тонну, а теперь достиг высоты 20 200 метров, имея на борту уже 2 тонны.

Владимир Павлович Смирнов с женой Верой Федоровной на загородной прогулке.

Фото Ю. Скуратова.

ВЕЛОСИПЕДНАЯ ГОНКА

Е. КЛЕВЦОВ и А. ПЕТРОВ — ПРЕТЕНДЕНТЫ НА ПРИЗ «ОГОНЬКА»

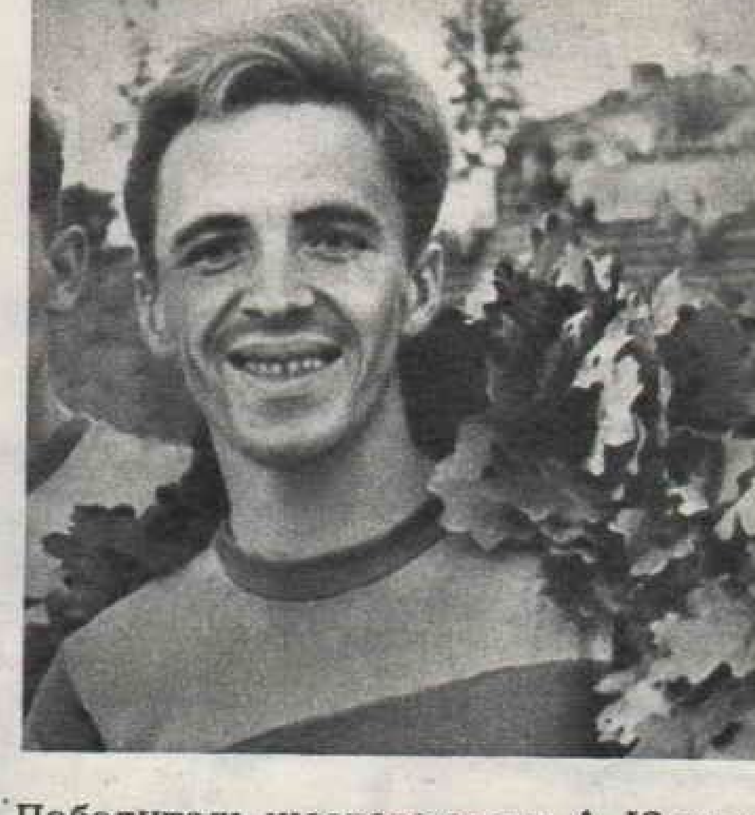
Многодневная велосипедная гонка Минск — Вильнюс — Рига — Таллин — Ленинград — Москва в этом году является составной частью 2-й Спартакиады народов СССР, которая открывается сегодня.

В связи с этим в гонке принимают участие не спортивные общества, как это было раньше, а сборные команды союзных республик, а также коллективы Москвы и Ленинграда.

Можно с уверенностью сказать, что все сильнейшие велосипедисты нашей страны участвуют в этом увлекательном состязании по дорогам пяти республик.

Главным объектом борьбы является приз Спартакиады народов СССР. Кроме того, разыгрывается и личное первенство Советского Союза для гонщика, который меньше других затратит времени в сумме всех дистанций от Минска до Москвы.

Редакция журнала «Огонек» установила специальный приз для гонщика, который наибольшее количество раз выиграет отдельные этапы гонки.

Победитель шестого этапа А. Ючков.

Фото Г. Липскерова.

Приз «Огонька».

Всегда в многодневных состязаниях происходит упорная борьба велосипедистов на дистанции, но особенно она обостряется на финише, когда спортсмен отдает последние свои силы.

Первый этап, от Минска до Вильнюса, раньше всех закончил известный советский спортсмен Евгений Клевцов, неоднократный победитель многих соревнований. В 1957 году он был обладателем приза «Огонька», как победитель многих этапов гонки.

Второй этап, от Вильнюса до Каунаса, выиграл ленинградец П. Востряков. Далее победителями этапов были М. Курбатов (УССР) и А. Петров (Ленинград).

Гонку из Риги в Пярну вновь выиграл Е. Клевцов, а из Пярну в Таллин — А. Ючков. В соревновании вокруг Таллина — седьмой этап — победителем оказался А. Петров. Это его вторая победа.

Таким образом, пока два гонщика: Е. Клевцов и А. Петров — претендуют на приз «Огонька», который будет вручен победителям в день открытия Спартакиады народов СССР на стадионе в Лужниках.

В станичном бассейне. Старт дан!

Юные зрители...

Женская волейбольная команда станицы уезжает в Армавир на соревнование.

Стадион станицы Павловской

На автомобильной дороге из Ростова в Краснодар, окруженной бескрайними полями, лежит станица Павловская.

По устремленному ввысь элеватору и строящемуся сахарному заводу нетрудно угадать, что живут в ней хлеборобы— мастера урожаев пшеницы, кукурузы, свеклы...

— Станица, каких на Кубани много!— скажете вы, взглянув на утопающие в густой зелени садов аккуратные домики.

Но как в каждом городе, так и на селе есть на первый взгляд незаметные штрихи, которые отличают его от других сел.

Так и в Павловской. Станица известна любовью к спорту.

Поговорите с местными жителями, и вам охотно расскажут, как они сообща строили свой стадион. Много любви и труда было вложено в это по-настоящему красивое спортивное сооружение. Обладателям такого стадиона позавидуют не только сельские, но и некоторые городские жители.

Помимо футбольного поля с вместительными трибунами и беговыми дорожками, есть на нем баскетбольная и волейбольная площадки и закрытого типа тир.

Но жемчужиной стадиона, бесспорно, является облицованный бетоном 50-метровый водный бассейн с ажурной металлической вышкой.

Бассейн оборудован душевыми кабинами, комнатами для отдыха.

В жаркие дни в нем учатся плавать малыши, а вечером их сменяют взрослые, и тогда на водных дорожках появляются «кролисты» и «брассисты» — это тренер общества «Урожай» Виктор Буйло готовит пловцов к отборочным соревнованиям команд Краснодарского края.

Выявлялись сильнейшие и в других видах спорта.

В Павловской родились свои рекордсмены. На краевой спартакиаде сельской молодежи Кубани мелиоратор Виктор Щука занял первое место по прыжкам в длину и пробежал стометровку за 10,9 секунды. А семнадцатилетней свинарке Нине Лавровской из колхоза «Путь к коммунизму» в 15-километровых велосипедных гонках не хватило всего 39 секунд до выполнения нормы первого спортивного разряда. Но она эту норму выполнит.

Отличная биография сложилась и у молодой футбольной команды. О ней с гордостью говорят все станичные болельщики. Ей принадлежит четвертое место среди сельских команд края.

Совсем недавно она завоевала кубок края, обыграв в финале сильную майкопскую команду «Труд».

Осенью прошлого года состоялась их первая международная встреча: футболисты Павловской играли с гостившей в Краснодаре венгерской сельской командой из Дьер-Шабронской области. Проигранный гол станичники мечтают при случае отыграть.

Стадион всколыхнул общественность соседних колхозов, к нему потянулась молодежь. Станица Павловская стала центром спортивной жизни района.

Ф. КОРОТКЕВИЧ

Фото автора.

Зрители наблюдают за футбольным матчем.

Лучший спортсмен станицы Павловской Виктор Щука.

Под душем после тренировки.

На Ангаре

Фото А. ГОСТЕВА.

С горы Пурсей видна величественная панорама строительства Братской гидроэлектростанции.

По водной глади Ангары.

Комсомольско-молодежная бригада скалолазов на скале «Журавлиная грудь».

На берегу Братского моря.

Передовые строители Братской ГЭС инженер Т. П. Конько и мастер участка Н. П. Ордынская.

5

В конце июня, возвращаясь по другому маршруту в лагерь, отряд наконец-то обнаружил в шлихах знаки пиропа — темно-вишневого минерала, спутника алмаза. Определили наиболее вероятное направление поиска по пиропам и пошли, пошли, не зная сна, забывая о еде... Дважды, правда, Объедкин привозил из лагеря продукты — все ту же тушенку и спекшийся, плавленый, грязный сахар. Пиропы то исчезали, то появлялись снова, и вели они неукоснительно к водоразделу, на возвышенные места, и там, под бродячими песчаными дюнами-тукуланами, исчезли окончательно. Ушли в землю, в юрские породы, засыпал их искрящийся, как снег, песок. Рыться в нем было бесполезно.

Котеночкин взмолился:

— До каких же пор мы будем здесь маяться? Нет тут никаких алмазов, и нечего за ними гоняться наобум!

Мамонов упаковывал лоток, ставший теперь ненужным. Он криво усмехнулся, покачал головой:

— Ты, Вася, рассуждаешь совсем как тот сезонник, которого привезли на Север по договору золотишко добывать, а он возопил: «А, такой-сякой начальник, говорил, греби да бери, а тут пенья, да коренья, да мерзлая земля!»

Котеночкин не обиделся.

— Все есть,— взмахнув руками, уныло согласился он.— И пенья и коренья, а вот алмазов нету.

— Вась!— предостерегающе вымолвила Жанна и стиснула губами травинку.

— Ну, хватит, хватит уже на меня влиять! Я ничего такого не говорю. Скажут мне, греби этот песок, пока до самой магмы не доберешься, я буду грести. Я такой человек...

«Ах, Котеночкин, Котеночкин!— благодушно подумала Ксения.— Уж такой ты человек... Может, и хорошо, что свела тебя судьба с Жанной. Она, пожалуй, научит тебя почитать родителей!»

А Дудкин молчал. Он похудел, оброс. Его фигуру спортсмена брезентовый пиджак не облегал так плотно, как прежде. Он уже не пел «Бесаме мучо — без семьи лучше...» Но позиций не сдавал. Спотыкался, но шел. Таскал рюкзак и отмывал шлихи.

Конечно, трилобитами он тоже перестал интересоваться. Они были для него уже пройденным этапом. Историей. Ископаемой фауной — и только. Кажется, он перестал мечтать и об алмазе в сто каратов. Во всяком случае, он уже не заговаривал об этом с Ксенией, хотя их отношения становились все более близкими.

Однажды ночью Ксения проснулась оттого, что кто-то пристально на нее смотрел.

— Игорь, вы? — сонно спросила она.

— Я. Мне что-то не спится. Посидим?

Ксения оглянулась. Все спали. Намаялись за день.

— Ну, хорошо! Перекатывайтесь сюда, поближе,— согласилась девушка.

Они сидели, до плеч закрытые спальными мешками, и молчали. Плыла белая мглистая ночь. Едва брезжил алым и розовым занимающийся рассвет. Сторожко прошел опушкой лось, гордо пронес красивую голову.

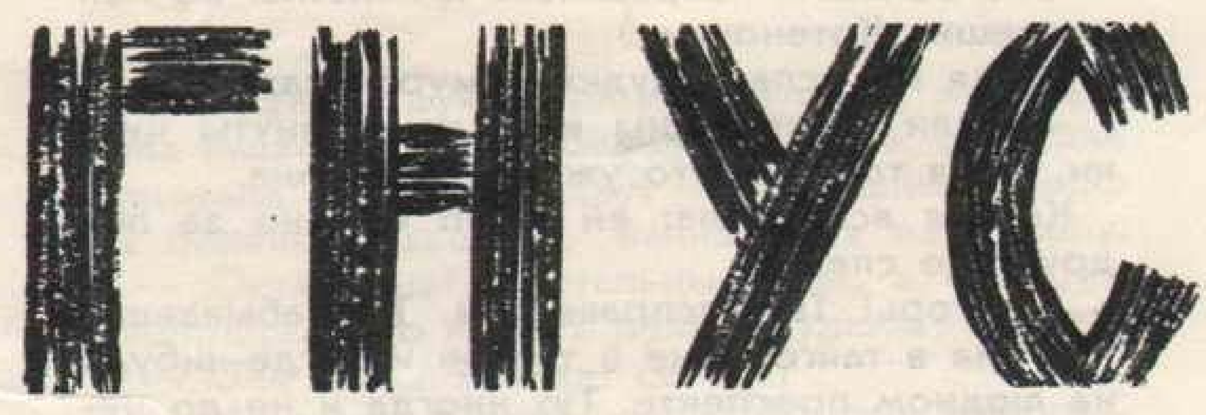
— Величественный какой!

— Да.— Игорь выпростал из мешка руку, закурил.

Ксения смотрела на его пальцы, припухшие, красные.

Окончание. Начало см. «Огонек» № 32.

Рассказ

Леонид ПАСЕНЮК

Рисунки И. БРУНИ.

— Это у вас от воды?

— Что? Пальцы? Не знаю. — Он тихонько засмеялся. — Может, это последствия ленинградской блокады. У меня дистрофия была.

— А потом? — тревожно выдохнула Ксения.

— А потом меня вывезли оттуда. В Казань, позже на Украину. Еще маленьким. Я смутно помню то время. Матушка скончалась. Все, что могла, она отдавала мне.

— Оттого, наверно, она и умерла?

Дудкин пожал плечами и, размяв между пальцами окурок, швырнул его прочь.

— Мать есть мать.

Ксения невольно погладила его пухлые, натрудившиеся пальцы. Конечно, сейчас они вспухли от воды, от комариных укусов, от промывки шлихов. Она это знала.

Он неверно ее понял. А может, и верно. Стряхнув с плеч мешок, он властно обнял ее и, больно сжав ладонью подбородок, поцеловал в губы.

— Что вы, что вы, что вы, Игорь? — закрыв ему рот рукой, испуганно шептала она.

Отшатнувшись от него, она сидела красная и растерянная. На простенькой, в крапинку блузке почему-то оказались расстегнутыми пуговицы. Потупив глаза, она отвернулась. Вымолвила негромко:

— Вы не обижайтесь, а?.. Ладно?..

— Я не обижаюсь,— обиженно сказал он.

Помолчав, не сводя глаз с горизонта, наполнявшегося красками и влагою рассвета, она счастливо призналась:

— Вы знаете, Игорь, вы сразу понравились мне, когда пришли. Такой веселый, общительный, остроумный. И когда про Обручева говорили... Вот, подумала я, теперь мне легче будет. А то ведь этот Мамонов меня до белой горячки довел бы.

Дудкин взглянул непонимающе.

— Так вы меня любите?

— Я этого не говорила,— зная, что любит его, уклончиво отозвалась Ксения.— Не будем пока об этом. Не будем?..

Он опять разыскал где-то в изголовье папироску. Нервно затянулся.

— Вот только не пойму я, почему вас из-за каких-то мух уволили. Это ж несправедливо! И обидно: вы, Сезанн, столовая и... мухи! Я знаю главного инженера. Он неприятный, правда?... У него щеки свисают на воротник. Ему бы еще этакие благообразные бакенбарды — и можно наниматься в швейцары, правда?..

— Правда,— глухо сказал Дудкин.— Неприятный тип.

После этой ночи Мамонов ни с того, ни с сего начал петь недвусмысленную песенку:

Ах, усики-щекотенчики,
Доведете до греха,
Будут птенчики!

— Сам сочинил,— признался он потом Жанне по секрету.

— Талант...— неопределенно ответила Жанна.

А Ксения пожаловалась Дудкину:

— Ну какая он дрянь, этот Мамонов! И что за человек такой, не пойму!..

— Человек,— скривился Дудкин.— Человеки...

В поиске он уставал. Что ж, думала Ксения, взялся за гуж... Но, конечно, он выдержит. Он должен выдержать...

6

Отряд возвратился в лагерь. Здесь царило запустение, витал нежилой, прелый какой-то дух. Палатка еще более выцвела, порыжела.

— Снимите в конце концов верх! Оставьте палаточный вкладыш, и нам будет достаточно,— распорядилась Ксения.— Ну, вы, мужчины!

Котеночкин неохотно повиновался. Мамонов ему подсобил, палатку сняли, смели с белого вкладыша хвою...

Внутри стало так светло! Жанна даже похлопала в ладоши, а Ксения снисходительно и довольно усмехнулась.

— Заживем, как в раю,— сказала она.— Нам бы еще райских яблок.

— Что ты, Ксения! — замахала Жанна руками.— Искушения и так хватает. Мало, что ли, парней! Один Игорь вот...

Ксения опустила голову.

— Да, Игорь,— сказала она механически и тотчас перевела разговор на другое.— Вот жевать у нас нечего, душенька-подруженька. Несколько банок консервов, и... все, пожалуй.

По ее расчетам, отряду должны были вот-вот доставить муку. Но как? Да и забыли, может, о муке в будничной сумятице?! Ведь в

партии не знают о бедствии, постигшем отряд. Рации нет. На реке обнажились перекаты, местами она почти пересохла. Связи, по существу, никакой... А работы уйма.

Ксения ломала голову над тем, где можно сесть самолету, если он прилетит. Такого места не находилось. Были, правда, три косы поблизости от лагеря — Тонкая, Звонкая и Прозрачная. Но косы действительно отвечали своим названиям. Прозрачная только местами поднималась над водой; невдалеке от Звонкой нависли глыбы известняков, готовые вот-вот сорваться вниз, а Тонкая... Что ж, она была тонкая, на ней самолету не развернуться, не сесть и не взлететь. Оставалось одно: сбрасывать муку в мешках!

Так и случилось: самолет прилетел, покружился, сбросил мешки с почтой, а со второго захода полетели мешки с мукой. Один упал в воду. А остальные два взорвались на берегу, как бомбы, захлестнув палатку и людей, стоявших поблизости, облаком удушливой белой пыли.

— Дур-рачье! — сказал, отплевываясь, Мамонов.— Дур-ра-ки, а?.. Ведь вот — их не сеют, не поливают, они сами растут. Ну кому это взбрело в голову так сбрасывать муку? Надо зашивать мешок в мешок, с амортизирующим слоем, а иначе, понятно, мешок лопнет, и делу конец! — Он деловито расстегнул штаны.— Вот которая мука в воде, та не должна пропасть. Корка намокнет, а внутри будет сухо.

Котеночкин тоже разделся. Они вместе нырнули, стукнувшись плечами, и кое-как приволокли треснувший по шву мешок к берегу. Было неглубоко — им это удалось.

— Тесто, — сказал Котеночкин, отмахиваясь от комаров, льнувших к влажной коже. — Будут лепешки. А все я!

— Ой!.. Уж ты! Хвастун, — с тихой гордостью сказала Жанна.

А Мамонов уточнил:

— Тесто тестом. Но я же говорил, что внутри сухо. Настоящая внутри мука, знали бы вы!

Жуя кислую лепешку, исходившую ароматным щекочущим парком, Ксения долго с тоской смотрела на реку, по которой гулял ветер-сквозняк. Ксения думала о том, что отряд бесполезно потратил уйму времени, так и не добившись какого-то утешительного итога. Ну, не ее вина, что пиропы выползли на водораздел и спрятались под наносы. Она держала в руке эту пироповую нить, пока в силах была держать. Надо бить шурфы на бо́льшую глубину, а отряд сделать это не в состоянии, по крайней мере сейчас: пороха маловато... Следует поискать обходных путей, не сидеть же сложа руки! Но люди устали, им нужен хотя бы кратковременный отдых, хотя бы день, два.... А потом еда... Продовольствия, собственно, нет. Кроме килограммов двадцати муки. Да кроме нескольких банок осточертевшей свиной тушенки.

Но, несмотря на невзгоды и передряги, в которые то и дело попадал отряд, Ксения испытывала состояние какого-то необъяснимого торжества. Как будто она должна была завтра найти месторождение алмазов, как будто алмазы уже лежали на ее ладони... Она, разумеется, понимала, что дело не в алмазах, что до алмазов, наверное, далеко... Но Игорь был рядом. От Игоря исходил свет, и этот свет ложился на лицо Ксении и на ее душу. Она стала красавицей. Она это чувствовала. Она это знала. Игорь любил ее. И она любила Игоря. За что? За то хотя бы, что он молодой; что он талантливый: его дарованию просто помешали развернуться обстоятельства; что он смел и решителен, — иначе не рискнул бы податься в тайгу; что ему тут несладко, но он терпит, не хнычет. На такого человека можно положиться. Это не Мамонов и не Котеночкин.

Вечерами, серыми, длинными, наполненными густым стоном гнуса, просиживали у палатки, поджиквляли костер и говорили кто о чем, но больше о еде... о том, какими деликатесами приходилось каждому когда-то лакомиться. Вспоминали кафе и рестораны. Причмокивая языком, хвалили домашние разносолы.

— Что там говорить о гусях с яблоками да с гречневой кашей!..— засмеялась однажды Жанна, зябко ссутулившись.— Ксенька, вспомни, как мы с тобой в прошлом году сюда, на базу партии, добирались! По льду, на попутной машине. В последнюю банку сгущенного молока добавили снегу и мороженое сделали, чтобы больше было. А потом раскопали-таки в кузове машины пустую бочку, а в ней, на самом донышке, мерзлые кочаны чьей-то капусты. В партию кому-то шофер из экспедиции захватил. Ух, как мы ее грызли, помнишь?..

Ксения помнила. Она сказала с грустью:

— Да, всякое бывало. В тайге-то всего полтора года, а есть что вспомнить.

Она украдкой посматривала на Игоря, не принимавшего участия в разговоре. Он ковырял прутиком раскаленные уголья и затем размахивал им в воздухе, описывая искрящуюся дугу. Лицо его пылало, лежали на нем красные и синие отблески. Ксении нравилось, что он молчит, когда говорят о еде. Беседа не для мужчин! Он выше этого. Наверное, в душе он посмеивается над голодной фантазией своих товарищей.

Ксении стало стыдно. Она опустила голову. Не так ведь плохо они питаются. Мука есть.

А где-то за костром, почти закрытый снопами огня, шумно взлетающими в сумеречное, без звезд небо, Мамонов докучливо убеждал каюра:

— И кто тебе такую фамилию придумал — Объедкин? Неприличная фамилия, на разные мысли наводит. Ты ее замени. Вот у меня в детстве знакомая была, в школе вместе учились,— Герка Обжорина. Так она заменила фамилию...

— Ага! — хохотнул Котеночкин, сморщив от удовольствия нос. — Стала Неелова, да?..

Все засмеялись. Потом помолчали. Но кто-кто, а Мамонов не такой был человек, чтобы долго молчать. Он обладал поразительной способностью сболтнуть иногда такое, что ни в какие, как говорится, не лезло ворота...

— Почему, — спросил он вдруг, — почему, когда человек поест, у него, скажем, семьдесят килограммов весу, а немного походит, становится семьдесят два?

— А потому... — начал было Котеночкин и запнулся.

Дудкин покривил в усмешке губы, яростней завертел прутиком и ничего не сказал.

Жанна пренебрежительно выпятила губу.

— Пустозвон ты, Сашка!

— Ага! Не знаете? — возликовал Мамонов.— Да потому, что припек у него получается! Ведь вот хлеб пекут — бывает припек? Так же и у человека.

Жанну закусали комары.

Чтобы не ходить и в лагере в громоздких, влажных резиновых сапогах, она надела легкие полуботинки, хотя чулки едва ли были для комаров преградой.

Она встала и направилась к палатке. За ней поспешил Котеночкин.

Глядя им вслед, Дудкин хмуро сказал:

— Если у женщины кое-как натянуты чулки, меня тошнит. Это уже не женщина.

Ксения вспыхнула: ей стало обидно за подругу до слез.

— Игорь! Ты несправедлив. Ты забываешь, что она в тайге, а не в театре или где-нибудь на людном проспекте. Тут иногда и не до чулок...

Дудкин решительно мотнул головой, сверкнул глазами.

— Это не имеет значения! — воскликнул он с горячностью.— О своем внешнем виде человек, и в особенности женщина, должен помнить везде. Нельзя ронять свое человеческое достоинство!

— Ронять нельзя, — тихо сказала Ксения, все еще пытаясь защитить подругу. — Но ведь устала она...

Мамонов, к удивлению Ксении, промолчал. Только злее заходили на худом лице желваки. А ведь он не терпел Дудкина. Не пришлись они по душе друг другу с самого начала. Слишком разными были людьми. Тогда, на пожаре, ненадолго сошлись, сблизила их горячая работа, а потом все-таки дала себя знать эта разность — разность характеров, житейских биографий, общего развития... Иными причинами Ксения не могла объяснить их вражду.

Но она больше доверяла Игорю, да и не скрывала этого. Она не стыдилась своих припухших от поцелуев губ. У нее были причины верить ему...

7

...Ксения проснулась: было прохладно. Она высунула нос из мешка. Рядом кто-то ворочался.

— Жанна, ты?

— Ага. Вот давлю комаров. Они сейчас примороженные.

Ксения понаблюдала за тем, как подруга расправляется с совершенно беззащитными комарами. Они, прихваченные легким морозцем, густо сидели на белых, просвеченных первыми лучами солнца стенках палатки.

Жанна со сладострастным упоением методически уничтожала их, пятная палатку кровавыми следами.

— Сколько нашей кровушки трудовой ими выпито! — вздохнула она сокрушенно.

Вдруг она насторожилась.

— Ксенька! Что ты там жуешь?

— Ничего. — Ксения повернулась к подруге. — Ты выдумаешь!

Но в палатке в самом деле было слышно сочное похрустывание. Потом оно прекратилось.

— Показалось мне, что ли? — вскинула брови Жанна. — Галлюцинации начинаются. Лягу-ка я, отдохну. Всех комаров не передавить.

Столкнувшись с Ксенией утром у реки, она сказала:

— Нет, знаешь, все же какая-то сволочь объедалась тут. И не иначе как огурцом!

— Ну-у, огурец! Откуда взяться огурцу? — усомнилась Ксения, разводя руками. — А вообще, действительно, похоже... Я тоже слышала.

Жанна шумно вздохнула и сжала кулачки.

— Вот подлец! А еще мужчина! Уличить бы его... Я бы ему...

— Что же ты ему? — усмехнулась Ксения, думая о том, уж не Объедкин ли пользуется какими-то единоличными запасами.

— Я ему... — Щеки Жанны залила краска негодования, но тут же девушка сникла, поскучнела, не найдя, очевидно, подходящего отмщения.— Я бы ему сказала: «Не подавись!»

К обеду Мамонов принес из тайги огромного рыжего глухаря, в котором, наверное, было килограммов семь чистого мяса.

— Молотком убил, — сообщил он, сам не веря своей удаче.— Пошел на ручей поблизости шлишок отмыть — просто так, ради спортивного интереса, на авось... В шлишке, понятно, ничего не оказалось, я уже собрался уходить, глядь, а в сушняке глухарь прохаживается. И меня не боится, смотрит, дура этакая... Я и швырнул молоток с досады. Шутя. И прямо по кумполу попал. У него, верно, крыло подшиблено было...

У Ксении невольно вырвалось:

— Ты просто золото, Саша!

Мамонов пробормотал:

— Какое там золото! Медь — некуда деть!

Глухариный бульон с лепешками получился выше всяческих похвал. Пили душистое, жирное варево, приберегая мясо для маршрута. Потому что дело оставалось делом и время уходило быстро. Следовало, наверное, обойти тукуланы, прощупать грунты легкой шурфовкой по периферии и пробраться дальше, в тыл пескам. Кто сказал, что кимберлит, если он вообще находится в том районе, обязательно таится под тукуланами? Вряд ли... Ну, пиропы ушли под пески — и только. Никаких иных признаков голубой земли, никаких иных спутников алмазов не было ведь обнаружено.

— Задачка не из легких, — сказала Ксения, бросив на карту карандаш. — Кстати, товарищи, в маршрут я не пойду. Мне придется съездить с Объедкиным в партию. Мы возьмем одного оленя, навьючим его шлихами, а оттуда захватим продуктов. Дальше так нельзя. Кроме того, в партии нас могут направить на путь истинный. Кое-что мы все-таки сделали, выяснили. Нужны выводы.

Мамонов недоверчиво взглянул на карту, разгладил сгиб, рассекший надвое желтое пятно тукуланов.

— М-да, — качнул он головой. — Вряд ли в партии нам что скажут, Ксения Иванна. — Он уже не называл девушку строго официально: «Товарищ начальник». — Но в партию идти надо, — это вы верно решили. А то мы так долго не протянем.

Ксения опять склонилась над картой.

— Пойдете двумя группами. Котеночкин с Жанной обойдут тукуланы по левому краю, Мамонов с Игорем — справа. Вот здесь, у развилка реки, вы должны встретиться, чтобы вместе возвращаться в лагерь. Старшими в группах будут Жанна и Мамонов.

Жанна согласно кивнула, а Мамонов надул щеки.

— Кружочек дай боже,— протянул он с подозрением.—Как якуты говорят, километров здесь... однако, семьдесят, однако, девяносто!

— Будем считать, семьдесят,— жестко сказала Ксения.— Если верить этой карте...

Она подошла к Дудкину.

— Вот, Игорь,— сказала она огорченно и погладила рукав его куртки.—Я ухожу. Что тебе привезти из партии?

— Белку и свисток,—хрипло пошутил Дудкин.

— Ты простыл. Надо потеплее одеваться. Ночи стоят холодные.— Она посмотрела на него умоляюще.— Ты немножко думай обо мне, ладно?

— Ладно.

Она хотела прижаться к нему, но постеснялась. Если бы не смотрел Мамонов...

— Ну, хорошо. Удачи вам! — взмахнула она рукой и ушла в палатку.

Объедкин начал вьючить оленя.

А Ксения еще долго —час или два — ходила по опустевшему лагерю как потерянная. Скучно оставаться в тайге одной без дела. Скучно и страшно. Даже если над головой палатка, и есть спальный мешок, и мука, и огонь...

8

...Возвратилась она из партии дней через пять. И, конечно, знала, что отряд вряд ли управится в такой срок с заданием, но все-таки надеялась...

В лагере не было никого. Тускло отсвечивая, валялись в ровике около палатки консервные банки с кроваво-сочными этикетками.

Лил проливной дождь. Тайга до краев пропиталась стылостью и влагой. Ксения неосторожно задела головой верх палатки, и через несколько минут в этом месте стала просачиваться и капать вода.

Река вышла из берегов, и вода уже подступала к палатке. Жилье надо было перемещать повыше. Этим и занялась Ксения с каюром.

— Вот, Анисим Захарович, — тревожно сказала она, вбивая последний колышек для оттяжки. — Мы, можно сказать, обосновались. У нас найдется сухое, чтобы переодеться. Мы запасли хороших щепок, и спички у нас не намокли. А вот как они?.. Игорь, Жанна, Котеночкин... Саша Мамонов?..

Объедкин грустно посмотрел на девушку единственным глазом.

— Саша ничего, — только и сказал он. — Саша не пропадет.

Ксения подивилась тому, что каюр как будто не в обиде на Мамонова, а ведь кто не давал покоя старику, кто называл его «одноглазым циклопом», кто потешался над его пристрастием к обильным чаям?.. Этого Ксения не понимала.

В тот же день в лагерь возвратился Дудкин. Он пришел один. Заросший. Жалкий. Громыхая, волочился по камням приклад его винтовки.

— Чуть было не выбросил свою пушку, — пожаловался он, вытирая со лба и со щек капли воды. — Льет! В тайге болото. По колено...

— Вернулся, — сказала Ксения странно сухим, обезвученным голосом. — Я так боялась... Ну, как там?.. А где остальные?

Она сунула руку в рюкзак и сразу же ощутила ласковое тепло беличьего меха. Она-таки привезла Игорю «белку» — роскошный шарф из беличьих хвостов, нанизанных на бечеву.

— Остальные?.. Остальные там, в тайге, — неопределенно махнул рукой Дудкин.

— Они что, подойдут сейчас?

— Не знаю. Котеночкин с Жанной заблудились, наверное. В общем, не вышли к условленному месту. Мы ждали их сутки, а потом я... я нашел кимберлит! Голубую глину...

Глаза у Ксении стали круглыми, и кровь прилила к вискам.

— Ты нашел кимберлит? — спросила она сдавленным от волнения голосом. — Где же он? Покажи! Дай пощупать!..

— Нет его, — угрюмо ответил Дудкин. — Я нашел, а Мамонов мне за это морду набил. Его счастье, что ружье мое далеко лежало...

— За что же он тебя?

Дудкин отвернулся.

— Ему виднее. Может, из зависти. Не ему же улыбнулась удача, а мне. Ну, я и ушел. Спасибо, что ты дала мне компас.

Дудкин смотрел на нее хмурыми, но честными глазами, такими красивыми, с такими пушистыми ресницами...

Ксения вынула руку, тихонько подула на пальцы, к которым пристали беличьи волоски...

— Да, да, — сказала она, не зная, что думать и что предположить. — Ты, конечно, не мог... не мог поступить иначе. — После тягостного молчания добавила: — Выпей спирту. Я привезла. Тебя хоть выжми...

И пока он короткими булькающими глотками пил разведенный спирт, Ксения медленно поднялась от рюкзака.

— Ну, да, конечно, — почти беззвучно шевельнула она губами.— Ну да...

...К утру прояснилось. В просветы между рваными мглистыми облаками брызнула зябкая синева, а верхушки лиственниц заискрились под солнцем льдистой капелью. И хлынули комары — неповоротливые, с прибитыми дождем крылышками, голодные и злые.

Ксения решила, что медлить нельзя, что надо идти навстречу отряду, надо разыскивать заблудившихся. Ах, Жанна, Жанна!.. Ах, Котеночкин! Но Мамонов — вот фрукт! Назначен старшим — и решил сводить в маршруте личные счеты!

Она отвела полог палатки.

Объедкин разводил невдалеке дымокур для оленя.

У реки стоял высокий стройный Игорь. Он делал какие-то энергичные движения, потер себе шею, запрокинул лицо...

— Умывается, что ли? — пробормотала Ксения недоуменно.— Или молится?..

— Не знаю, начальник,— отозвался Объедкин.— Мажется чем-то...

— Мажется?—Ксения проворно выбралась из палатки.— Мажется, вы сказали? Что же у него? «Метаморфоза»? «Молодость»? А у меня лицо обветрело, все в лишаях...

Кошачьими шажками она сбежала к реке.

— Доброе утро, Игорь!

Дудкин вздрогнул.

— Да у тебя никак диметилфтолат? Где достал?

— Нигде,— покраснев, сказал Дудкин.— Завалялся пузырек в рюкзаке.

— Завалялся, значит! — Лицо Ксении покрывалось матовой бледностью.— Так вот, оказывается, какой у тебя «состав крови», вот почему тебя комары не трогают! Теперь мне все ясно. Ну, черт с ним, с диметилфтолатом! Но ты, ты, ты!..

Она задохнулась, и губы у нее беспомощно задрожали.

Флакон выпал из рук Дудкина. Светлая, схожая с глицерином жидкость пролилась на обкатанные камни.

— Как же я тебя целовала?.. Как же я тебя спиртом отпаивала?.. Чтобы не простудился, а?.. Господи, какая же я дура!

Согнувшись, Ксения побрела в гору, к палатке. Споткнулась и чуть не упала. Выпрямилась. Крикнула Объедкину:

— Подготовьте оленя!

Ей не пришлось отъехать от лагеря дальше нескольких километров. Там, где тропа-зимник упиралась в реку, Ксения повстречалась с отрядом. Впереди брел Мамонов с двумя рюкзаками, торчавшими из-за плеч в разные стороны. Сзади плелись Котеночкин и Жанна. Котеночкин поддерживал девушку: та слегка прихрамывала.

Ксения посмотрела Мамонову в глаза. Они показались ей бездонными, — может, потому, что легла под ними густая болезненная синева. Может, потому, что он не прищуривал их, как обычно. Губы у Мамонова запеклись и обветрились, пристали к ним крошки мха ягеля.

— Вы что, мох ели?

— Пробовали. Невкусно.

— А где олень?

— Сорвался с кручи. У нас уже не было сил спуститься, чтобы освежевать, забрать мясо. Надо провернуть это дело... насчет мяса...

Ксения пропустила Мамонова и подождала Жанну.

— А у тебя что с ногой?

— Пустяки. Пройдет.

— Заблудились?

— Да. Когда работаешь с прибором, начинает бараклить компас, стрелка мечется, как угорелая. Ну вот... Потеряли ориентировку. Еле я определилась по руслу какого-то высохшего ручья. По траве — ее когда-то течение прижало.— Жанна слабо кивнула.— Тут еще... Котеночек этот... Говорит, это не течением, а ветром траву пригладило, и надо, мол, в другую сторону податься. В общем, начали спорить, а время шло. Спасибо вот Сашке,— его костер утром заметили. Уж не знаю, как он его развел.

Жанна трудно дышала, ноздри у нее раздувались, и глаза лихорадочно блестели.

— Я, наверное, заболела,— сказала она виновато.— Все время в воде. Ты не сердись, я немножко... Я поправлюсь. Пройдет.

— Что ты, Жанна! Я не сержусь. Я так рада, что мы снова все вместе! Садись-ка ты на оленя. Подсоби, Василий...

Она боялась разговора с Мамоновым и с тоской душевной ждала его первого вопроса, первых слов.

Когда между деревьев промелькнуло белое пятно парусины и ноздри пощекотал жирный дымок лагерного костра, Мамонов не утерпел и спросил наконец:

— Вернулся... он?

— Вернулся,— ответила Ксения.— Что у вас там стряслось? Он действительно нашел кимберлит?

— Да. Случайно. Столкнул в ручей диабаз, а под ним вдруг голубая глина.— Мамонов помолчал, сплюнул.— А потом мохом притрусил, чтобы я не заметил. Уж не знаю, зачем ему это понадобилось. Чтобы славой не делиться, что ли? Мне его слава, как собаке пятая нога! В общем, слово за слово, и я его съездил разок по скуле. Для профилактики.

— Подлец он! — сквозь зубы и не поднимая глаз проговорила Ксения.— Так я и подумала.

А Мамонов сжал рот так, что узкие губы побелели, стали неразличимыми на сухом лице.

— Здорово, Объедкин! — только и сказал он, подходя к костру. Расширенными от голода глазами смотрел он, как готовит каюр густую, с длинными волокнами мяса похлебку.

— Пойдем,— сказала ему Ксения.— Потерпи немного. Вот сготовит он свой рассольник — и будем обедать.

— Не пойду я в палатку,— процедил Мамонов.— Не могу... Видеть его не могу!

— Пойдем! — настойчиво повторила Ксения.— Пойдем, я что-то скажу...

Мамонов опустил голову и побрел за девушкой, тяжело, след в след, ставя ноги.

В палатке она мельком взглянула на Дудкина, забившегося в угол и молча посматривавшего оттуда сузившимися глазами.

Она села на ящик из-под консервов и повернулась к Мамонову.

— Возьми, Саша, рюкзак этого... несостоявшегося живописца... Возьми — и выбрось его к чертовой матери!

Мамонов не заставил просить себя дважды. Он в точности исполнил повеление начальника отряда. Шутками, но дисциплину он все-таки уважал. Перевернувшись раза два, рюкзак Дудкина бесформенно осел на галечнике, из него вывалилась стеклянная банка с маринованными огурчиками и, дребезжа, покатилась к реке. Ксению это уже не удивило. Лишнее звено в одной цепи...

Но у Жанны загорелись глаза.

— Так вот они чьи, огурчики!

Не глядя на Дудкина, Ксения сказала сдавленным голосом:

— Можете уходить, Дудкин. Компас, я надеюсь, вы сдадите в партии: это казенное имущество.

Дудкин встал. Ссутулившись, протиснулся в проем палатки и погрозил уже снаружи:

— Вы за это ответите! Кимберлит нашел все-таки я!

— Игорь! — сказала, не выдержав, Ксения.

Жанна удержала подругу.

— Не унижайся. Не стоит.— Подумав, добавила: — А вообще обидно, что голубая глина пристала к таким грязным рукам!

Ксения безмолвно опустилась на вытоптанный желтый мох, устилавший низ палатки. По лицу у нее пошли красные пятна.

— Возьми свою оптику! — крикнул где-то там, у реки, Мамонов.— Не бойся, не брошу! Жалко красивую вещь! Ну, а оруженосца теперь у тебя не будет. Не положено. Разжалован ты, приятель.

Очевидно, Дудкин ответил что-то, и снова донесся голос Мамонова:

— Катись, катись! В случае чего вали лес, обкладывайся кострами и кричи.

Ксения встрепенулась, подтащила к себе рюкзак.

— Вот, вот! Я забыла... Тут ему беличий шарф. Пусть возьмет. Он же охрип. Кашляет!

Жанна надменно прищурилась, взглянула на подругу свысока.

— У тебя никакого самолюбия. Дай сюда шарф! Да ты еще такого парня полюбишь!.. А этот... Пусть он себе кашляет на здоровье!

В палатку неуклюже, одним боком протиснулся Мамонов. Он пошарил в своем рюкзаке и извлек оттуда кимберлит — серый обломок алмазоносной породы с вкрапленным в него четко ограненным камнем.

— Теперь он скажет в партии, что мы его по злобе прогнали. Еще и виноваты будем.— Ксения съежилась.

— Не будем,—сказала она скрипуче и обессиленно.— Нашел он эти кимберлиты — ну и пусть! Хотя без нас он бы их не нашел. Но пусть, пусть! Спорить не станем. А только выгнали его — и правильно сделали. Воздух в тайге... чище будет. А нам тут еще искать да искать! На наш век хватит.

...К вечеру Мамонов занялся дымокуром. Достал бумаги, наковырял мха... Ксения с тоскою взирала на его хлопоты. Ей было все равно. Пусть дымокур, пусть комары, пусть что угодно...

Она лежала на спальном мешке, и пальцы Мамонова мельтешили перед ее глазами. Кожа на них была багровой, и кое-где у ногтей пальцы кровоточили. Как только он отмывал ими шлихи?

Тогда она робко предложила:

— Лучше же будет, если пальцы тебе забинтовать! Хотя бы на время, а?..

Мамонов взглянул на них и тоже робко, нерешительно согласился:

— Можно... Вот только я с дымокуром управлюсь.

Из палатки пришлось убегать: повалил дым. Он валил из всех щелей, и даже парусина слегка приподнималась, будто дышала, будто была живая. А в дыму, как мелкие хлопья сажи, кружились сотни комаров.

— Гнус, гнус! Сколько его! — тягостно прошептала Ксения.

— Не так уж много, Ксения Иванна,— возразил Мамонов.— Бывали года — так не продохнешь! Ну, мы его дымком!

И она вынуждена была согласиться, что пока, пожалуй, самое испытанное и надежное средство против гнуса — дым.

Интервью «Огонька»

Когда человек оступился...

Л. СОКОЛОВА,
московский адвокат

Это произошло в прошлом году. Осенним днем строгальщик Александр Сариков остановил в цехе своего приятеля, слесаря Валерия Е.:

— Давай вечером повидаемся.

— Не могу. Я после смены к знакомой девушке иду.

— Тогда встретимся попозже. Оно и лучше.

— Что ж, ладно.

В условленное время встретились. Сариков был не один. Рядом шагал незнакомый парень. Его звали Юрий Ханин. Втроем стали бродить по опустевшим улицам окраины столицы. В час ночи оказались у небольшого индивидуального гаража. Вдруг Сариков достал из кармана ножовку и в два счета перепилил дужку висячего замка. Валерий обомлел, растерялся, хотя уже догадывался о том, что затевается. Еще не поздно было попытаться образумить воров, или поднять шум и задержать их, или просто убежать. Но в полном замешательстве молодой слесарь ни на что не решился...

Спустя восемь дней Ханина арестовали: субъект без определенных занятий, он систематически занимался воровством, грабежами, разбоем. Всплыло наружу и хищение автомобильных колес, возвращенных, кстати говоря, владельцу в целости и сохранности. К ответственности заодно с Ханиным и Сариковым привлекли и Валерия, защищать которого поручили мне.

Милиция и прокуратура Киевского района Москвы уже в ходе следствия не ставили Валерия на одну доску с инициаторами кражи: в отличие от них слесаря не взяли под стражу. Не было сомнений: нарсуд учтет, что Валерий вовлечен в кражу случайно и полностью признал свою вину, а ранее никаких проступков он не совершал. Все же ему грозило тюремное заключение: ведь так или иначе совершено серьезное преступление.

И тут сказалась одна из самых характерных черт нашей советской жизни — глубокая заинтересованность общественности в судьбе каждого человека, даже такого, который оступился, но способен исправиться. Заводская комсомольская организация решила взять Валерия на поруки. Сильное впечатление на суд, на всех присутствовавших в зале суда произвело выступление общественного защитника, комсорга Сергея Ушакова:

— Валерию нет и девятнадцати лет, а он уже почти три года добросовестно трудится. И охотно помогает товарищам. То, что с ним стряслось, на него не похоже. Еще до того, как его изобличили, он ходил сам не свой, на него словно гору взвалили. Мы это заметили, а подойти к нему не сумели. Оттого, наверно, Валерий и побоялся сам сознаться. Зато потом, на комсомольском бюро, он все рассказал без утайки и не выгораживал себя. Мы уверены, что он глубоко и на всю жизнь прочувствовал свою вину. Поэтому я от имени молодых и всех остальных рабочих прошу оставить Валерия в нашем коллективе...

И суд посчитался с ходатайством комсомольцев.

Прошло уже несколько месяцев. Валерий работает еще лучше прежнего. Теперь у него, по его словам, есть только два желания: быть в поведении, в труде примером для других и... поскорее получить комнату, чтобы жениться на любимой девушке...

В рассказанном — смысл и значение постановления недавнего пленума Верховного Суда СССР, разъяснившего судам, как лучше применять меры уголовного наказания.

Ведь действительно, если человек совершил преступление, не представляющее большой опасности для общества, и способен стать на путь исправления, зачастую достаточно ограничиться условным осуждением. А жизнь подтверждает, что наша общественность умело перевоспитывает, исправляет осужденных, не ставших закоренелыми преступниками.

Новое не всеми сразу правильно воспринимается. Есть юридические работники, которые по старинке почти всегда предпочитают «реальные» меры наказания условному осуждению и робко откликаются на просьбы общественности передать ей на поруки оступившегося человека.

Сошлюсь опять на конкретное судебное дело. Если целиком довериться обвинительному заключению, его суть сурова. В прошлом году неизвестный позвонил видному московскому профессору и потребовал десять тысяч рублей под угрозой сжечь его дачу. Профессор ответил, что требуемой суммы не имеет; сговорились на пяти тысячах. При вручении вымогателю папки, в которой должны были лежать деньги, его задержали.

К суду привлекли троих юношей. Их обвинили в забытом в нашей стране преступлении; во всяком случае, ни мне, ни моим коллегам по этому процессу, опытным адвокатам М. П. Сабилло и Л. А. Ветвинскому, никогда не приводилось сталкиваться с таким наглым вымогательством, обычным лишь в мире капитализма.

Изучение обстоятельств дела выявило любопытную картину. Начитавшись переводных детективных романов, двадцатилетний студент Евгений Г. вздумал ради забавы уподобиться американским гангстерам и провести «вымогательскую операцию». Долго искать жертву дикой выходки не понадобилось: по соседству с дачей родителей Евгения находится дача профессора. Поскольку сам предстать перед соседом Евгений не мог, он втянул в «операцию» своего приятеля, двадцатилетнего студента Василия К. и его девятнадцатилетнего брата Григория.

По «плану», разработанному Евгением, предполагалось, что профессор на другой день прибудет на восьмую платформу Ярославского вокзала. Ему вручат записку: немедленно отправиться в такси к станции метро «Ботанический сад» и передать желтую папку с деньгами человеку, который назовет его, профессора, Иваном Ивановичем. Григорий тоже поедет в такси, не отставая от профессора и проверяя, нет ли слежки. Если Григорий заметит что-либо угрожающее, то он у станции «Ботанический сад» пройдет мимо стоящего там Василия и слегка приподнимет шапку. Если же все будет в порядке, Василий возьмет у профессора папку и поспешит на Белорусский вокзал. Затем сядет в пригородный поезд и у платформы Сетунь на ходу выбросит папку; подберет ее Евгений.

Однако «план» провалился. Дома мать рассказала Евгению, что кто-то шантажирует их дачного соседа и он уже связался с милицией.

Все же эта весть не остудила пыла Евгения. Усердствуя не по разуму, он загорелся желанием «перехитрить милицию» и предложил Василию и Григорию действовать иначе.

Евгений позвонил профессору по телефону, чтобы потребовать тотчас же вынести папку. Но какая-то женщина ответила: «Профессор только что уехал».

Тогда Евгений велел Василию поехать на Ярославский вокзал и убедиться, покорился ли профессор воле вымогателя, но денег не брать.

Между тем ученому нездоровилось. Надев его пальто и взяв желтую папку, на «свидание с вымогателем» отправился дядя профессора. Едва завидев его на восьмой платформе, Василий «перестарался» и спросил: «Вы Иван Иванович?» А тот сразу сунул папку юноше. Василий взял ее и, как и следовало ожидать, тут же угодил в руки оперативных работников милиции.

Вслед за тем арестовали Евгения. У Григория взяли подписку о невыезде. Все трое признали свою вину и горько каялись.

Итак, было ясно: не в вымогательстве с корыстной целью, а в возмутительном, преступном озорстве повинна эта тройка юнцов, решивших уподобиться американским гангстерам. Конечно, за это надо судить и наказать.

Однако характерно, что на следствии даже не возник основной в таких случаях вопрос: каким образом юноши собирались поделить и истратить злополучные пять тысяч рублей? Кроме того, мы уже знаем, что Евгений велел Василию не брать папку с деньгами. Вывод очевиден: юноши не опасны для общества. Я защищала на суде Василия, и мне легче всего обрисовать именно его облик.

Василий вырос в большой и честной трудовой семье. Он с детства часто болел воспалением легких. Учась в Московском педагогическом институте имени Ленина, он тоже неоднократно и подолгу хворал. И все же не только не отставал, но еще помогал товарищам. Как показали на суде комсорги Татьяна Климова и Александра Волобуева, Василий помогал не только тем, кто к нему обращался, но и другим студентам, если видел, что им трудно заниматься. Свойственно Василию и трудолюбие. В прошлом году по состоянию здоровья он вынужден был прервать обучение. Но не стал бездельничать, а пошел на стройку, где овладел профессией каменщика и до ареста в течение шести месяцев добросовестно трудился. В защиту студента на суде выступили также преподаватели института И. М. Седова и Н. Д. Геленко. В частности, Геленко заявил:

— Очень способный студент-математик, обнаруживающий подлинную страсть к науке. Несмотря на его дикий проступок, я продолжаю верить в моральные качества Василия. Я первый в нашем коллективе педагогов и студентов готов дать за него поручительство.

Таков примерно облик и двух других обвиняемых, которые тоже раньше не судились и не имели ничего общего с уголовщиной.

Тем не менее на суде не все шло гладко. Обвиняемым угрожала «реальная» мера наказания.

Правда, нарсуд Ленинградского района столицы вынес юношам условный приговор с трехлетним испытательным сроком. Но это справедливое и разумное решение было принято лишь голосами народных заседателей: мастера зеркальной фабрики № 2 Мосгорисполкома Е. Ф. Зубковой и рабочего-пенсионера Б. А. Алексеева. Судья же возражал против условного осуждения обвиняемых и остался «при особом мнении». А районный прокурор опротестовал приговор, считая, что юношей надо изолировать от общества. К счастью, Московский городской суд отверг протест, оставив в силе условный приговор.

Не зря я так подробно рассказала о процессе троих юношей. Сейчас еще яснее прежнего видно, как правы были народные заседатели и Мосгорсуд. Об этом свидетельствует и постановление пленума Верховного Суда СССР, рекомендующее в тех случаях, когда на скамью подсудимых попадает оступившийся человек, шире применять меры наказания, не связанные с лишением свободы.

Это постановление, основанное на решениях XXI съезда КПСС, открывает новые возможности в борьбе с преступностью.

РАССКАЗ БЕЗ ТОЧКИ

Н. ТАРАСЕНКОВА

Фото О. КНОРРИНГА.

Подружки: Наташа Цветкова, Люся Ткачева, Мила Певзнер.

На кладке стен...

— Ну так чего ж вы молчите? Предлагайте.

Наташа Цветкова стоит за столом, она ведет оперативку, и ей, вероятно, надо повторить слова Олега Константиновича Рынкова: «Предлагайте». Но она тоже молчит.

...Идет оперативка в общежитии строителей в алтайском городке Бийске. Такая оперативка проходит еженедельно, но сегодня она особенная: решается важный вопрос.

Здесь собрались «школьники-москвичи» и «школьники-новгородцы». Это, конечно, не точно. Школьниками они были год тому назад и год тому назад приехали сюда. Но на стройке нового Бийска почему-то до сих пор принято называть их так.

Сейчас должно решиться, кто из них поедет в Москву и в Новгород, чтобы собрать новую группу десятиклассников-выпускников и чтобы с ними вместе поехать на новую стройку, теперь уже самостоятельно.

— Я считаю,— говорит Лида Шульпина,— должны поехать Мила Певзнер, Алик Карпач, Андрюша Сборщиков. Что? Мира Айзенберг, Люся Ткачева? По-моему, они должны остаться. Здесь ведь тоже много работы... И надо обязательно послать Наташу Цветкову.

Наташа слышит свою фамилию и чуть вздрагивает. Спрашивает себя: «Хочу ли я ехать?» Да, да, новая стройка, новые люди. «Хочу ли я остаться?» И словно совершенно другой голос отвечает: «Да, хочу, потому что здесь все свои, потому что уже кое-что сделано мною».

И вдруг ей становится хорошо и страшно, точно сейчас надо прыгать с трамплина. Так, значит, ехать!

И все, что было год тому назад — Москва, вокзал, проводы,— все это кажется вчерашним. Да, это было вчера. Они смотрели в окно. Мелькали деревья, убегали назад дома. Поезд шел в Бийск.

И было грустно и чуть смешно, как по вагону ходила Мира Айзенберг, спрашивала:

— Ребята, вы не видели мой портфельчик?.. Там полотенце, мыло. Ну, в общем, все.

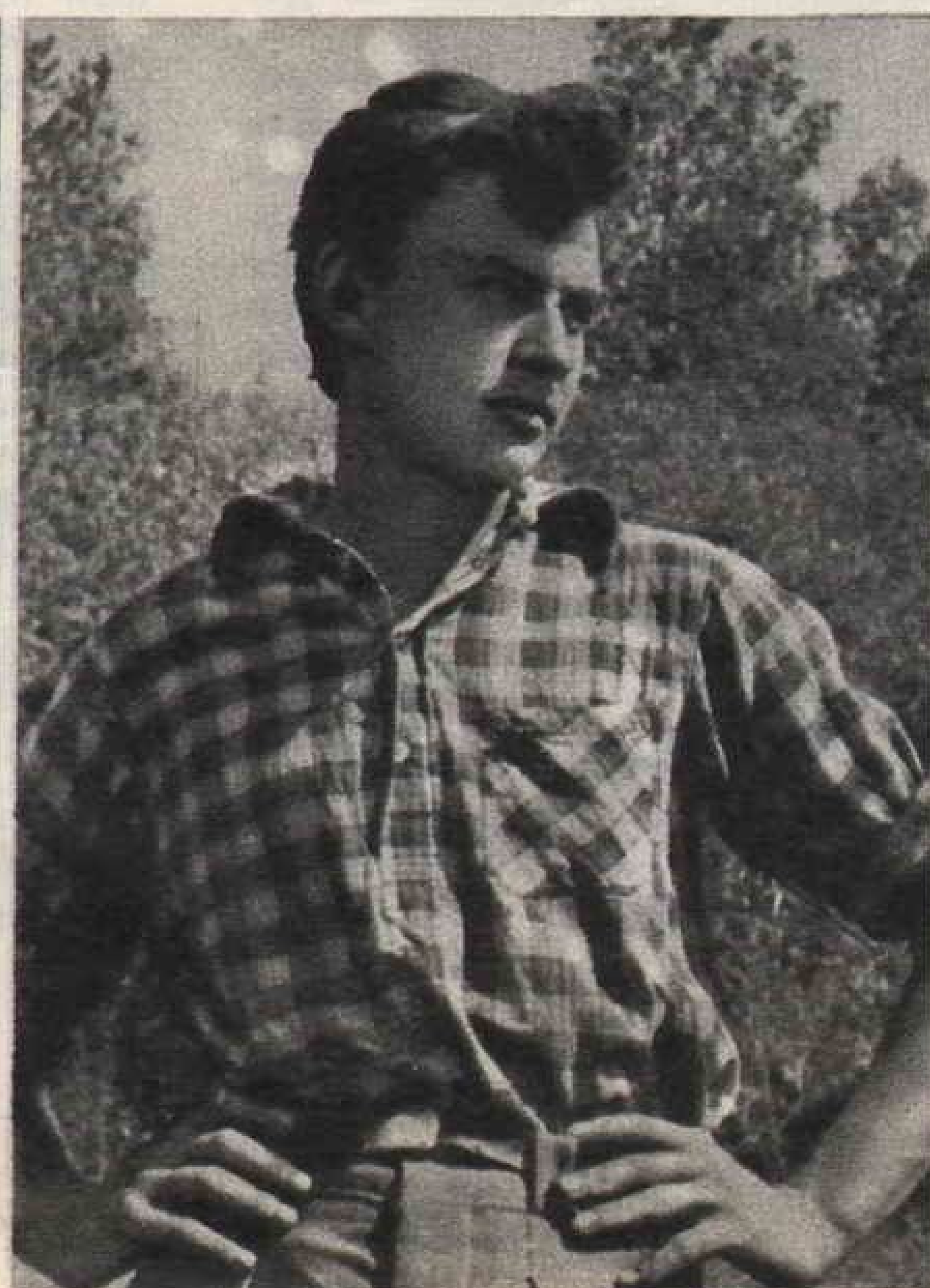
И это действительно было все ее имущество, которое она могла взять с собой. И все ребята в вагоне уже знали ее историю.

Дома Мире сказали: «Не смей и думать!» И мать была уверена: останется. Да и как она могла уехать, когда вещи все спрятаны! А Мира взяла школьный портфель и ушла на вокзал, оставив на столе записку: «Мама, ты у меня хорошая, ты все поймешь».

Андрюша Сборщиков.

Алик Карпач.

Аля Хабирова.

Боря Кудриков.

Да, у каждого была своя история. И у Люси Ткачевой, пожалуй, самая грустная.

— Люська, милая, ну брось! Ведь весь класс пришел тебя провожать, тебя одну. И папа ведь пришел,— успокаивала ее Мила,— так почему ж ты такая грустная, Люся?

— А мама не пришла,— говорит Люся очень тихо.

И тоже все уже знали, как не пускали Люсю, как угрожали родители. «Слышишь, не пущу, не для того лелеяла! Не для того образование давала, чтобы на какую-то стройку кирпичи ехала таскать. А уедешь,— знай: не дочь мне!» — громким шепотом говорила мать, потом кричала отцу: «Пойди в школу, скажи всем: не поедет!» И отец ходил к директору, упрашивал, чтобы уломали дочь. Ничего не помогло. Уехала.

«А у меня?..» — вспоминает Наташа.

Пожалуй, она уезжала легче других: просто мама долго сердилась и говорила одно и то же: «Ты ведь уже год, как школу окончила, сверловщицей на заводе работаешь, ну и работай. Что ты мечешься, чего тебе надо?»

Люсю успокаивали все в вагоне.

— Многие только потому и не поехали: родители не пустили,— говорила Мира.

— Чепуха! — С верхней полки свешивается голова юноши. Он поправляет очки, улыбается застенчивой улыбкой. Повторяет: — Че-пу-ха! Кто хотел, все поехали. И вообще у решительных родителей должны быть решительные дети.

И вот тогда-то в вагоне начался спор, почему каждый из них решил поехать. Одни говорили: на романтику потянуло. «Еще бы! Едем чуть не на край света». Борис Кудриков, еле дотрагиваясь до клавишей аккордеона,— он не расставался с аккордеоном с тех пор, как в райкоме комсомола ему преподнесли его перед отъездом,— сказал неторопливо:

— Я еду работать и помогать маме, у меня ведь семья.

— А я еду, чтобы проверить себя,— молвил Андрей Сборщиков.— В Москве было все легко и просто.

Да, куда легче было стоять в классе у карты, обводить темные кружки — города Алтайского края. Но вот теперь один из этих кружков должен стать их местом жительства. Что ждет их там? Как встретят? И, наверное, мысли тогда были у всех одни: мамы очень боялись, мамы предсказывали, что их ждет на Алтае. Это только здесь, в Москве, на вокзале цветы и оркестр. Там не будет ни цветов, ни оркестра. Родители оказались правы: приехавших встретили очень спокойно. Приготовлен был для них барак в лесу. Качались макушки сосен, точно оправдывались: такое, мол, жилище, не сетуйте...

— Наташа! Цветкова! Ты ведь ведешь оперативку. Шумно! — говорит Олег Константинович Рынков.— Сегодня решится, кто будет нашими посланниками. И вскоре они сами станут воспитателями новой группы, их старшими товарищами. В Москве, в Новгороде вам придется встречаться со многими школьниками-выпускниками. Вам надо многое рассказать ребятам. Рассказать о трудностях. Что эта поездка не экскурсия на стройку. Впрочем, вам ведь есть что рассказать...

Наташа уже плохо слышит Рынкова. Она видит себя и своих товарищей в актовом зале. Это школа.

— Ну что ж, нам есть что рассказать,— говорит она.

И ребята слушают...

— Мы приехали на стройку, и нам предложили несколько профессий: каменщики, бетонщики, плотники-бетонщики. Сначала ходили в учениках. И самое трудное оказалось знаете, что?.. Вставать в шесть утра. До работы было далеко. Потом получили мы четвертый разряд и нам сказали: «Теперь вы каменщики. Работайте самостоятельно».

Многих распределили по бригадам. А одна бригада сложилась из одних наших. Бригадиром назначили самого молодого — Алика Карпача. А всех остальных так и стали называть — карпачами.

Карпачи уже работали на кладке, и у них не клеилось. И тогда к ним в бригаду попросились два каменщика — Саня Семочкин и Толя Новоселов. Они приехали сюда из Ленинграда сразу же после школы, проработали уже два года и смогли бы кое-чему подучить наших москвичей. Но их не отпустили с участка. Тогда они взяли свой очередной отпуск и вместо того, чтобы поехать домой, в Ленинград, остались в бригаде Карпача. Поступок ленинградцев привел всех нас в восторг: вот это люди, вот это настоящие!

Но на стройке разные люди, и, бывало, приходилось разочаровываться. Возил один шофер в бригаду кирпич. Парень как парень. Вроде хороший. Вместе с ним ездил Борис Малышев, помогал грузить. И вдруг как-то сидит он в кабине, слышит:

— Знаешь, хлопец, одну машину завернем,— предлагает шофер.— Кореш мой здесь недалече строит. Только молчок! Обижен не будешь.

— Да ты что? Да ты...

— Тише, тише, не благородствуй... Хозяин здесь я. Вот сейчас и завернем...

Борис схватился за баранку.

— Только посмей!

Услышал в ответ:

— Смотри, вышвырну, как котенка!— И тише: — Ты это забудь. Я пошутил.

Об этом много шумели и говорили у нас в общежитии. Да и вообще, чего-чего, а разговоров у нас было много. Ведь первый раз столкнулись с жизнью. Но, пожалуй, самый интересный разговор был о нас самих. Непонятно? Сейчас объясню.

Были у нас кое-какие ссоры, недомолвки. Кто-то на кого-то дулся, кто-то о ком-то что-то сказал. Вот тогда и решили устроить такой вечер: «Разговор начистоту». Впрочем, одного вечера не хватило. Перенесли на второй и третий. Каждый говорил о себе, и все говорили о каждом. Здесь ничего нельзя было утаить. Досталось всем. Даже тем, кого считали «мировыми». Это была поистине «чистка душ». Зато потом стало легко и просто, потому что знали друг о друге буквально все. Потому что нечего было скрывать.

А скоро случилось в нашей жизни два события. Приехали школьники-новгородцы. Тогда здорово мы радовались: в полку прибыло! Поселились они в соседнем бараке, но недолго пришлось так жить. Вскоре началось великое переселение. Дали новое общежитие с кухней и ванной. По сравнению с бараком это был настоящий дворец. А когда перебрались, сказал кто-то с грустью:

— А ведь было в нашей жизни, братцы, большое упущение. Не было в нашей жизни палаток...

— Наташа, слово просит Кудриков. Ты что, не слышишь?

И сразу исчезла воображаемая аудитория школьников.

— Говори, Боря.

— У наших ребят будет много интересных встреч. И знаете, о чем вы должны рассказывать? Школьники должны уезжать группами. Конечно, поедут поодиночке — тоже не пропадут, но все-таки лучше по-нашему. А то ведь ребята как думают: окончил школу, возьму и уеду на край света, поступлю на работу. А там чуть что не так, и ломается парень. У нас была первая ступень самостоятельности. Мы поехали с нашим преподавателем Олегом Константиновичем Рынковым. У тех, кто поедет, будет вторая ступень самостоятельности.

— Тише, ребята, очень шумно! Все выскажутся,— говорит Наташа.

Нет, конечно, они смогли многого добиться, и ими довольны на стройке только потому, что у них очень дружный, хороший коллектив.

Произошел не так давно на стройке курьезный случай. У Миши Рывкина, лучшего шахматиста, была слабость: мечтал он стать крановщиком. А у крановщика Сережи Кулешова тоже была слабость: он мечтал стать хорошим шахматистом. Играли они в шахматы. И говорят, что Миша сразу отдавал королеву только ради того, чтобы Сережа обучал его своей профессии.

Однажды бригада решила задержаться. Оставался раствор. Надо было подать его на леса.

— А ну, Миша, попробуй! Ты ведь почти крановщик. Сережи Кулешова нет.

Миша забрался в кабину. Минута блаженства. Но только минута. Что-то треснуло — и стрела застыла неподвижно.

Тогда был очень тревожный день в общежитии. Что делать? А вдруг серьезное повреждение? Вдруг придется платить много денег? Ребята успокаивали Мишу:

— Ты не волнуйся. Если скажут платить, мы соберем. Мы ведь теперь рабочие, мы поможем.

Но пришел Кулешов, и кран снова стал работать. Так здесь повелось. В работе, на оперативках это зубастые ребята. В беде все стояли друг за друга. Потому и тянулись все к этому коллективу...

И снова голос Рынкова:

— Наталья, где твоя рука? Ты голосуешь, чтобы поехал Андрей Сборщиков?

— Да, конечно.

— А ты знаешь, что он собирался уходить от нас в экспедицию к геологам?

— Да, знаю. Но ведь Андрей хотел проверить себя на новом поприще. На стройке выдержал с честью, а как в тайге?..

Андрей улыбается своей застенчивой улыбкой.

— Я действительно хотел еще раз проверить себя. Но раз мне доверяют, я еду. Только вот хорошо бы вернуться обратно в Сибирь. Здорово здесь!

Заканчивается оперативка. Рынков говорит:

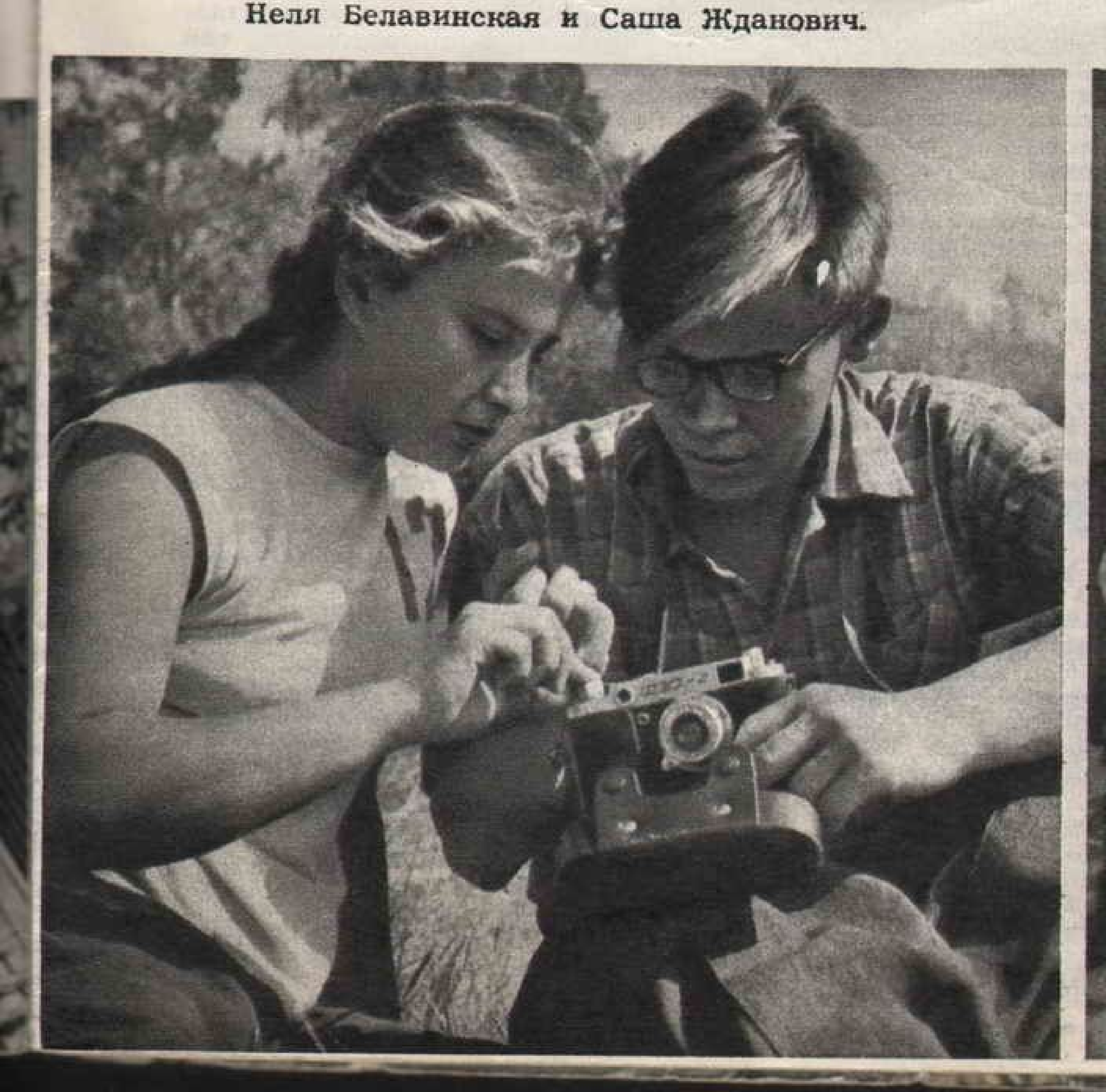
— Наташа, вела ты сегодня оперативку плохо. Давайте, друзья, поставим точку.

И вот поставлена точка. Хотя точку ставить, может быть, и нельзя. Недавно мы говорили с секретарем столичного Пролетарского райкома комсомола Ю. И. Фартуниным.

— Молодые строители уже приехали в Москву и собирают новую группу,— сказал он.

— Ну и как?

— Туговато. Ко мне снова приходят некоторые мамы, и снова те же просьбы... Дети-то очень хотят, а вот родители...

Неля Белавинская и Саша Жданович.

Миша Рывкин.

С мастеров да спросится

Конечно, эта книга стихов — итог многолетней работы поэта. Здесь помещены стихи тридцатых годов: «Балерина», «Первый снег», завоевавшие широкую известность острым психологизмом, яркой изобразительностью, жизненной достоверностью факта и силой его обобщения. Тенденция к обобщенности переживания, вообще присущая лирической поэзии, особенно характерна для стихов Леонида Мартынова. «Ты без меня», «Мир», «Любовь», «Седьмое чувство», «Первородство», «Да, многое исчезло без следов», «Кто дал тебе совет...», «Цена жизни» — эти лучшие стихи сборника, определившие его лицо, по жанру близки к той поэзии, которую принято называть «философскими раздумьями».

В некоторых из них появляется даже не присущая поэзии Мартынова публицистичность, которая сочетается с характерной иронией:

Жизнь людская дорожает!
Это прямо поражает,
Убивает наповал

Тех,
Кто
Ею
Торговал!

В лучших стихах сборника, помещенных преимущественно в V и VII его разделах, пристальное внимание к звуковой стороне слова, к аллитерации, каламбурной рифме, характерное для Мартынова, удачно сливается со стремлением расширить лирическую проблематику, а четкий, лаконичный синтаксис усиливает напряженность интонации.

Тем больше недоумения вызывают первые разделы сборника. Кстати, сам принцип деления на разделы не совсем ясен; он не тематический, не жанровый и не временной, ибо стихи не датированы. А жаль, потому что многие стихи первых разделов кажутся старыми, случайными здесь и такими «внутренними», что сейчас их можно принять лишь за наброски, заготовки к чему-то цельному и нужному.

Так, вслед за стихотворением «Праздник» с его свежим поворотом темы буден («Я буден не узник, не им я союзник, а жизнь моя — праздник») идет стихотворение «След» с банальным, избитым сравнением. След на паркете и след в чужой душе сравнивали неоднократно. Еще менее значительны по смыслу «Чистое небо», «Когда ненастья черный ветер», «Я помню», «Ветер», «Что с тобою, небо голубое?». Отлично озвученные стихи («Ночь», «В век атома», «Усталость», «Камин») оставляют ощущение холодности, недостаточной интенсивности лирического переживания. Рядом с обаятельными, глубокими по замыслу и насыщенными лиризмом — «Ива», «Вьюги» — следуют стихи, в которых мысль как бы застыла на «начальной скорости» («Снег»). Мастерски описывает Мартынов «Ночные звуки». Но между предельной конкретностью описания и беспредельно абстрактным замыслом нет связующих звеньев. Стихотворение воспринимается как зарисовка. «Двадцатые годы», «Проходные дворы», «Между домами старыми», «Начало века» поднимают важнейшие темы. Но как? Через случайную частность, уже использованную в поэзии примету. Стихи, не согретые сильным лирическим чувством, распадаются на частные, необязательные детали, и кажется, что поэт во время всех этих грандиозных потрясений был не «в центре дел и событий эпохи» (Маяковский), а где-то сбоку. И думается, в таком итоговом сборнике не стоило помещать слабые стихи, пусть и изысканные в своей поэтике, но мало пахнущие жизнью. О многих из них хочется сказать словами самого автора, завершающими этюд «Вода»:

Ей
Не хватало быть
волнистой,
Ей не хватало течь везде.
Ей жизни не хватало —
Чистой,
Дистиллированной
Воде!

Действительно, в книге нет ни одного четверостишия, не отмеченного печатью мастерства и изяществом формы, но в книге много стихов, не волнующих мысль и чувство, ибо в них отсутствует непосредственность, биение пульса жизни. И если бы такой зрелый мастер, как Леонид Мартынов, проявил больше суровости в отборе стихов, то ярче выявились бы душевная сила, красота интеллекта и горячая устремленность поэта к грядущему, к творчеству прекрасного на земле, раскрытые в лучших стихах книги. Сильней зазвучали бы мотивы поэтического предвестничества и преемственности поколений, окрыляющие лучшие стихи:

Откликнись,
Товарищ
Будущий!

И. ДЕНИСОВА

Леонид Мартынов. Лирика. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1958. 117 стр.

История современности

Писать историю современности — так определил Ленин основную задачу публицистов.

Горячее, правдивое слово о нашей современности необходимо строителю коммунизма: оно расширяет кругозор, дает почувствовать бурный ритм времени. Потому так важен добрый почин издательства «Молодая гвардия», выпускающего серию публицистических книг «Молодому строителю коммунизма».

Уже вышли книжки И. Смирнова «Человеческое земное дело» — о полной и окончательной победе социализма в СССР; Г. Глезермана «Будущее, которое начинается сегодня» — о строительстве коммунизма в нашей стране; Ю. Максарева «Новая техника — новые победы» — беседы о техническом прогрессе в семилетке; Я. Полищука «Для всех и для каждого» — о росте благосостояния советских людей; «Романтика нашего времени» Бориса Егорова.

В. ГАЛИН

ЯПОНЦЫ ЛЮБЯТ РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ

Коити ОХАРА,
японский писатель

Современная литература сформировалась в Японии примерно семьдесят лет назад, когда страна вступила на путь капиталистического развития. Уже в те годы под влиянием русской литературы Фтабатэй Симэй создал свой роман «Плывущее облако». Симэй увлекался трудами Добролюбова, Герцена, Белинского, зачитывался произведениями Гоголя, Тургенева, Гончарова, Достоевского. У Куникида Доппо есть повесть «Равнина Мусаси», которую мы сравниваем с романами Тургенева. Токутоми Рока — его книга «Куросиво» недавно издана в СССР — был горячим почитателем Толстого, он даже навестил великого писателя в Ясной Поляне. Толстовская эпопея «Война и мир» была переведена в Японии еще в 1886 году.

Любой русский, очутившись в Японии, несомненно, удивится, увидев, как популярен здесь русский язык. А если заглянуть в книжные магазины, там можно увидеть полные собрания сочинений Толстого, Чехова, Достоевского, Гоголя, Тургенева, Горького. Сочинения Толстого, например, изданы двумя издательствами в двух самостоятельных переводах. Существует пять различных переводов «Матери» Горького. В трех переводах издан «Тихий Дон» Шолохова. На японском языке изданы произведения Гаршина, Блока, Куприна, Леонова, Есенина — невозможно перечислить все имена русских и советских авторов, известных у нас. Если бы советский человек, приехав в Японию, услышал беседу о русской литературе, он с удовольствием отметил бы ее истинное знание японцами.

Чем же вызвана такая любовь к русской литературе? Почему русская литература дает больше духовной пищи японцам, чем литература любой другой страны — Англии или Америки?

Русская литература по самому существу своему глубоко реалистична и гуманистична, она будит в человеке идеалы добра и справедливости. Вот эти гуманистические традиции русской литературы, рожденные в борьбе за права человека, и придают ей такую притягательную силу.

Читая повесть «Бедные люди» Достоевского, японцы видят, что вокруг них жизнь повседневно рождает характеры, подобные Макару Девушкину. Читая «Шинель» Гоголя, японцы открывают в истории Акакия Акакиевича самих себя и по-новому задумываются над своей жизнью. Произведения Чехова с их лирической грустью и в то же время с острым проникновением в сущность явлений приносят надежду и утешение простым людям Японии, живущим в страшном мире противоречий капиталистического строя.

После второй мировой войны в Японии наблюдается разорение и обнищание средних классов. Возникло бесчисленное количество жизненных коллизий, сходных с событиями чеховского «Вишневого сада». Трагедия «Трех сестер», трагедия «Вишневого сада» вновь и вновь возникает в Японии. Бесплодные мечты трех сестер, их жажда труда, стремление к лучшей жизни перекликаются с развеянными в прах мечтами японских девушек, а горячий монолог Ани из «Вишневого сада» пробуждает в душе молодых японок стремление жить и надеяться.

«Воскресение» Толстого не просто напоминает нам о судьбе многих крестьянских и городских девушек Японии, которых нужда толкает на путь проституции. Книга зовет заглянуть в тонкую душу женщины, обличает жестокость и бессмысленность современного социального устройства.

«Мать» Горького указывает путь, по которому нужно идти, учит наших писателей создавать образы рабочих, подобные Павлу Власову.

Советская литература показала японцам облик нового общества, нового общественного строя, который когда-нибудь победит и в Японии.

В годы второй мировой войны, в период разгула милитаризма и национализма, изучение русского языка и литературы жестоко преследовалось. Многие исследователи и переводчики русской литературы были арестованы и брошены в тюрьмы; институты, в которых преподавался русский язык, закрыты. И все же, несмотря на все репрессии, любовь к русской литературе, ее изучение не прекращались.

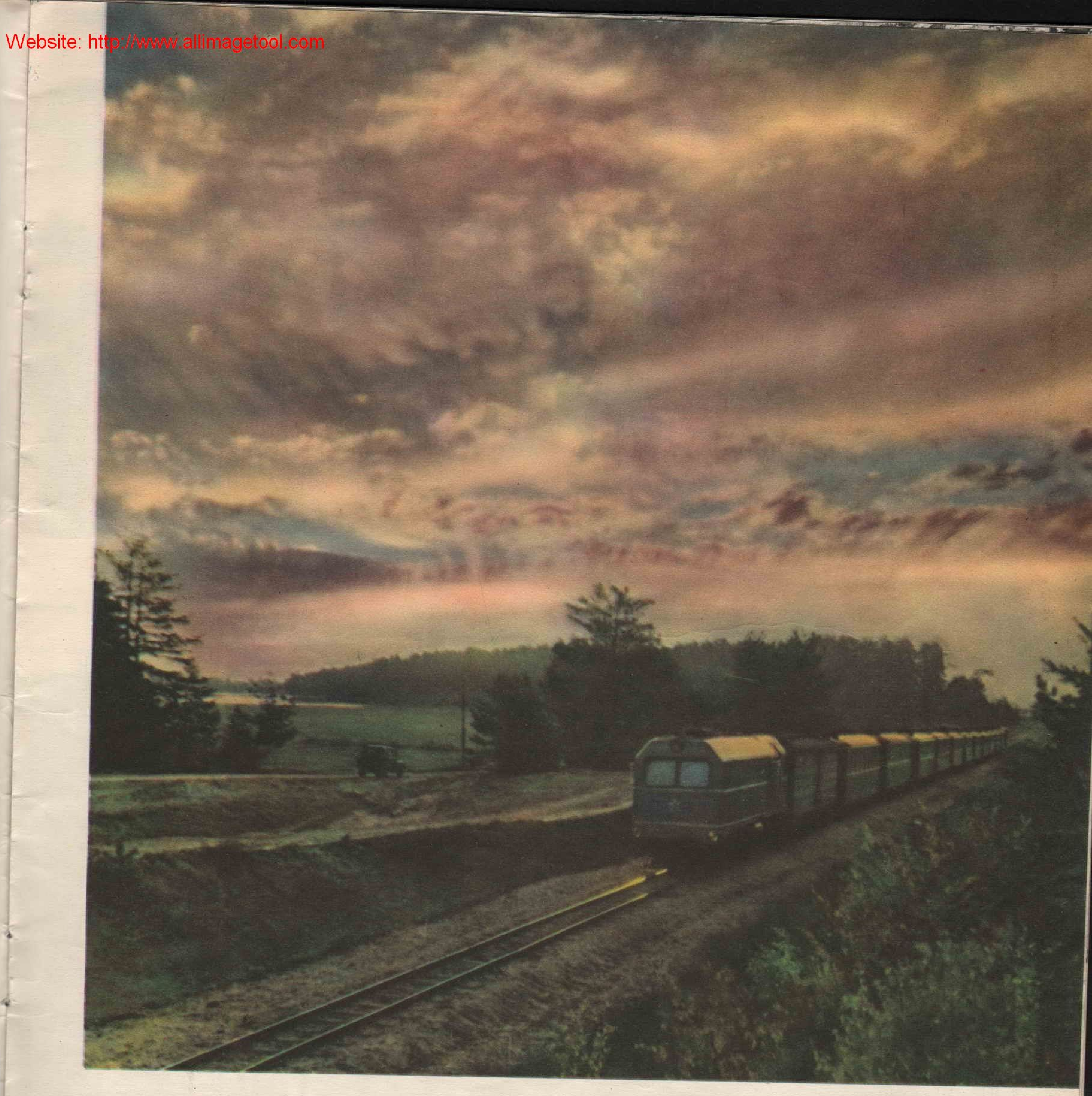
Переводчик русской литературы, отдавая свою работу в издательство, даже не мечтал об оплате за свой труд, стремясь только к одному — чтобы переведенная книга увидела свет, чтобы японские читатели смогли прочитать ее. Люди продавали последнее, чтобы заниматься любимым делом.

После войны полицейские репрессии прекратились, но экономическое давление по-прежнему продолжается. Немало честных людей разорилось, пытаясь организовать издательства, выпускающие русскую и советскую литературу. Банки отказываются субсидировать их. Можно насчитать немало издателей, которые обанкротились, так и не доведя до конца задуманный выпуск полного собрания сочинений Горького.

Один из моих друзей, переводчик шолоховского «Тихого Дона», по ночам работает в телеграфном агентстве, а днем, урывая часы от сна, продолжает изучать советскую литературу. Труд переводчика не может дать ему средств к существованию.

Вот почему, чтобы избрать профессию переводчика или исследователя советской литературы в Японии, требуется огромная решимость, готовность к жертвам, любовь к литературе, приверженность идеям гуманизма.

Русская и советская литература в Японии — не тема для салонных бесед, как это часто бывает с французской или американской литературой. Она органически связана с жизнью и духовным миром японцев. Советская литература — огромный фактор, формирующий мировоззрение японцев, животворно питающий японскую национальную литературу.

Нынешний пейзаж Мещеры.

Места рязанские

Фото М. САВИНА.

Солнце садится.

В школу.

Окский заповедн

Березовая роща под Спасском.

Справа

Окские дали в Солотче.

...ий заповедник. Здесь живут бобры. →

Справа внизу: Не подходите...

Этот лес посажен человеком.

КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ

Василий ТИТОВ

Строится наша колхозная деревня, строится. Кажется, так еще никогда не строилась она.

Вот уже сотни километров за плечами по тульским и орловским землям, а звон плотничьего топора и лязг мастерка каменщика все звучат и звучат. Едешь и видишь прямо с дороги: то у пруда, то на каких-нибудь широких бугрищах возникают скотные дворы, в другом месте строится кирпичное клубное здание, а там, замечаешь, возводится водонапорная башня или выкладываются хлебные амбары.

Поедешь по селам, по их улицам, в них тоже шум стройки. В одном месте разбирается ветхая кирпичная изба, в другом, глядишь, старая, покосившаяся набок бревенчатая «хоромина» со всей своей бузиной и сиренью под окнами и трубою заключена уже, как древняя мумия в саркофаг, в стены большого, литого из шлакобетона дома. Над стенами плотники поднимают высокие стропила, и «старуху» теперь остается выкидать по бревну через окна и двери. А то проедешь по селу, где вдоль старого порядка вытянулся подряд десяток новых домов из кирпича, шлакоблоков или рубленных из звонкого бревна. И уже жди, что и в соседних Колокольчиках или в Овечьем Броду будут стоять тоже новые дома. И, конечно, радуешься, что деревня строится.

Но скоро начинают возникать и вопросы. Едешь так километр за километром по разным дорогам, проезжаешь десятки деревень и сел, всюду слышишь шум строительных работ, а облика нового села не видно. Проедешь десять деревень, двадцать, и почти везде новые дома, новые строения возводятся там же, где стояли старые: на старых уселках, на кривых улицах, вдоль ложбин, дорог, по краям оврагов. И тогда спрашиваешь себя: «Да полно, так ли уж хорошо повсюду строится колхозное село?»

На тульской и орловской земле сейчас очень много говорят о сселении старых Колотовок, разных Дергачей и Нелюдимок на единые центральные усадьбы. Много рассказывают, как укрупнились и «округлились» колхозы, даже скажут: «Ведь раньше как было? Каждое село, каждая деревня испокон веков сидела у своей земли, у своих наделов. Теперь им так сидеть не нужно и неудобно, надо сселяться». Но чуть начнешь искать такое новое, сселенное село, глядишь, такого и нет.

Недавно с Дмитрием Ивановичем Полынкиным, главным инженером отдела по строительству в колхозах, что при управлении сельским хозяйством Тульского облисполкома, поехали мы под Одоев, в село Апухтино.

— Там стройка жилых домов,— говорил он,— по нашим сведениям, должна идти по плану на центральной усадьбе. На селе уже высится большое двухэтажное здание Дома культуры, так сказать, образующий центр нового села.

Но каково же было его удивление, когда мы, въехав в Апухтино, не увидели того, о чем он говорил. Новые строения стояли и ставились здесь, как и в других местах, на старых уселках, среди широкого раздолья кривой улицы. Посредине этой улицы старинного обличья стояло большое новое каменное здание. Инженер даже руками взмахнул и произнес:

— Да что ж это такое! Вместо Дома культуры большую избу-читальню закатили!

А когда мы вошли в правление колхоза и встретились там с председателем Еленой Антоновной Родиной, первым его вопросом было:

— Ну, а где же у тебя, Елена Антоновна, еще-то новые дома строят? Что-то я в Апухтине мало их вижу.

— Как где? — удивилась та.— Разве у нас мало места, где дома ставить? Это Апухтино, а вон там Татьево, недалече Филимоново, Дракино, Красёнки, Анастасьино. Всего у нас их двенадцать деревень.

— И ты это серьезно? — спросил у нее удивленный Дмитрий Иванович.— Удобно ли так вести хозяйство? Разве мы с тобой не толковали о новом обличье села? Здесь вы клуб построили, в каких-то деревнях, слыхал, возвели бани, фермы. Хозяйственные постройки у вас тоже по разным деревням. Ну и дома жилые тоже продолжаете строить по разным деревням?

Елена Антоновна вопросительно глядела на гостя. Он продолжал:

— Вот клуб. Теперь в этот клуб к тебе будут ходить из тридевяти деревень. Ведь сама говоришь, что строишь жилье и в Красёнках и в Сосёнках. Ну, а почему бы тебе хотя бы на двух усадьбах не строиться?

Елена Антоновна возражала так:

— Как это у вас все просто получается: взял да и начал строиться на одной или двух усадьбах! Мы вот решили было Дом культуры строить. И был у нас проект. Да обломали мы этот проект. Взяли только рациональную часть от него, то есть зрительный зал, фойе, сцену, место для кинобудки, две комнаты. И вы не догадываетесь, отчего обломали проект? Да оттого, что как же его весь полностью осуществить, коли стройка обошлась бы в полтора миллиона рублей?!

— Ну, хорошо,— уступил ей Дмитрий Иванович,— ладно, клуб пускай будет такой. Ну, а жилье зачем строить там и сям? Ты бы распланировала место под новое село да тут бы и строила.

— А кто бы это мне его распланировал, новое место? — спрашивает Елена Антоновна.— В Москву, что ли, за таким работником посылать? А где цемент, где кирпич? Не так все это просто, как вам кажется.

Я сидел и слушал эту беседу. В речи инженера из области я чувствовал какую-то несостоятельность в требованиях, которые он предъявлял к Родиной. Кажется, он и сам колебался в том, что это дело под силу председателю колхоза. А в речи председателя я улавливал какую-то раздраженность, досаду на то, что вот приехали мало понимающие сельскую жизнь люди, вмешиваются в то, что не их дело, а вот только зашла речь о кирпиче, как они уже и молчат. Казалось, Елена Антоновна говорила: «Мы тоже не лыком шиты. Понимаем, что строиться по-новому надо, да как это сделаешь, когда в достатке ни кирпича, ни лесу нет, и строим мы все сами, все сами».

Я слушал, и у меня возникал вопрос: да неужели только из-за того, что не хватает строительных материалов, недостает кирпича, не начинает Елена Антоновна перестраивать свои деревни так, как нужно? Ведь она все равно же строит, и строит немало. Так в чем же тут дело? Почему по старинке строится русское село в средней полосе России?

...Сейчас в Туле, в Орле, в Курске очень «модны» такие разговоры: какой тип жилого дома нужен для строительства в деревне, какое жилье должна получить крестьянская семья? Вопрос немаловажный. Спустя несколько дней после поездки в Апухтино, когда повез меня Дмитрий Иванович смотреть село Карамышево, что под Щекином, почти под самой Тулой, где много строятся, этот вопрос о типе жилого дома для крестьянской семьи встал передо мной во всей своей конкретности.

Мы приехали в колхоз «Новая жизнь» уже поздно, и меня отвели на ночлег в новый дом к колхозному счетоводу Нине Дмитриевне Гнёнковой. В этот дом, как мне рассказал Дмитрий Иванович, молодая женщина въехала со своим мужем, рядовым колхозником Владимиром Алексеевичем, прошлой осенью. В ту же осень на радостях написала в дальнюю деревню Немеринку своему родственнику, дяде Егору Фомичу, отличному плотнику, чтобы приезжал на новоселье, посмотрел дом и посоветовал, что и как делать дальше: усадьба была еще пуста. Дядя Егор тогда не приехал, а появился у Нины именно в тот день, когда я ночевал у Гнёнковых. Он приехал «с петухами», позавтракал тем, что наспех собрала Нина, потом утерся рушником и, выйдя из-за стола, взял в руки свой ладный топорик. Он осмотрел дом изнутри, вышел и, хоть дом был кирпичный, обошел кругом, выстукал обушком фундамент, и под углами, и вдоль всех стен. Потом вернулся, и между ним и Ниной произошел такой разговор.

— Чудно́,— сказал плотник,— слышал про вас, что вы строите новую деревню, ан гляжу, тебе просто большую избу построили. Ну-ка, покажи мне свои комнаты! Всего и есть одна. Что же это, как не изба? Ни тебе затвориться в доме одному, ни тебе где обмыться или обсушиться. Всего одна комната.

— Ну, дядя,— заметила Нина,— говорят, красна изба не углами, а пирогами!

— Ну, так, ну, так,— отмахнулся от нее дядя Егор,— все так! Да то ведь про избу говорится, а я тебе о доме толкую. Ну, допустим, ты достаточная хозяйка, пирогами богата. А как вот у тебя дети пойдут, тогда что? Как бабки наши, все в одной закуте? Печь да полати, а на полу ребяти? И пелёнки, и мылёнки, и за печкой поросенки?

— Да как же строиться-то, дядя? — спросила, хмурясь, Нина.

— А так, как серьезные люди советуют: по-новому, чтобы видно, и удобно, и на новую жизнь походило. Ты не читала по весне, что Никита Сергеевич Хрущев в Киеве говорил: может быть, следует подумать над тем, не удобнее ли в селах строить даже не двухэтажные, а трех — четырехэтажные дома. Это для чего? А для того, чтобы у тебя в первом этаже кухня была, столовая или гостиная там, чтобы где было и обсушиться и дела сделать. А на втором этаже спальни, комнаты для отдыха, для детей. Культурно? Культурно, что и говорить! А не хочешь в два этажа — строй в один. Да только так, чтобы кухня в отдельности, чтобы помыться и посушиться где было, чтобы в доме не одна комната, а столько, сколько растущая семья крестьянская требует. Я о комнатах-то тебе говорю почему? У иного вон парень на «выданье», а женить его нельзя, потому что комнаты в доме для него нет. И получается в этаком строении, как в старинной избе, все по-

прежнему, когда большими семьями жили, и молодых на полати спать клали. Вас по-новому строить жизнь со школьной скамьи учат, и такой жизни, как в старой избе устраивалась, никому больше не хочется. А мы все по-старому, наскоро и избы строим. И много тут у вас таких настроили?

— Да порядком,— отвечала Нина.

Дядя Егор оделся и пошел на село смотреть новые строения. Мы с Дмитрием Ивановичем тоже пошли по своим делам.

До полдня ходили по деревням колхоза «Новая жизнь», смотрели новые жилые строения и все никак не могли понять, почему здесь строят хоть из кирпича и много, а все дома-избы. Каждый новый дом был похож на предыдущий, и все они, вставшие на старых уселках, являли собою почти тот же самый вид старой деревни, какими были все эти Пруды, Туры, Ретиновки, Сукроминки — селения в двадцать пять — тридцать дворов.

...Тульские южные деревни еще куда ни шло, не так они поизносились, как, скажем, деревни орловских просторов. Едешь по тульским деревням и видишь кирпичные старые избы, сложенные на известковом растворе. Неказисты, невысоки, с ветлами под окнами, с давно ненужными большими сенными сараями и дрянными какими-нибудь амбарами через дорогу; они все же как бы говорят: «Простоим еще долго».

Но когда въезжаешь в Орловскую область, то уверенность, что старые деревенские строения простоят здесь долго, исчезает. Села и деревни в Орловской области часто мелки и выглядят куда хуже, чем на тульской земле. Все они из осины, березы, «из завозного», «случайного» соснового бревна. Кирпичную избу редко встречаешь.

В этом сплошном деревянном крае, кажется, уже и время само и постройки как бы говорят: «А не пора ли начинать жить иначе, не пора ли уж людям селиться покрупнее и строения ставить покрепче?» Но в колхозах строятся по старинке, и все из леса.

Спросишь:

— Да что же вы из кирпича-то не строите?

— А где взять? — ответят.— У нас на коровники его не хватает.

Николай Павлович Самойлов, главный инженер по строительству в колхозах при управлении сельским хозяйством Орловского облисполкома, о кирпиче мне так говорил:

— В этом, 1959 году колхозам нашей области потребуется семьдесят шесть миллионов штук кирпича, а реально дать можно только сорок. И то все эти сорок миллионов пойдут на хозяйственные постройки. А вы говорите, дома из кирпича строить!

Разговор этот происходил в чайной, в районном селе Покровское. Узнав, что в чайную заглянул перекусить областной начальник, зашел в нее Александр Федорович Степанычев, молодой техник-строитель, он же председатель межколхозной строительной организации соседнего, Свердловского района. Выслушав рассказ Николая Павловича о кирпиче, он вдруг резко заговорил:

— Пустяки, не в нем дело! Кирпича можно изготовить сколько угодно. Если взяться за кирпич как следует, то за один год можно нажечь столько, что еще и останется. Если в каждом колхозе вырыть на оврагах по пятку нехитрых печей для обжига кирпича, считайте, что вопрос решен. То же и с нехваткой цемента. У нас много известнякового камня. В иных местах им дороги мостят. Ежели сделать в колхозах по одной — две ямы для обжига известняка, через год исчезнет разговор о нехватке цемента. Не это главное.

— А что же главное? — спросил инженер.

— Главное — организация строительного дела на селе, знание того, что требуется каждому селу. Нужна как бы межколхозная строительная площадка, единая организация, которая придала бы делу строительства деревни целеустремленность и выработала для этого единый план. А этого-то у нас и нет.

— Это как же так? — спросил Николай Павлович.

— А так,— отвечал техник и попросил разрешения сесть.— Давайте разберемся, кто у нас строит на селе. Первое — шефы, то есть фабрики, заводы. Этим строить все на селе необязательно и невозможно. К ним обращаются с просьбой областные или районные организации. Они помогают и строят главным образом «первостепенные объекты»: скотные дворы, силосные башни, водопровод, ремонтные мастерские. Что же, хорошо и это. Но они отстроились и ушли. А кто же остался на селе? Строительные бригады колхозов. Но что у них есть? В лучшем случае пилорама, а то просто пила, мастерок, топор. Материалы у них есть? Нет. За ними они должны обращаться в облпотребсоюз. Там материалов столько, сколько нужно колхозам, никогда не бывает. Тогда идут к шефам, просят и леском и камешком помочь. Получили, сделали, а дальше? Дальше садись ожидай, когда чем-нибудь разживешься. Не так ли?

— Кажется, так,— согласился инженер.

— Ну, вот теперь пошли в ход мы, то есть межколхозники,— продолжал техник,— организации, только что на свет родившиеся, по существу, еще слабые, плохо вооруженные техникой, кадрами специалистов, кооперативные к тому же: живем на отчисления колхозов с каждого гектара. И вот давайте посмотрим, как нам приходится работать...

Техник налил в стакан воды, но пить не стал, а, отставив его в сторону, продолжал:

— Ну, своего-то и у нас — ни техники, ни кадров достаточных нет. Но все же приезжаешь в колхоз строить. Что? Коровник. Основание, опоры — шлакобетон. Подвезли бы бетономешалку, механический фуганок — доску стругать,— глядь, колхоз не электрифицирован. У колхоза договор с «Сельхозэлектро», организация должна электрифицировать село. Но оказывается, что «Сельхозэлектро» не обязано ставить столбы, его дело только провода подвешивать. Колхоз мечется, достает столбы. Достал. Тут бы и тянуть линию на какую-нибудь одну, главную усадьбу. Но по делу глядишь не так все получается. Линий приходится тянуть пять, в пять деревень колхоза этого, потому что у него план такой: в Заплотах коровник надо строить, в Манькино — свинарник, в Отрадном — овчарник, а в Дунькино — откормочную базу для поросят. Смотришь, как председатель крутится, достает — где взаймы, где у шефов выпрашивает — цемент, арматурное железо, и пристаешь к нему: «Ну на кой черт тебе тянуть ко всем твоим восемнадцати или пятнадцати старым деревням столбы? Концентрируй стройку на одной усадьбе!» А он: «А что со старыми деревнями делать? Без света им жить?» «Подождут, потерпят». «Потерпят-то потерпят, да сам видишь, как в нашем-то положении начинать такое дело.

Этот макет двухэтажного жилого сельского дома экспонируется на Выставке достижений народного хозяйства. С выставки он «шагнул в жизнь». На снимке — одна из новых улиц в подмосковной деревне Усово. Рядом с одноэтажными стоит и двухэтажный дом на две квартиры, с водопроводом и центральным отоплением. Тут уже поселились колхозники артели «Путь новой жизни».

Фото А. Гостева.

Нет, ты тяни столбы покуда и в Кукуевку и в Суходол, а съезжаться начнем не теперь — позднее и постепенно». А вы учтите: наша область имеет четыреста тринадцать колхозов, а в них более четырех тысяч сел и деревень. Чтобы электрифицировать их, это же целая проблема. А чтобы начать перетаскивать села на одну, две усадьбы, так это просто для каждого колхоза грандиозная задача. Вот почему многие руководители колхозов становятся перед таким вопросом в тупик, хотя знают, что время для этого настало.

Инженер молча, нахмурившись, слушал Александра Федоровича, а тот все продолжал:

— Так вот и говорю, что нет у нас на селе организации строительного дела. Сколько изб и домов из осины или шлакоблоков построить за это семилетие надо, скажут у нас в любом колхозе: везде это уже подсчитано. А как строить, где строить, какой будет облик у новой деревни, никто у нас ни в области, ни в районе не знает. Мало этого, пойти и узнать о том не у кого. Инженер по строительству в колхозах на область всего один. На всю область есть один архитектор. Занимается он городом и немного строительством районных центров. А деревня стоит в стороне и от архитектора и от планировщика. А ведь и за деревней нужен архитектурный и строительный инспекторский надзор. А то так настроить можно, что потом уже одно это будет мешать перестройке села. Попробуйте потом переносить миллионный какой-нибудь Дом культуры, ежели он выстроен где-нибудь на юру или на бугрище, когда по плану, который все равно делать придется, село будет строиться далеко в стороне от Дома культуры.

Александр Федорович встал, выпил свой стакан воды, попрощался и вышел из чайной.

...Серьезные вопросы строительства деревни высказал перед областным инженером техник и руководитель межколхозной строительной организации Александр Федорович Степанычев. Я долго еще ездил и по тульской и по орловской землям, заглянул в деревни и курских просторов. Те «болячки», те неуладки в сельском строительстве, о которых говорил техник Степанычев, в одинаковой мере тревожат и орловцев, и туляков, и курян. Всюду специалисты и сведущие люди решительно отмечали, что дело строительства колхозной деревни упирается не столько в нехватку материалов и кирпича, сколько в организацию дела. Да, кстати сказать, не так все уж плохо обстоит с выжигом кирпича хотя бы в той же Орловской области. Приходилось бывать в колхозах, где за кирпич взялись как следует. В колхозе «Заря коммунизма», в том же Покровском районе, где мы встречались со Степанычевым, председатель колхоза Андрей Дмитриевич Макеев показывал нам хороший механизированный кирпичный завод, готовый к пуску.

— До миллиона штук кирпича за сезон он давать будет,— говорил нам председатель.— Будем делать кирпич и на ручных прессах. За семилетие сделаем кирпича столько, что его хватит для того, чтобы решить многие задачи нашей деревенской стройки.

В Орловском облисполкоме я узнал, что сто двадцать девять колхозов области занялись сейчас производством кирпича и стройматериалов. А год назад кирпич в области жгли только пятнадцать колхозов. Нельзя сказать и того, чтобы о перестройке деревни нигде не задумывались серьезно. Предвидя эту большую работу, в ряде колхозов и Орловской и Курской областей принимают решение не строить ничего в тех деревнях, которые в общем плане развития колхоза перспектив не имеют. Людям, строящим дома на личные средства, отводят земельные участки в тех селах, которые будут стоять еще долго. В ряде мест, на орловской, тульской и курской землях, начинают обсуждать планы перспективного строительства сел на единых усадьбах. Хорошо распланированная усадьба, на которой и поднимется новое село, есть в колхозе «Победа», Медвенского района, Курской области. Я побывал там, и мне показывали то место, где будущее село возникнет на территории ныне еще маленькой деревеньки Дубовец. Место выбрано хорошее. Распланировать колхозу это новое сельбище помогли архитекторы города Курска.

Имеет хороший проект планировки будущего колхозного центра и колхоз «Власть труда», под Кромами, в Орловской области. Но все это еще пока единичные случаи, первые порывы. Когда пришлось спросить того же председателя колхоза «Заря коммунизма» Андрея Дмитриевича Макеева, человека обстоятельного и серьезного, о том, как же он распорядится своим кирпичом, скоро ли намерен начинать перестройку села по единому плану, то председатель ответил:

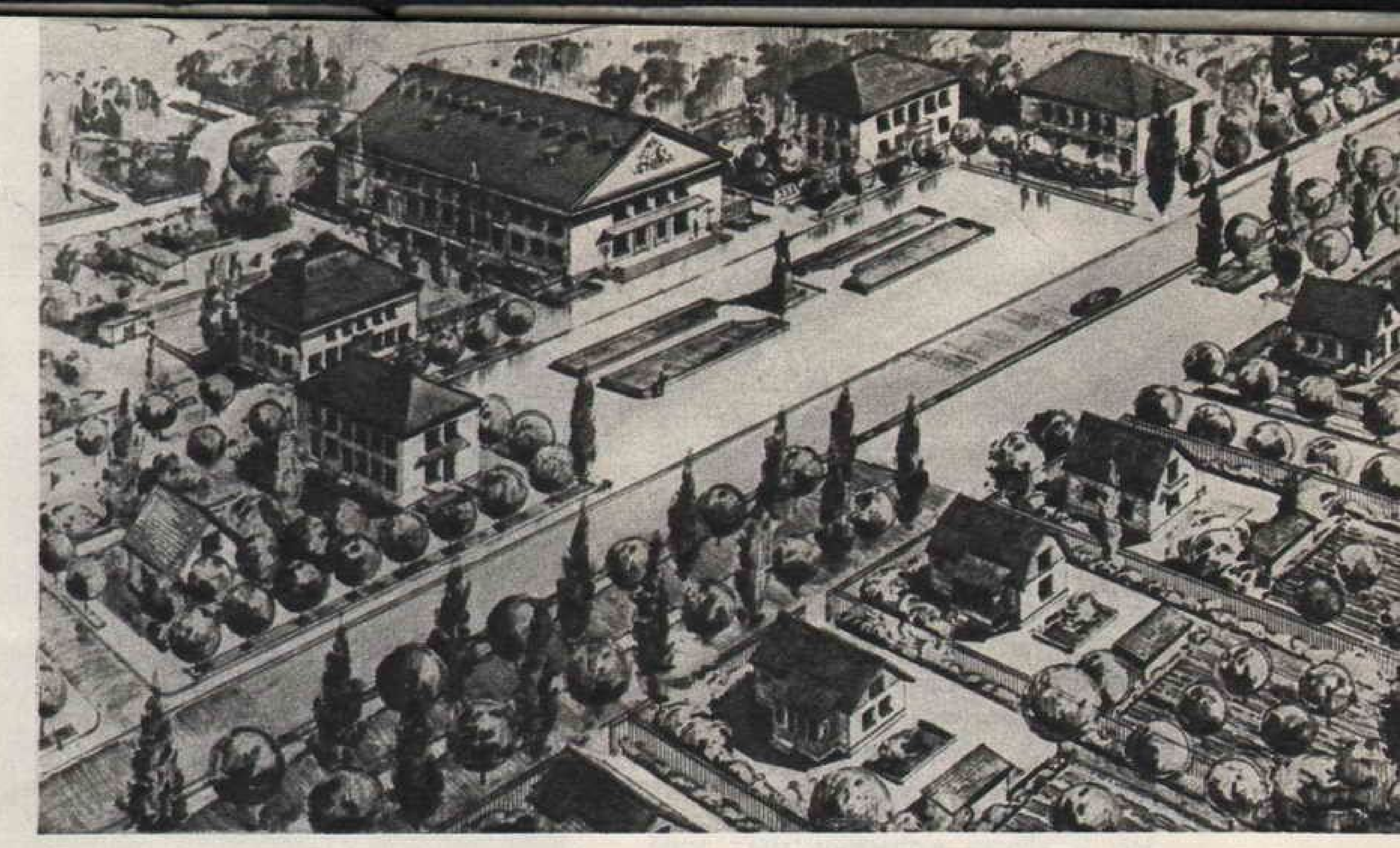
— Нужно, пора это начинать. Да на кого опереться? Самостроем этого не сделаешь. Нужна крепкая строительная межколхозная областная организация. Колхозам нужен мощный подрядчик, чтобы с уверенностью сдавать подряды на работу ему. Слыхали мы, что Московская область более решительно поворачивается. Мы знаем, что там принято решение создать в течение двух лет для всех колхозов области перспективно-строительные планы и планировку центральных усадеб колхозов. К делу привлекаются лучшие архитекторы и архитектурно-строительные организации. Ну, а кто у нас, в Орловской области, этим займется? Вот эта боязнь, что мы сами не справимся, и тормозит у нас даже начало работ по перестройке села. Это все для нас камень краеугольный.

Однако, если присмотреться и к Орлу, то окажется, что и здесь не так-то плохо обстоит дело со специалистами. В городе уже много времени работает филиал Новосибирского института сельских зданий. Но беда другая: оказывается, филиал этот в Орле занимается больше всего теоретическими вопросами. Например, до сих пор ученые не решили: какого размера должно быть землепользование колхозов в средней полосе России? Одни говорят, восемь тысяч гектаров, другие— двенадцать, шестнадцать. Можно тут спросить: какое это имеет значение для современного строительства в колхозах? От Тулы до Обояни давно уже прочно определились размеры колхозного землепользования. Здесь редко найдешь колхоз, у которого было бы больше трех, пяти тысяч гектаров. «Колхозам средней полосы России сейчас нужны перспективные строительные сельбища с загадом не на сто лет вперед, а на ближайшее десятилетие». Так говорят и в Туле, и в Орле, и в Курске. Но вот филиал Новосибирского института строит свою работу с загадом «на сто лет вперед». Возникает вопрос: почему бы не приблизить эту научную организацию к решению насущных задач строительства орловского села именно теперь, когда село в этом нуждается?

Волнуют тульскую и орловскую деревни и вопросы индустриализации строительства. Здесь завидуют, когда узнают, что украинские совнархозы уже в этом году строят на селе индустриальными методами двадцать тысяч жилых домов. Завидуют, когда читают о сборных домах из железобетона, которые дает для подмосковных сел Московский совнархоз. Спрашивают: «Почему бы нашему, Орловскому, да и другим совнархозам не подумать об этом?»

В самом деле, почему бы не подумать? Типовых проектов сельских жилых зданий, созданных для постройки индустриальными методами, имеется уже немало. В Москве на Выставке достижений народного хозяйства, в павильоне Московской области, красуется макет двухэтажного двухквартирного дома, который в течение нескольких дней собирается из готовых деталей. Создали его работники архитектурной мастерской имени архитектора Веснина. Хороший дом! Уже заселенный, обжитой, такой дом стоит в одном из поселков недалеко от столицы. Почему не двигать такие дома в деревню? Да, собственно, пришла уже и пора перестать вести стройку села только с помощью шефов да силами неквалифицированного колхозного «самостроя», пора подумать о снабжении села стройматериалами; потребсоюз плохо справляется с этим.

Сама деревня ставит эти вопросы, говоря о них, как о камне краеугольном.

В пору войны село Ксаверовка, Гребенковского района, Киевской области, было уничтожено гитлеровцами. С помощью государства Ксаверовка отстроилась. А сейчас здесь в правлении колхоза «Дружба» вам покажут генеральный план большой перестройки Ксаверовки.

Вот так будет выглядеть общественный центр села. План уже воплощается в жизнь. На снимке — новые жилые дома колхозников. В каждом таком кирпичном коттедже не менее трех комнат, с верандой, кухней, ванной, санитарным узлом. К домам проводятся водопровод, электричество, газ.

Фото Я. Берлинера.

У подножия Атласских гор

В. ПАШИНИН

Фото автора.

Футболисты Харьковского тракторного завода получили приглашение от Марокканского союза труда выступить в Касабланке. Когда были проведены встречи, наша спортивная делегация всерьез засела за туристские карты и проспекты. Дело в том, что любезные хозяева предложили нам совершить туристскую поездку по стране, а маршрут мы должны были выбрать сами.

Куда поехать? Что посмотреть? Проспекты с броскими надписями говорили о том, что в Танжере — отличная подводная охота, в Агадире — очень вкусные сардинки, в Маракеше — шикарные отели, а в Сафи — самые красивые женщины Марокко!

Но к этому времени мы уже успели немного познакомиться со страной, духом ее людей, узнать их стремления и надежды. В этом смысле нам очень повезло. Первого мая мы были на площади Объединенных наций в Касабланке, где проходила демонстрация трудящихся, организованная Марокканским союзом труда.

Советского человека рассказом о Первомае, о праздничном оформлении колонн, о веселье толпы и грохоте оркестров не удивишь. Мы знаем, каким ярким бывает этот праздник. И, тем не менее, не рассказать о демонстрации в Касабланке просто нельзя.

Оформление колонн было на редкость наглядным, и определить, кто идет в шеренгах, не представляло никакого труда. Если это были металлурги, то они несли макет печи, в которую голые по пояс рабочие большими лопатами кидали уголь; если шли работники просвещения, то впереди их колонны двигалась открытая автомашина, на платформе которой сидели за партами ребятишки, слушающие объяснение учителя около доски. А лихие шоферы вынесли панно, на котором был изображен свирепого вида полицейский, обрушившийся на, конечно же, безвинного водителя... «Требуем отмены штрафов!» — таков был лозунг шоферов.

Все это не могло не вызвать улыбки, и, тем не менее, это было лишь чисто внешней стороной демонстрации, ее, если так можно сказать, веселым нарядом.

Но все время над площадью гремело: «Французы, прочь из Алжира! Империалисты, долой из Африки! Свобода и независимость!»

«Свобода и независимость!» Этот лозунг повторялся на тысячах плакатов, гремел на площади и тогда, когда шли дети, родители которых погибли в борьбе за освобождение страны, и тогда, когда пронесли на руках в одежде отца сына погибшего героя, и когда шли шахтеры, металлурги, портовые рабочие, когда шли безработные жители берберских селений, разбросанных в горах Атласа.

Шли люди труда, еще живущие в постоянной нужде и борьбе за кусок хлеба, но уже обретшие свою силу, объединенные интересами рабочего класса и международной солидарности трудящихся.

Сердце народа открылось перед нами, и мы уже знали: в этой стране советские рабочие всюду и везде найдут друзей.

Незабываемую встречу устроили футболистам Харьковского тракторного в городе Удждe. Даже женщины, лица которых еще скрывает чадра, приходили на стадион и, собравшись в стороне от мужчин, звонкими восторженными криками приветствовали появление советской команды на поле.

Так нас встретили в Марокко, так прошли первые дни нашего пребывания в этой стране. И когда пришла пора выбирать маршрут, мы знали: всюду будет интересно. Всюду нас встретят хорошо. Едем в любой город, любой маршрут, даже не означенный в проспектах как экзотический, нам будет хорош.

К нашим услугам автобус Марокканского союза труда. «Школа профсоюзов» — написано на нем. Занимаем места. Когда едем по Касабланке, встречные люди улыбаются.

— Хорошая надпись! — говорит сопровождающий нас представитель профсоюзов Касми.— Люди улыбаются.

Еще не зная, что из этого получится, решаю фотографировать все подряд из окна мчащейся машины. И, пожалуй, правильно сделал. Автобус с надписью «Школа профсоюзов» оказался лучшей позицией для проведения съемок. Но, чтобы читатель понял, почему, об этом придется рассказать подробнее.

Мне и до этого приходилось делать фотоснимки: на улицах Касабланки, на стадионе Уджды. И вот что примечательно: когда я был с

Улица в Касабланке.

Горняки Марокко объединены в один из сильнейших профсоюзов страны. На первомайской демонстрации в Касабланке они несут фигуру шахтера-исполина.

Первомайская демонстрация в Касабланке. У них нет работы. Они ее требуют.

командой, то фотографировать было очень легко. Люди приветливо улыбались, мальчишки окружали толпой, и каждый непременно требовал, чтобы сняли и его.

Но стоило мне появиться в городе одному или с двумя — тремя товарищами, как картина становилась совершенно иной. Ребятишки при виде аппарата кидались врассыпную, взрослые, случайно попавшие в кадр, резко отворачивались и закрывали лицо руками. А однажды, когда я снял живописно нагруженного ослика, его владелец, отбежавший во время фотографирования в сторону, подошел ко мне и потребовал денег. Как назло, в кармане у меня была французская монета достоинством в 100 франков (французские франки тоже имеют хождение в стране).

— Французские? — спросил владелец ослика. Зло посмотрел на меня и потребовал приплаты.

Не знаю, чем бы кончилась вся эта история, так как положительно не представлял себе, сколько нужно платить за фотографирование осла, но тут подошли сопровождавшие нас арабские товарищи, что-то сказали дяде, сердито наступавшему на меня, и он тотчас сменил гнев на милость. Я получил возможность фотографировать злополучного ослика со всех сторон, сколько мне вздумается, а хозяин крутил его так и эдак, участливо спрашивал, не нужно ли еще что-нибудь сделать, чтобы снимок получился интересным.

— На вас ведь не написано, что вы советские! — объяснил нам после Касми. — И смотрите, если увидите что-нибудь любопытное для себя, фотографировать в одиночку не пытайтесь. Могут быть неприятности...

Он помолчал и добавил:

— Не любят у нас богатых туристов оттуда... — Он махнул рукой, показывая куда-то далеко-далеко, за море...

Так все стало сразу ясным. Настороженно, с недоверием относятся к европейцам жители страны, которая только три года назад добилась независимости. Их ненависть к колонизаторам столь велика, что, отправляясь с нами в экскурсию по узким, темным улочкам арабских городов, наши гиды зорко следили, чтобы кто-нибудь из нас случайно не отстал.

— Мы не хотим вас пугать, — говорили они, — но поймите: пока вы, не зная арабского языка, объясните, кто вы такие, может произойти все, что угодно...

Марокканцы подозрительно относятся к европейцам, но расовой неприязни или, как иногда об этом говорят, исконной вражды мусульман к исповедующим другую религию и атеистам у них нет. Рабочий человек, из какой бы страны он ни был, будет встречен в Марокко как хороший друг. Потому-то и назвал Касми надпись «Школа профсоюзов» хорошей надписью.

Стоит ли говорить после этого, как радушно встречали нашу советскую спортивную делегацию?

— Спутник! — с быстротой молнии передавалось из уст в уста, когда кто-нибудь из марокканцев узнавал, кто приехал в автобусе.

Спутник! Это слово знали и в Касабланке, большом современном городе, и на перевалах Атласских гор, и в одиноком арабском селении, вокруг которого на десятки верст ни души, только растут колючие кактусы, изредка

Маракеш. Ребята слушают сказки.

Фес. Здесь и живут, и торгуют, и работают.

Мекнес. Ворота в старый город.

увидишь высокую пальму да одинокого верблюда.

Совьет! Спутник! Даже в каменных пещерах, где в кромешном мраке живут с незапамятных времен горцы-берберы, нас приветливо и смущенно приглашали в дома (если так можно назвать эти норы). Женщины с татуированными лицами спешили угостить столь хорошо освежающим в жару чаем, настоянным на мяте.

По нескольку сотен километров проезжали мы за день. Как в калейдоскопе, проносились за окнами нашего автобуса пальмовые леса и голодные степи с редкими арыками, изумительные по красоте горные пейзажи и золотые пески Атлантического побережья.

Мы побывали в удивительном для нас Маракеше, где на центральной площади выступают фокусники, певцы, бродячие артисты и где, окруженные толпой детворы, сказочники с непередаваемой эмоциональностью рассказывают сказки. С утра до сумерек шум и какой-то особенный, звонкий гвалт стоят на площади, где каждый что-то показывает и продает другому, а вместе с тем смотрит и покупает сам.

Мы были в Медине. Так называют арабскую часть города — древней столицы Марокко Феса, где в бесконечном лабиринте улочек не пройти без проводника, где прямо на улицах готовят пищу, чеканят медные изделия, ткут ковры, шьют обувь, тиснят кожу. Здесь звенят колокольчики продавцов холодной воды из бурдюка, стучат молотки ремесленников, раздаются крики торговцев, и все это сливается в общий гул.

Глинистая пыль, копоть из горнов, мельчайшие частицы шерсти, аромат золотистых апельсинов и запах мокрой кожи пропитывают тяжелый, густой воздух, и, хотя жарко, хотя где-то над головами, сквозь листву переплетшихся над улицей деревьев и лоз светит яркое солнце, надсадно кашляют копошащиеся у ног детишки.

А рядом — сверкающие автомашины, рядом — утопающие в зелени виллы владельцев французских предприятий и банков, рядом — особняки американцев. Это они владеют бензозаправочными станциями компании «Шэлл», это их базы, окруженные колючей проволокой, тянутся на многие километры вдоль марокканских дорог. Военные базы. Молодая, еще не окрепшая страна оккупирована иноземным капиталом, ботинки иноземных солдат топчут ее землю.

Вот они, контрасты! Что делают американские военные летчики на африканской земле? Почему крупнейшие предприятия по-прежнему остаются во власти французов? Ответ на эти вопросы в проспектах не найдешь.

Но ответ есть.

— Мы их выгоним! — слышали мы от многих и многих людей, с кем нам приходилось встречаться хотя бы мимоходом.

— Пока что у нас мало сил, мало опыта. Но вот уже приходит конец французам в Алжире. И... — в этом месте наши собеседники обычно прикладывали указательные пальцы к глазам — жест, выражающий у арабов: «Очень хорошо понимаем!», — Советский Союз с нами, он за свободу народов Африки. Время теперь такое: колонизаторы доживают последние дни...

В. Г. Безъязыков с детьми на своей «Малютке».

АЧИНСКАЯ «МАЛЮТКА»

На улицах Ачинска появилась светло-зеленая машина обтекаемой формы. Это «Малютка», сделанная руками преподавателя труда средней школы № 2 Владимира Григорьевича Безъязыкова.

Мысль создать миниатюрную двухместную легковую мотоколяску с закрытым багажником умелец вынашивал давно. Он сделал много чертежей, изучил расход горючего, стоимость оборудования, технические качества самой машины. И остановил выбор на самой простой по конструкции трехколесной «Малютке», которая в общей сложности обошлась ему менее чем в две тысячи рублей.

Машина создавалась в домашней мастерской, медленным, кропотливым трудом. Колеса к «Малютке» Безъязыков выписал через «Посылторг» с Серпуховского завода мотоколясок для инвалидов. Установил мотор, который расходует горючего не более, чем мотор мотоцикла «К-125».

Управление «Малюткой» осуществляется через заднее колесо. Передача, как и в мотоцикле, цепная, но закрытая. Машина развивает скорость до шестидесяти километров в час, берет, помимо двух пассажиров, еще груз до ста килограммов. При необходимости можно закрыться специальным тентом от дождя и солнца. Словом, «Малютка» — машина для прогулок и поездок на рыбалку.

Д. ИЛЬМЕНТЬЕВ

МАМОНТ В МОСКВЕ

Реконструировалась котельная многоэтажного жилого дома на улице Чкалова. Экскаватор зачерпывал грунт и выбрасывал его из котлована. На трехметровой глубине ковш заскрежетал, и в песчаной толще открылась кость необыкновенной величины. Она мешала работе, ее хотели разбить. Но тут запротестовали вездесущие ребята. Юннаты Миша Долгов, Юра Думнов и Коля Русаков сообщили палеонтологам и археологам о находке и оберегали ее до приезда ученых.

Двухметровая кость оказалась тазом крупного мамонта, жившего в эпоху «великого оледенения». Возраст находки — около 15 тысяч лет.

Мамонты достигали четырех метров в высоту и более 5 метров в длину. С отступлением ледника мамонт ушел на север, вот почему так много останков его находят в Сибири. Вымирание мамонта было связано с геологическими и климатическими изменениями и, кроме того, с массовым истреблением. Ведь в древнекаменном веке мамонт был главным объектом охоты первобытных людей — изображения мамонтов на костяных орудиях и стенах пещер были первыми произведениями искусства.

При колоссальных земляных и строительных работах в Москве в последнее время найдены кости мамонтов, северного оленя, ископаемой лошади. Найдены в Москве, в Сыромятниках, даже кости верблюда, впервые в столь северных широтах.

А. ВЕКСЛЕР,
палеонтолог

Сотрудница Музея истории и реконструкции Москвы Г. Бауман осматривает кость мамонта.

Фото Е. Войханского

ОТ КРАЯ ДО КРАЯ

В ПОИСКАХ УРАЛЬСКИХ КАМНЕЙ

— Самый любимый для меня отдых — поехать в горы, искать уральские камни. Ездим мы всей семьей: с отцом, матерью, сестренкой Лизой, с ее подругами, — рассказывает Игорь Китаев, старший мастер Свердловского художественного ремесленного училища. — Ведь я из семьи уральских горщиков — искателей камней. «Горщик» — такого слова нет в словарях. Оно уральское, народное!

В детстве, помню, каждое лето ездили мы за камнями. Запряжем лошадь, сядем в телегу, домик складной с собой возьмем, корову Таньку привяжем к оглобле, собака Плутон бежит рядом. Обед варим на костре, печем блины...

А когда идем пешком, каждый что-нибудь несет: кто палатку, кто кастрюльку, кто сковородку. Ищем камни в отвалах. Найдем интересный — бежим к маме.

«Мама, смотри, это циркон?»

Отец со старшим братом, Юрием, — он теперь геолог —

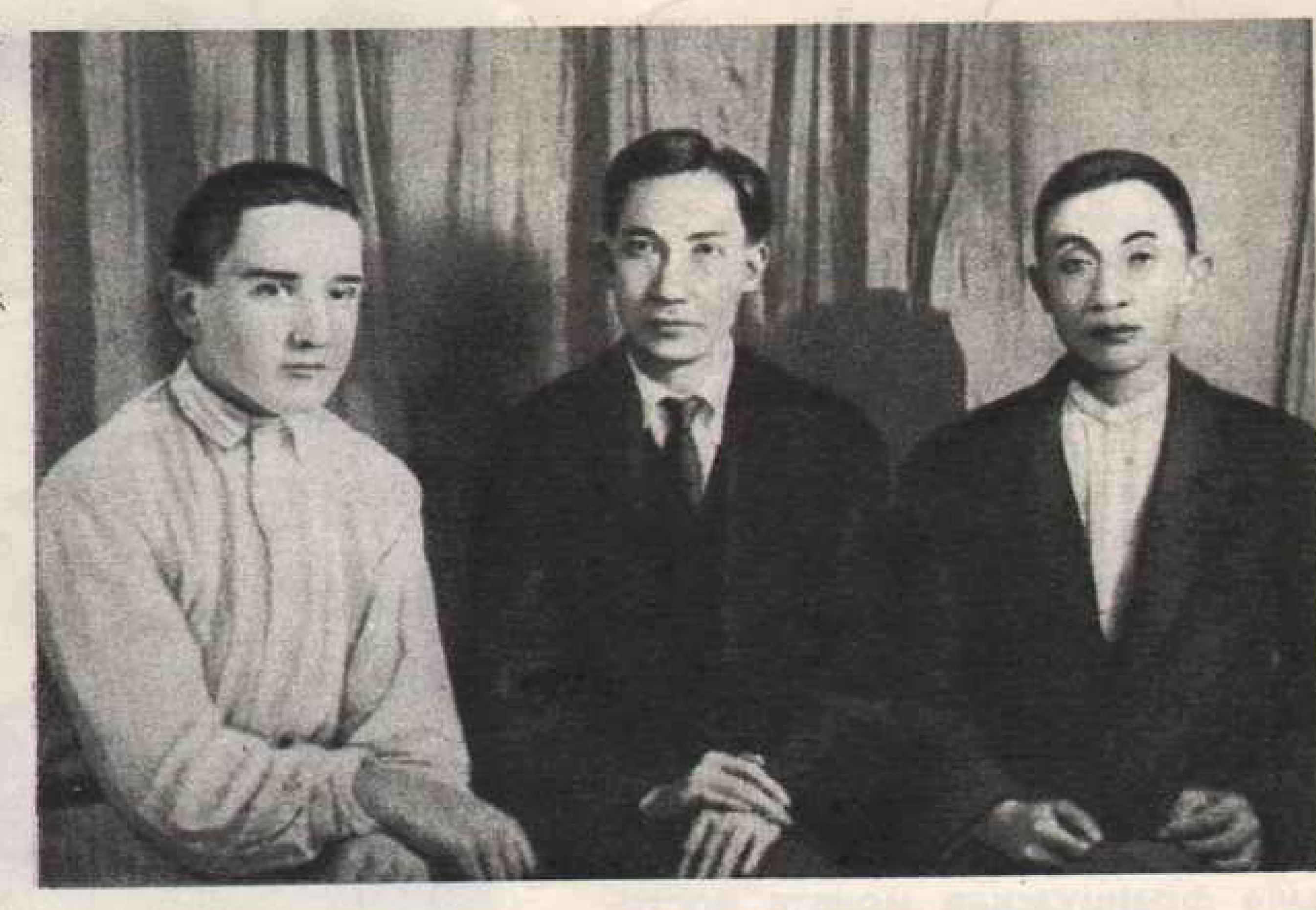
Игорь Китаев и его отец Григорий Георгиевич за сбором уральских камней в горах.
Фото И. Шубина.

более ценные образцы отыскивали.

И теперь каждую субботу спешу к отцу. Рюкзак за плечи, геологический молоток в руки — и в поход. А иногда на машине далеко уезжаем. Например, в Большое Седельниково. Это в Сысертском районе, километров пятьдесят от нас. Там были когда-то разработки родонита (орлеца). Это красивый розоватый камень с черными прожилками. Попадается там и халцедон, и турмалины-солнце, и кремни, розоватые, синеватые, и кристаллы магнитного железняка, и кристаллы магнетита.

В окрестностях города Березовского, где когда-то знаменитый Ерофей Марков открыл первое в России золото, можно найти красивые кристаллы горного хрусталя, похожие на ледяные башенки. Около села Мраморского собираем образцы уральского мрамора, редкого минерала — распора.

Н. РОЗИНА

У Юй-чжан (в центре), его племянник У Мин-хо (справа) и В. Максимов в 1928 году.

Дружба пережила десятилетия

В 1928 году я — в то время пионер, юнкор — познакомился в Москве с несколькими членами рабоче-крестьянской делегации Китая, гостившей в СССР в связи с празднованием Октября. Особенно дружеские отношения сложились у меня с товарищем У Юй-чжаном.

Вскоре он уехал на родину, и о его дальнейшей судьбе мне ничего не было известно. Прошло свыше 30 лет, и вот как-то в газете я увидел знакомую фамилию. Речь шла о члене ЦК КПК, председателе комитета по реформе китайской письменности, заместителе председателя Общества китайско-советской дружбы. Он ли это? Я обратился с запросом в Компартию Китая и получил ответ: «Те товарищи, которых вы знали: Ли Да-чжао, Цюй Цю-бо, Дэн Чжун-ся, Су Чжао-чжэн, Е Тин, Чжан Тай-лей, Пэн Вай, — отдали свою жизнь делу революции. Что же касается товарищей Чжоу Энь-лая, Линь Бо-цюя, У Юй-чжана, — то о них говорить нет надобности, так как об этом вы знаете из газет...»

И вот я написал письмо товарищу У Юй-чжану.

Сколько волнения и радости принес мне полученный вскоре его ответ!

«Дорогой Виктор Алексеевич Максимов! Разрешите передать вам и вашей супруге наилучший привет и пожелать вам доброго здоровья, отличной работы и больших успехов. Большие перемены произошли за минувшие тридцать лет. Я горжусь, что мог лично принять участие в великой революционной борьбе и социалистическом строительстве, которому отдаю все свои силы. Мне теперь уже свыше 80 лет, но я чувствую себя очень хорошо, бодро...»

В письме к У Юй-чжану я просил также рассказать о судьбе его племянника У Мин-хо, которого мы в России называли Васильевым; он долго жил в Москве, часто гостил у меня. В ответном письме я читаю:

«Мой племянник У Мин-хо (Васильев) погиб в 1934 году. До сих пор я с глубокой скорбью вспоминаю о его смерти. Большое счастье, что у меня до сих пор сохранился снимок, где сфотографированы мы втроем (я, вы и мой племянник). Вместе с этим снимком посылаю вам на память свою фотографию, на которой я снят вместе с внуком».

В том же 1928 году я познакомился с другим видным деятелем китайского революционного движения — товарищем Су Чжао-чженом. Вместе мы встречали революционные и семейные праздники. В 1929 году, вскоре после его отъезда на родину, я увидел в «Правде» знакомый портрет в траурной рамке.

А спустя некоторое время мне довелось встретиться в Москве с женой Су Чжао-чжена и его маленькими детьми: сыном и дочерью. Жена рассказала о том, как умер Су Чжао-чжен. Во время тяжелого приступа болезни к нему нельзя было привести надежного врача: на улицах Шанхая были расклеены плакаты с портретом этого видного революционера и обещанием крупной денежной награды за его голову.

И вот недавно я узнал, что семья Су Чжао-чжена живет в Пекине, что сын его работает в Пекинской студии кинохроники. А вскоре пришло и письмо от этого молодого человека, Су Чи-чу, которого я впервые увидел шестилетним мальчуганом:

«Мы были очень рады, когда получили от вас теплое письмо... Я совсем недавно вернулся из Иракской Республики, где снимал фильм о жизни и борьбе народа против империалистов. Фильм под названием «Заря над Ираком» уже вышел на экраны Китая.

Моя жена работает в киностудии актрисой. У нас две дочурки. У Ливы — сестры моей — четверо ребят, два мальчика, две девочки, — они уже ходят в школу; а мои еще маленькие.

Сердечный привет вашей маме и вашей жене от нас всех».

Нужно ли говорить о том, как дороги мне эти вести от давних, всегда близких друзей!

У Юй-чжан со своим внуком (снимок, присланный недавно из Китая).

Виктор МАКСИМОВ,
руководитель краеведческого кружка Кунцевского дома пионеров

Рассказы о новых науках

Ирина РАДУНСКАЯ

Рисунки Л. и Ю. ЧЕРЕПАНОВЫХ.

Странный случай, происшедший на одном из складов военной амуниции в Петербурге полтора столетия тому назад, можно, пожалуй, считать началом этой истории.

Как и всякий военный склад, этот тоже тщательно охранялся. Тем не менее партия новеньких солдатских шинелей с победоносно поблескивающими оловянными пуговицами была приведена в негодность и представляла печальное зрелище. Шинели были вымазаны каким-то серым, неприятным веществом, а пуговицы... исчезли.

Виновник загадочного происшествия так тогда и не был найден, хотя занималась этим вопросом Академия наук.

Вслед за этим последовал еще ряд событий, казалось, не связанных между собой. В 1912 году, во время полярной экспедиции англичанина Роберта Скотта к берегам Антарктиды, случилось непоправимое несчастье. Пока корабли приближались к Южному полюсу и становилось все холоднее и холоднее, по непонятной причине дали течь баки с жидким топливом, паянные оловом.

Распространились слухи об «оловянной чуме». Она разгуливала по складам; вместо аккуратных брусочков белого олова в них находили груды грязновато-серого порошкообразного вещества, неведомо откуда взявшегося.

Однако инфекция была разборчива. Она посещала не все склады, а выбирала лишь те, которые сооружались зимой, наспех. «Оловянная чума» как бы подстерегала момент, когда олово выгружалось на холоду, и набрасывалась на металл.

Тайной «оловянной чумы» занялись ученые.

Открытый на Солнце

До 1868 года его не видел ни один человек на Земле. Никто его не знал и о нем ничего не слышал.

Впервые его присутствие было обнаружено на Солнце. Он оставил ярко-желтые следы в солнечном спектре, которые нашли сразу два астронома — француз П. Жансен и англичанин Н. Локьер. Так люди впервые услышали о гелии, показания которого помогли раскрыть тайну «оловянной чумы».

Это был газ без цвета и запаха, не способный соединяться ни с каким другим элементом, самый легкий из семейства благородных газов. Казалось, это скромный труженик с покладистым характером; им наполняли дирижабли, применяли его и в металлургии и в медицине. Но на первый взгляд ничем особенным не примечательный газ имел и второе лицо.

Странности начались тотчас, как гелий оказался сильно охлажденным. Некоторые газы в таких случаях становятся плотнее и гуще, превращаясь сначала в жидкость, а потом, замерзая, становясь твердым кристаллическим телом. Это явление даже использовалось в технике и промышленности. Было известно, что температура жидкого кислорода — минус 183 градуса Цельсия, азота — минус 196 градусов, водорода — минус 253 градуса.

Но есть газы, которые, по мнению многих ученых, вообще не сжижаются. И в том числе гелий. Попробовали, стали его охлаждать. Была уже пройдена «точка кислорода», и «точка азота», и «точка водорода» — гелий, как и ожидали, все не собирался сжижаться. Он упорно оставался газом. А в 1908 году голландскому физику Г. Каммерлинг-Оннесу удалось сделать, казалось, невероятное: он заставил гелий превратиться в жидкость. И случилось это при температуре минус 268,9 градуса Цельсия! Такой низкой температуры человек не получал еще никогда.

Кристаллизоваться же гелий не хотел даже вблизи абсолютного нуля — при самой низкой температуре, которая только может быть в природе. Этим он бросал вызов всей классической физике, провозглашавшей, что всякое движение при абсолютном нуле прекращается. Все должно замерзнуть! А поскольку гелий оставался жидким, значит, его атомы все-таки двигались, они не подчинились закону «вечного покоя».

Несмотря на то, что в 1926 году голландец В. Кеезом справился с гелием и все-таки его заморозил, призвав на помощь морозу высокое давление, зерно сомнения было посеяно. Гелий стал одним из свидетелей против классической физики.

Ученые еще не перестали удивляться странному поведению благородного газа, как новая сенсация завладела их вниманием. Каммерлинг-Оннес, заставив гелий обратиться в жидкость, решил полюбопытствовать, что будет в таком холоде, например, с ртутью. Каково же было его изумление, когда он обнаружил, что в таком «климате», который создается в ванне с жидким гелием, электрическое сопротивление ртути исчезло! Легко представить себе, как он подозрительно поглядывал на прибор, регистрирующий эту величину; как, проверяя его работу, удостоверился, что прибор цел и невредим, и все-таки продолжал констатировать исчезновение в ртути сопротивления электрическому току. А потом оказалось, что еще девятнадцать чистых металлов повели себя в области низких температур таким же неподобающим образом, нарушив покой ученых. Самое большое, что ученые тогда смогли сделать,— это дать явлению название сверхпроводимости.

Вот к каким странным, не предусмотренным тогдашней наукой событиям привел желтый след.

Белая ворона

И непонятные метаморфозы олова, и «неблагородное» поведение одного из благороднейших газов, и «предательство» девятнадцати металлов взбудоражили научную общественность. Что это: случайные, разрозненные явления, ничем между собой не связанные? Или это внешние проявления одной непонятной еще причины? Все это противоречило основным, казалось бы, незыблемым принципам науки.

Ученые оказались в еще более затруднительном положении, чем малыши, из отдельных кубиков складывающие картинку. Им предстояло отдельные, разрозненные явления поставить на свои места, но, увы, образца у них не было.

Между тем опыты с гелием все больше проявляли «темные» стороны его характера. Выяснилось, что в условиях неслыханного холода жидкий гелий начинал в миллиард раз быстрее проводить тепло. Казалось, тепло в нем распространяется без всякого сопротивления (не промелькнула ли сейчас тень девятнадцати металлов, без всякого сопротивления проводящих электрический ток?).

Что, если бы вы увидели человека, бегущего вверх по вертикальной стене? Это невозможно? Законы тяготения этого не допускают? Приблизительно то же подумали ученые, когда увидели, как жидкий гелий с необычайной быстротой ползет вверх по стенкам сосуда. «Это невозможно! — ужаснулись многие из них.— А трение, а вязкость?!»

И еще более изумились, услышав мнение советского ученого Петра Леонидовича Капицы: вязкости у жидкого гелия вблизи абсолютного нуля нет вовсе. Это сверхтекучая жидкость.

Так впервые в 1938 году мир услышал удивительное слово — «сверхтекучесть».

Вывод П. Л. Капицы был результатом долгих и кропотливых экспериментов, итогом многих раздумий. Почему так молниеносно распространяется тепло внутри жидкого гелия? Его разносит сама жидкость. Ее слои перемешиваются, и менее теплые нагреваются от более теплых. Так происходит всегда, во всех жидкостях. Но в жидком гелии это происходит молниеносно. Как же так, ведь слои трутся друг о друга, а это должно мешать быстрому перемешиванию. А если вязкость не препятствует? Значит, ее нет?

И Капица подтверждает свою догадку блестящим экспериментом. Он пропускает жидкий гелий сквозь мельчайшие щели-капилляры, через которые обычная вязкая жидкость если и проходит, то ей нужно затратить на это многие миллиарды лет. А гелий, охлажденный до 2 градусов выше абсолютного нуля, просочился буквально на глазах, получив «диплом» первой в истории науки сверхтекучей жидкости.

Жидкость без вязкости! Она поразила физиков, как мог бы поразить физиологов живой организм без нервов. Как такая жидкость отнеслась бы к инородному телу, погруженному в нее? Оказала бы ему сопротивление или нет?

И экспериментатор спешит поставить такой опыт: он опускает в жидкий гелий качающийся маятник (паучок Капицы). Жидкость без трения, без вязкости не остановит его. Но что это? Совершается непонятное: маятник прекращает движение, останавливается. Жидкий гелий повел себя, как обычная, тривиальная жидкость.

Есть от чего прийти в смятение! В одном случае (с капилляром) жидкий гелий не имеет вязкости, в другом (с маятником) — имеет. Все происходит так, как будто одновременно в нем заключены... две жидкости: одна нормальная, вязкая, другая — сверхтекучая, невязкая.

Так оно и оказалось. Вот как объясняет ни на что не похожее поведение жидкого гелия замечательный советский физик Л. Д. Ландау: «...часть жидкости будет вести себя как нормальная вязкая жидкость, «цепляющаяся» при движении... остальная же часть массы будет вести себя как не обладающая вязкостью сверхтекучая жидкость».

Итак, знакомая нам при нормальных температурах жизнь веществ в области холода подчиняется совсем иным законам. Отношения между атомами и молекулами, непохожие на уже известные ученым, диктуются законами микроскопического мира, неподвластными классической физике. Это поняли два замечательных советских физика, и не только поня-

ли, но и доказали: академик Капица — рядом убедительных экспериментов, академик Ландау — серией виртуозных логических и математических построений, которые он оформил в 1940 году в виде теории сверхтекучести. Они подарили миру прозрение тайны низких температур...

Куда привели следы

С этого времени положение в науке низких температур резко меняется. Ученые узнали главное — законы, правящие в «царстве холода». Теперь оставалось выяснить нормы поведения, которые законы микромира — квантовые законы — диктуют различным веществам.

Приблизительно с 30-х годов «столица холода» перемещается из Голландии в Советский Союз. Вокруг Капицы и Ландау сплачивается группа ученых, работы которых в новой области физики становятся ведущими. И если раньше ученые двигались только по серому следу «оловянной чумы» и желтому следу гелия, то теперь изыскания велись сразу во многих направлениях. Фронт исследований простирается от Москвы до Ленинграда, от Харькова до Тбилиси, от Сухуми до Свердловска.

Кольцо вокруг тайны холода сужается. Теперь ученые наблюдают уже не случайные, непредвиденные явления. Они стараются получить результаты, предсказанные теорией сверхтекучести.

Действительный член Академии наук Грузинской ССР Э. Л. Андроникашвили изучает свойства вращающегося гелия. Гелий остается верным себе. И вращается-то он не как все другие жидкости. Если очень закрутить его, он начинает вести себя уже не как жидкость, а как упругое тело. Отдельные слои становятся упругими жгутами, которые упираются и противятся вращению. Ученый упорно ищет отгадку очередного фокуса квантовой жидкости.

Член-корреспондент Академии наук СССР А. И. Шальников, чтобы изучить взаимодействие нормальной и сверхтекучей частей жидкого гелия, «подкрашивает» его электронами. По их движению он надеется проследить за отношениями этих двух разных жидкостей.

Доктор физико-математических наук В. П. Пешков обнаружил «второй звук» в гелии, предсказанный теорией Ландау. Оказалось, что, кроме обычного звука, представляющего собой волны сжатия и разрежения, в сверхтекучем гелии возможны незатухающие тепловые волны, названные вторым звуком.

Что бы вы сказали, если бы обнаружили, что вода в чайнике никак не нагревается даже при сильном огне? Сам чайник уже раскален, а вода в нем не торопится закипать. Нечто подобное обнаружил П. Л. Капица еще в далекие дни первых опытов с гелием.

Объяснить это странное явление удалось лишь в наши дни ученику Л. Д. Ландау доктору физико-математических наук И. М. Халатникову. Оказывается, жидкий гелий нагревается вовсе не так, как вода в чайнике,— от соприкосновения с его стенками. Гелий нагревают те самые звуковые волны, которые исходят от стенок сосуда при их накаливании. А процесс этот и не быстрый и не такой уж эффективный...

Так, шаг за шагом ученые разоблачают тайны необычного характера гелия.

Много интересных явлений предсказали в области низких температур и экспериментально подтвердили московские физики: члены-корреспонденты Академии наук СССР В. Л. Гинзбург, И. Я. Померанчук, доктора физико-математических наук Н. Е. Алексеевский, Е. М. Лифшиц, А. А. Абрикосов и многие другие. Но и их работами далеко не исчерпывается исследование всех замечательных и многообразных явлений, связанных со сверхтекучестью гелия.

Ну, а куда привел ученых след девятнадцати металлов? Оказалось, туда же, куда и след гелия. Причина сверхтекучести гелия и сверхпроводимости металлов была общей. Странное поведение гелия и металлов при низких температурах имеет общие корни; явления сверхтекучести и сверхпроводимости очень схожи по своему механизму и подчиняются одним и тем же квантовым законам. Так же как сверхтекучая жидкость при низких температурах без всякого трения проходит через самые узкие щели, так и электронная «жидкость» в металле — электрический ток — свободно, без трения просачивается через «щели» между атомами и молекулами. А раз нет трения, значит, металл при прохождении через него электрического тока не нагревается. И если сделать электрические провода из таких сверхпроводящих металлов, то можно будет передавать энергию на большие расстояния без всяких потерь. Драгоценная электрическая энергия не будет тратиться зря на разогрев проводов. Так теория сверхтекучести послужила фундаментом для построения теории сверхпроводимости.

Полувековая загадка сверхпроводимости была раскрыта лишь в 1957 году благодаря работам американских ученых Бардина, Купера, Шриффера и советского академика лауреата Ленинской премии Н. Н. Боголюбова. Дальнейшей задачей ученых является создание явления сверхпроводимости не при низких, а при более высоких температурах, легко получаемых. Теория Боголюбова поможет решить ряд проблем использования сверхпроводников в современной технике.

А след «оловянной чумы»? Не затерялся ли он в путанице многочисленных следов, покрывающих недавно еще девственные просторы «царства холода»? Если их отыскать и пойти по ним, они приведут в Харьков, в одну из старейших лабораторий низких температур, руководимую действительным членом Академии наук УССР Б. Г. Лазаревым. Он и его сотрудники В. И. Хоткевич, И. А. Гиндин, Я. Д. Стародубцев натолкнулись в своих исследованиях и на давнюю загадку олова. Изучая поведение металлов при низких температурах, они обнаружили интереснейшие вещи. Что, если заморозить воду? Ксенечно, она превратится в лед. И может даже показаться, что, замерзнув, лед так и останется льдом. Но лед льду рознь. Ученым уже известны, по крайней мере, несколько видов льда, отличающихся между собой своей структурой. Ученые замораживали, правда, не воду, а такие металлы, как литий, натрий, висмут, бериллий, ртуть и цезий, и получили нечто иное. Так говорил рентгеноструктурный анализ, фиксируя новую структуру. В чем же дело? Оказалось, ученые имели дело все с теми же исходными веществами. Это были те же металлы, но при низких температурах они, так же как и обыкновенная вода, изменили свою структуру.

Харьковчанами раскрыт и секрет олова. Оно тоже испытывает превращения, названные низкотемпературным полиморфизмом. При определенной температуре белое олово превращается в серое порошкообразное вещество, удивительно похожее на то, которое полтора столетия тому назад было обнаружено на складе. Это то же олово, но изменившее свою структуру. Такое превращение может произойти и при более высокой температуре, если ему помочь — «потрясти» металл. Удар, сотрясение ускоряет перерождение. Как видно, по этой же причине развалились баки с горючим на экспедиционных кораблях Роберта Скотта. Поэтому никогда не паяют чистым оловом радиотехническую аппаратуру, подверженную тряске.

Но все-таки олово не раскрыло своей тайны до конца. Если другие охлажденные металлы сохраняют металлические свойства, то олово ведет себя совсем неожиданно. Оно превращается в полупроводник... Это пока единственный и все еще не объясненный факт.

Польза холода

Путь по следам «оловянной чумы» пройден недаром. Он привел человека в «царство холода». И гость стал осматриваться, «обживаться», знакомиться с новыми порядками, задумываться: не могут ли они быть полезны? Оказалось, что могут и послужить, и помочь, и пригодиться. Могут решить многие насущные проблемы техники.

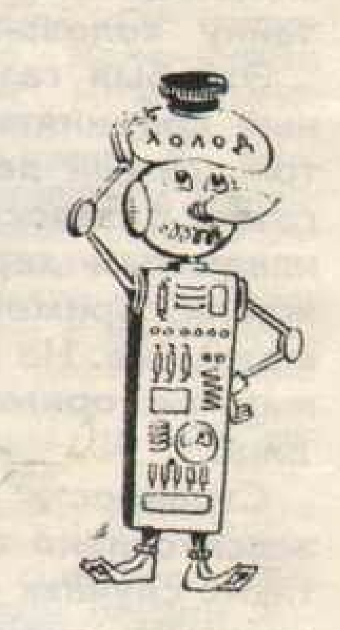
Даже воздух, обыкновенный воздух в «царстве холода» становится другим, податливым и легко отдает свой кислород. В 1946 году Капица разработал очень эффективный и удобный способ выделения кислорода из воздуха в огромных количествах — десятками тонн в час. Теперь кислород широко используется во всем мире для автогенной сварки, для принудительного дутья в доменных, мартеновских, бессемеровских печах.

А водород, превратившись при низкой температуре в сжиженный газ, много легче расстается со своим тяжелым изотопом — дейтерием. Дейтерий очень сложно получить в обычных условиях, а на атомных станциях он нужен в больших количествах. О новом способе получения этого ценного продукта, разработанном советскими учеными, рассказал на Женевской конференции по мирному использованию атомной энергии доктор технических наук М. П. Малков.

Многие химические соединения, в нормальных условиях очень активные и опасные, можно обезопасить, «разорвав» на куски — радикалы, а затем хранить в замороженном виде, не боясь взрыва. Потом отогреть, и они соединятся вновь. Эти «консервированные» радикалы не теряют своих свойств, как замороженные фрукты — своих витаминов.

Когда ядерной физике понадобилась легкая частица, ученые остановили свой выбор на ядре изотопа гелия. В отличие от обычного гелия, названного He_4, его обозначают He_3. Но в естественном гелии его содержится так мало, что надо переработать 20 тонн обычного гелия, чтобы получить всего 1 грамм изотопа. И процесс этот сложный, долгий, кропотливый. Харьковские ученые, изучая сверхтекучесть гелия, нашли более легкий способ получения He_3. Оказывается, он не обладает свойством сверхтекучести, и на этом решили сыграть ученые. Гелий приходит в состояние сверхтекучести, но его изотоп не принимает в этом участия. И тогда, когда сверхтекучая часть просачивается через тончайший фильтр в дне сосуда, в сосуде остается изотоп.

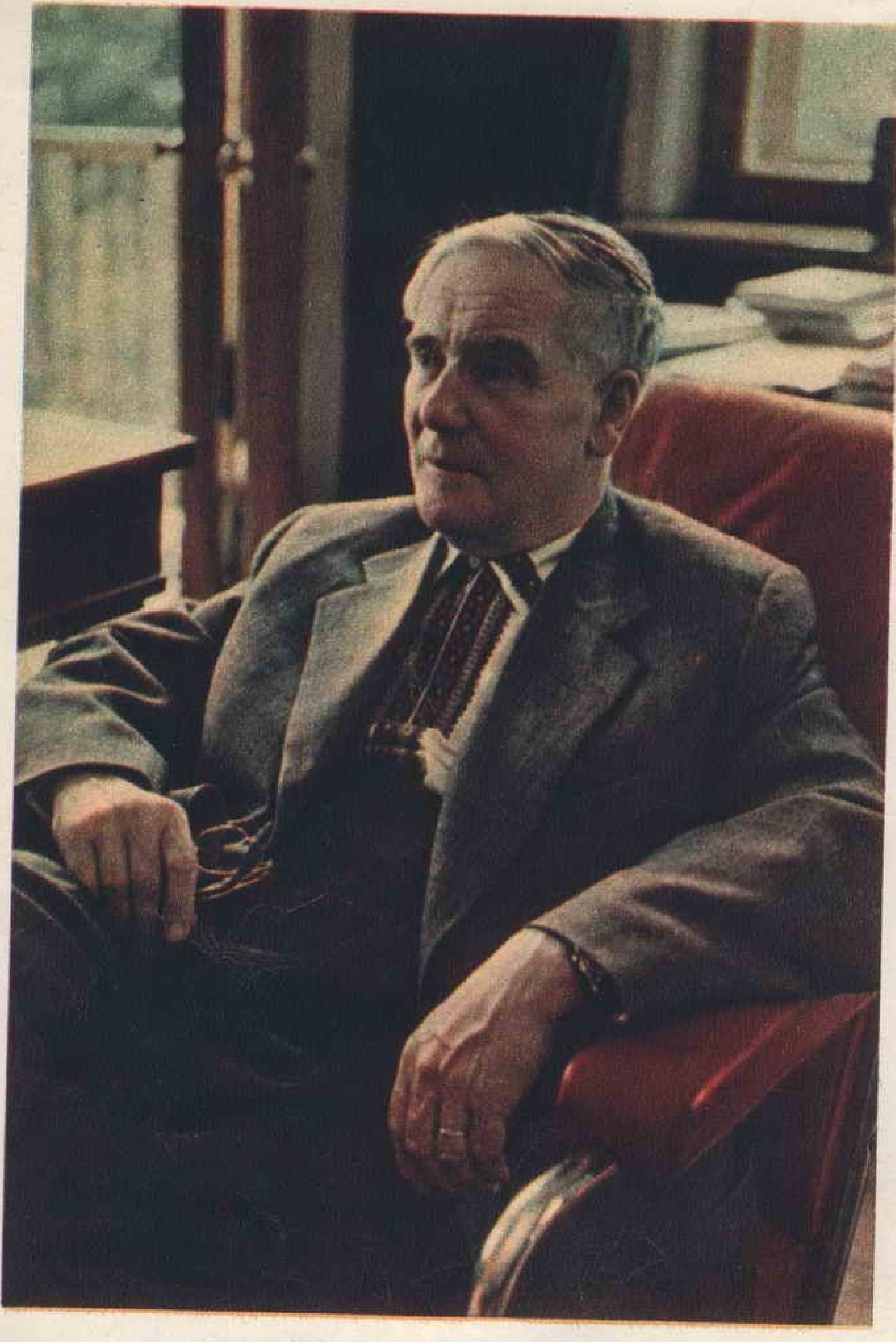
Учеными созданы изящные вакуумные установки, заменившие прежние громоздкие. В них использовано свойство угля в изобилии поглощать при низкой температуре воздух. В новых установках воздух не выкачивается, а его атомы просто «прилипают» к углю, как мухи к липкой бумаге, создавая в установке вакуум.

Одним из последних достижений ученых в области использования низких температур можно считать создание принципиально новых клеточек «памяти» для электронных «думающих» машин. Еще Каммерлинг-Оннес обнаружил, что если возбудить ток в замкнутом кольце из сверхпроводящего металла, то этот ток сможет течь как угодно долго. Так пусть, решили современные ученые, миллиарды таких колечек образуют «мозг» машины и «запоминают» вложенные в него конструктором мысли, выраженные через электрический ток. Так родились миниатюрные криотрон и пайсистрон, превращающие первые гигантские электронные машины — динозавры — в более изящные, мудрые, цивилизованные. Ленинградская лаборатория, руководимая кандидатом технических наук Н. М. Рейновым, много делает в этой передовой отрасли науки.

По мнению П. Л. Капицы, низкие температуры несут много новых надежд радиотехнике. Он приводит простой и убедительный пример. Радиоприемник на специальных элементах, некоторые части которого охлаждены до температуры жидкого гелия, приобретает такую повышенную чувствительность, как будто мощность радиостанции при этом подскочила в сотни раз. Конечно, гораздо легче проделать такую операцию, чем увеличивать на колоссальную цифру мощность передатчика.

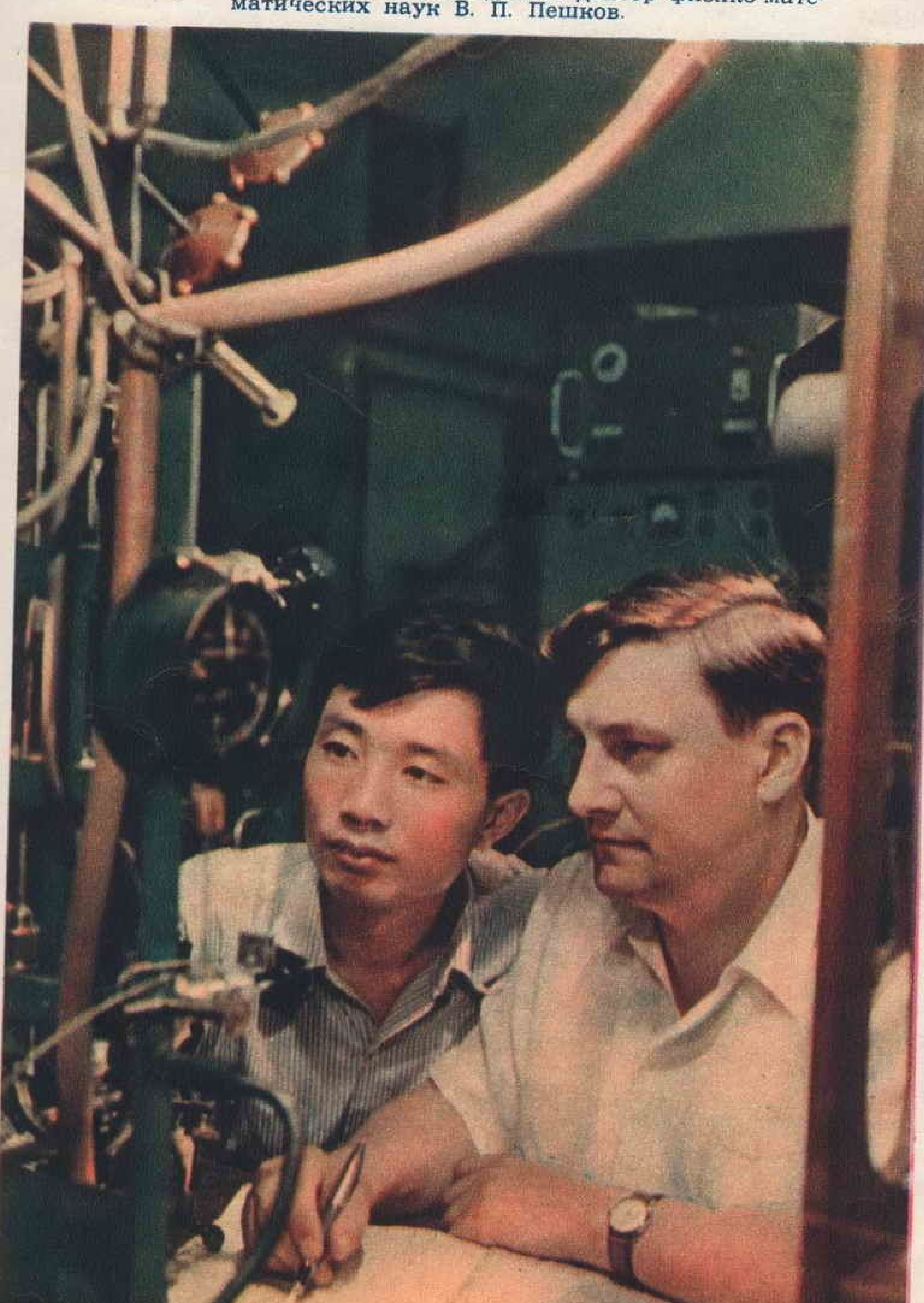
Продвижение в «царство холода» продолжается...

Академик Петр Леонидович Капица.

Аспирант Гуан Вэй-янь и его руководитель доктор физико-математических наук В. П. Пешков.

Слева направо: профессор И. М. Халатников, академик Л. Д. Ландау, профессор Е. М. Лифшиц.

Заливка жидкого азота.

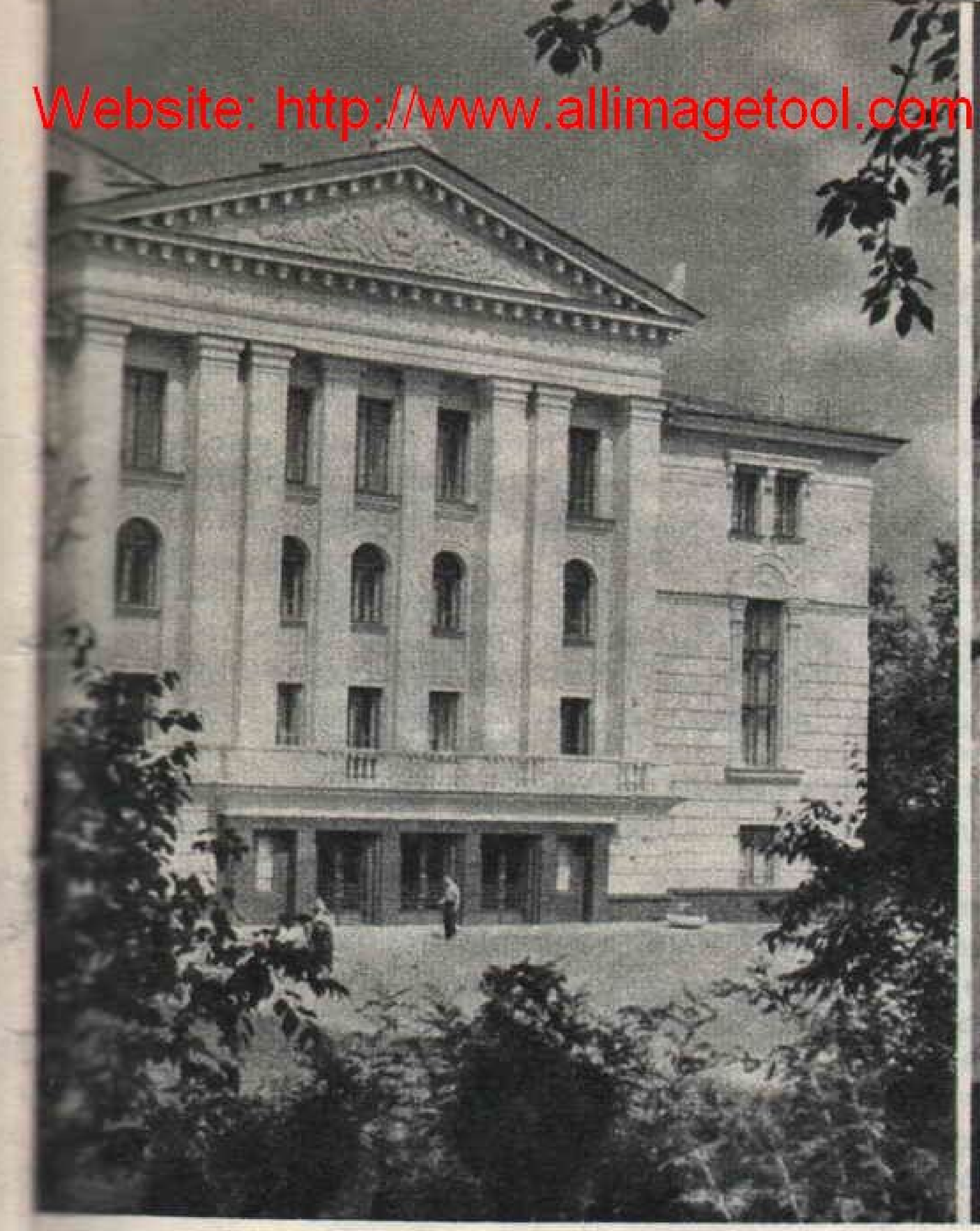
Фото Е. УМНОВА.

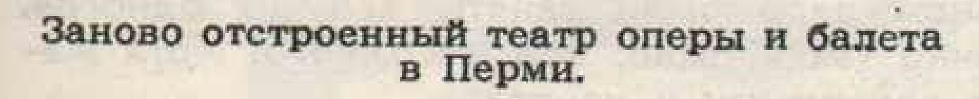
«Паучок» Капицы.

Сари — народная артистка СССР О. Лепешинская, Ленни — заслуженный артист РСФСР Ю. Кондратов.

Сцена из второго действия.

Заново отстроенный театр оперы и балета в Перми.

Участники спектакля «Князь Игорь» артисты Н. Бойкиня, А. Лазарев, Т. Дроздова встретились в антракте со строителями театра. Крайний слева (сидит) — бригадир каменщиков И. Баронин.

Помощник каменщика Нина Салаева.

Фото Д. Ухтомского.

ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРОИТ...

Н. ТОЛЧЕНОВА

На величавую лилию, застывшую в своей гордой красе, похожа малахитовая ваза, которую делает мастер Данила. Но не нравится Даниле его работа. Живой цветок куда прекраснее. И хочет Данила овладеть секретами волшебного мастерства самой природы. Он догадывается, что творение рук человеческих должно радовать людей вечным ощущением жизни...

Таков уральский «Каменный цветок», балет-сказ А. Фридлендера. Уже несколько лет успешно идет он в Перми. Вот и сейчас, несмотря на отчаянную жару, полным-полно в великолепном здании Пермского театра оперы и балета, только что отстроенном заново.

Среди публики на спектакле множество строителей. В четвертом ряду партера рядом со мной сидит семнадцатилетний помощник каменщика. Это Нина Салаева, только начавшая свою трудовую жизнь. Нарядно одетая, аккуратно причесанная девушка глаз не сводит со сцены и временами даже ахает потихоньку от счастливого изумления, по-детски всплескивая руками.

Своей молоденькой соседкой в театре я, признаться, любуюсь не меньше, чем прелестным балетом. Краешком глаза я все время слежу за юной строительницей и вижу, как самоотверженные искания мастера Данилы — его превосходно танцует И. Воронин,— великое терпение работящей и любящей Катерины — М. Подкиной — приводят Нину в неописуемый восторг. Она, вероятно, отыскивает в переживаниях героев бажовского сказа нечто свое, близкое, волнующее. И, найдя, откликается на это всем сердцем. Ее радует и то большое, пусть еще смутное, неясное, похожее на стихи или на песню чувство, которое было скрыто в ней самой, а теперь, разбуженное искусством, проснулось и неудержимо забилось, запело в душе. И, переплетаясь со всем этим неясным, песенным, сказочным, как-то по-новому начинает звучать для девушки конкретное, реальное ощущение своей собственной жизни, вполне обычной,— той самой, какою живет и она сама и все окружающие ее, видимо, очень славные люди.

Девушка гордится ими неудержимо и нескрываемо. Она рассказывает как будто о себе, о своей жизни, но на самом деле речь ее все время перебивается взволнованными восклицаниями: «Наша бригада!»... «Наш мастер!»... «Наши строители!»

Нина Салаева работает в строительной бригаде Баронина. Эта комплексная бригада каменщиков держит первенство среди строителей Перми вот уже пятый год, с тех самых пор, как возглавил ее Иван Григорьевич.

— Невозможно даже сказать, какой он замечательный мастер и как его все уважают!— горячо говорит Нина.— Он ведь и в Варшаве был и в Москве высотное здание строил. И этот театр — тоже. И моя сестра Соня театр строила. Она даже премию получила. А когда я к ним в бригаду попросилась, так меня сразу взяли: мы ведь с сестрой сироты. Я, пока училась, у тетки жила. А потом мне Соня написала: «Приезжай, тоже станешь строителем, в вечерний техникум пойдешь». Теперь я уже в общежитии живу, там же, где Соня. В техникум готовлюсь. И работать стараюсь хорошо, чтобы бригаду не подвести, потому что ведь наша бригада хочет быть коммунистической. Все у нас такие дружные, веселые, слова плохого я ни от кого ни разу не слыхала! А простоев у нас вовсе нет. Поэтому я сразу зарабатывать начала. Платье себе, видите вот, сшила,— разводит Нина вокруг себя руками, стараясь не притрагиваться к нежному цветистому шелку, в котором она кажется такой же воздушной и легкой, как Катерина в «Каменном цветке»...

— В нашей бригаде парни совсем даже особенные,— продолжает Нина.— Они не пьют, не ругаются, а по вечерам в комсомольский патруль дежурить выходят... Сначала-то я все-таки их боялась немножко. А теперь уж совсем осмелела. Вижу, люди правильные, и бригадир ко всем с заботой относится, прямо как отец родной.

«Отец родной», Иван Григорьевич Баронин, тут же в театре со своей молоденькой женой Лидией Федоровной. Ему и самому тоже нет еще и тридцати лет, но в глазах семнадцатилетней Нины Салаевой это, конечно, человек, умудренный опытом, прошедший великую и сложную школу жизни, вроде мастера Данилы...

Что ж, пожалуй, так оно и есть! С той только существенной разницей, что наиболее примечательное свойство истинного таланта — русская народная «живинка в деле» раскрывалась у Вани Баронина совсем по-иному, чем у крепостного уральского умельца Данилушки: в труде свободном, доступном сызмала, еще со школы ФЗО.

А вот как она раскрывалась?..

— Как вы сумели построить театр за такой короткий срок — меньше чем в полтора года? — спрашивают восхищенные певцы и тан-

Балет «Тропою грома» и его автор

Тупые и жестокие угнетатели африканского народа объявили преступлением любовь черного мужчины к белой женщине. Но разве можно запретить любовь?!. И разве зависит любовь от цвета кожи?!.

Черный и белый проходят тропой,
Глядя друг другу в очи.
Один — ослепительный день, другой —
Скорбная гордость ночи...

Негритянский юноша Ленни и белая девушка Сари полюбили друг друга.

Что им те взгляды и бранная речь,—
От дома идут они к дому...
Так молния, словно сверкающий меч,
Проходит тропою грома.

Ослепительной молнией вспыхивает любовь... Злобные человеконенавистники убивают Ленни и Сари, но убить любовь они не могут... Гром гремит все сильнее и сильнее, предвещая неминуемую гибель для самих палачей...

Так, глазами музыканта, прочитал произведение молодого южноафриканского писателя Питера Абрахамса «Тропою грома» замечательный советский композитор, народный артист СССР Кара Абульфасович Караев. Написанный им балет о любви и гибели Ленни и Сари потряс многочисленных зрителей нового спектакля, который выпущен Большим театром в постановке К. Сергеева. Этот волнующий спектакль прошел с большим успехом.

Тысячи зрителей смотрят концерт на строительной площадке кабельного завода.

цоры у пермских каменщиков, маляров, плотников.

А те только плечами пожимают. Что ж тут скажешь: старались, работали...

Первый же свой спектакль в новом здании — оперу А. Бородина «Князь Игорь», где звучат великолепные голоса Н. Бойкини — Игоря, Т. Дроздовой — Ярославны, В. Попова — Владимира Галицкого, А. Лазарева — Кончака, Е. Селивановой — Кончаковны и многих-многих других хороших актеров, — театр показал специально для строителей.

Пермь — город театральный. Здесь почти всегда у входа в театр стоят люди, чающие «лишнего билетика». Но в этот вечер о «лишнем билетике» не могло быть и речи! Все места, и в партер, и в ложи, и в бельэтаж, и выше, ревниво распределялись на строительных площадках бригадирами и парторгами. Распределялись со строгим учетом выполнения плана и разных других производственных показателей. Попасть в театр на этот спектакль было для строителей Перми высокой честью. Но не меньшей честью было и для актеров играть в театре для тех, кто строит Пермь, ее промышленные предприятия, театры, дворцы культуры, магазины, детские ясли, жилые дома...

«И жить легко, и петь легко...» Артист Лазарев запевает, строитель Баронин подхватывает.

В одном из таких домов живет и Иван Баронин со своей семьей в отдельной уютной двухкомнатной квартире на пятом этаже. С балкона видно, как целыми кварталами на многие километры тянутся квадраты новостроек, а между ними пестреют цветники, зеленеют широкие заросли кустарников. Эта сегодняшняя Пермь возникает на окраинах не вразброд, не случайно, а строго по плану, со своим собственным обликом. Возникает быстро и споро под руками таких умельцев, как Баронин.

Несловоохотливый бригадир каменщиков принадлежит к числу тех весьма трудных для наезжего журналиста людей, которые узнаются не по словам, а по делам. Лишнего слова из Баронина не выжмешь, дела же в его бригаде обстоят так, что даже бывалые строители диву даются, до чего же ярко вдруг раскрылся талант рядового каменщика, до чего толково и умело командует он многолюдной бригадой, целиком перешедшей на хозрасчет... Откуда взялась эта «живинка в деле»?

— У людей учился, — отвечает на такие вопросы Иван Баронин.

И вдруг на загорелом, твердой чеканки, словно бронзовом лице бригадира появляется оттенок нежности.

— Василий Устинович меня учил, — произносит Ваня и молчит. — Мастер Василий Устинович Шаламов. Вот это, правда, талант! С сорок седьмого года я у него учился. Да и отец мой, Григорий Баронин, тоже мастер знатный... А вот как уйдут старики на пенсию, заменять их нам придется. А строить-то вон еще сколько надо! И строить и перестраивать!..

Действительно, новые районы Перми — и поврозь и вместе — ничего общего не имеют с кряжистым, каким-то приземистым «центром» города. Именно в центре Пермь, по правде сказать, кажется не очень-то привлекательной, сохраняя черты прежнего, давнего Урала. Здесь разбросаны низкорослые, усадистые дома, какие-то угрюмые, подслеповатые...

Облагораживает эту часть города прежде всего новое чудесное здание театра. Художники, строившие это здание, могут гордиться соразмерностью строгих, четких линий высокого фронтона, массивного портала, огромных окон. Хороша и просторная площадь перед входом и густой, тенистый сад вокруг нее. Это — любимое место встреч, прогулок, свиданий жителей Перми. Вечерами, особенно от половины восьмого до восьми, перед спектаклем, в саду людно, словно в огромном фойе. Да и днем в воскресенье здесь густо толпятся зрители. Их узнаешь сразу. Они прогуливаются медлительной, праздничной походкой, в легких туалетах, нарядных туфлях и перчатках. А мимо мелькают цветастые сарафаны, майки, шлепанцы на босу ногу: спешат на Каму любители водного спорта, пловцы, рыболовы... Впрочем, одно другому не мешает. И вечером, вернувшись с Камы, люди переодеваются и идут в театр. Пермская областная газета «Звезда» сообщила на днях, что спектакль в воскресенье смотрели 1 005 человек... Это значит, отмечала «Звезда», что «места в зрительном зале были заняты все до одного». Именно так и было: все до одного! Хотя жара к вечеру так и не спала.

Ни одного свободного места не оказалось и на другой день, на опере Д. Толстого «Маскарад». Партию Нины в этом спектакле удивительно тепло исполняла артистка Т. Воскресенская. Арбенина пел Н. Бойкиня. В антракте мы вновь встретились с Иваном Григорьевичем Барониным и его женой. Заплаканная Лидия Федоровна все еще утирала невольные слезы. Сконфузившись за жену, Баронин сказал:

— Видите, переживает!

— Да ты сам чуть не плакал сейчас! — рассердилась на мужа Лидия Федоровна.

Супругов примирил певец Александр Николаевич Лазарев. Он не был занят в этом спектакле и охотно присоединился к нашей беседе.

— Для артиста, — сказал он, — слезы зрителя — лучшая награда.

— Никогда не забуду Нину-Воскресенскую! Красавица какая! — восхищалась Лидия Федоровна. — Поглядеть бы на нее в жизни!

— Чего проще, — весело подхватил Лазарев. — Татьяна Алексеевна — соседка моя, рядом живем. Приходите, познакомлю. Как раз на новоселье гостями будете.

Иван Григорьевич было замялся, но Лидия Федоровна не стала чиниться. И вот Лазарев и Баронин, внимательно осмотрев новую квартиру артиста, усаживаются рядом за стол.

— Искусство! Ближе к народу! — весело и добродушно командует жена Лазарева Ольга Павловна.

— Ближе некуда! — отвечает Лазарев.

Слова эти точны и в прямом и в переносном смысле.

Как Иван Баронин — потомственный строитель, так и Александр Лазарев — потомственный рабочий. Отец его без малого полвека проработал кузнецом на вагоноремонтном заводе в Тамбове и вырастил целую армию мастеров, рационализаторов, инженеров. Да и в собственной семье старика Лазарева — представители чуть ли не всех профессий. Только актера не было, пока вдруг у сына Александра не обнаружился великолепнейший бас. В двадцать пять лет Саша Лазарев пошел учиться в Московскую консерваторию. Оттуда они все и прибыли в Пермь, с одного курса: Таня Воскресенская, Тамара Дроздова, Саша Лазарев...

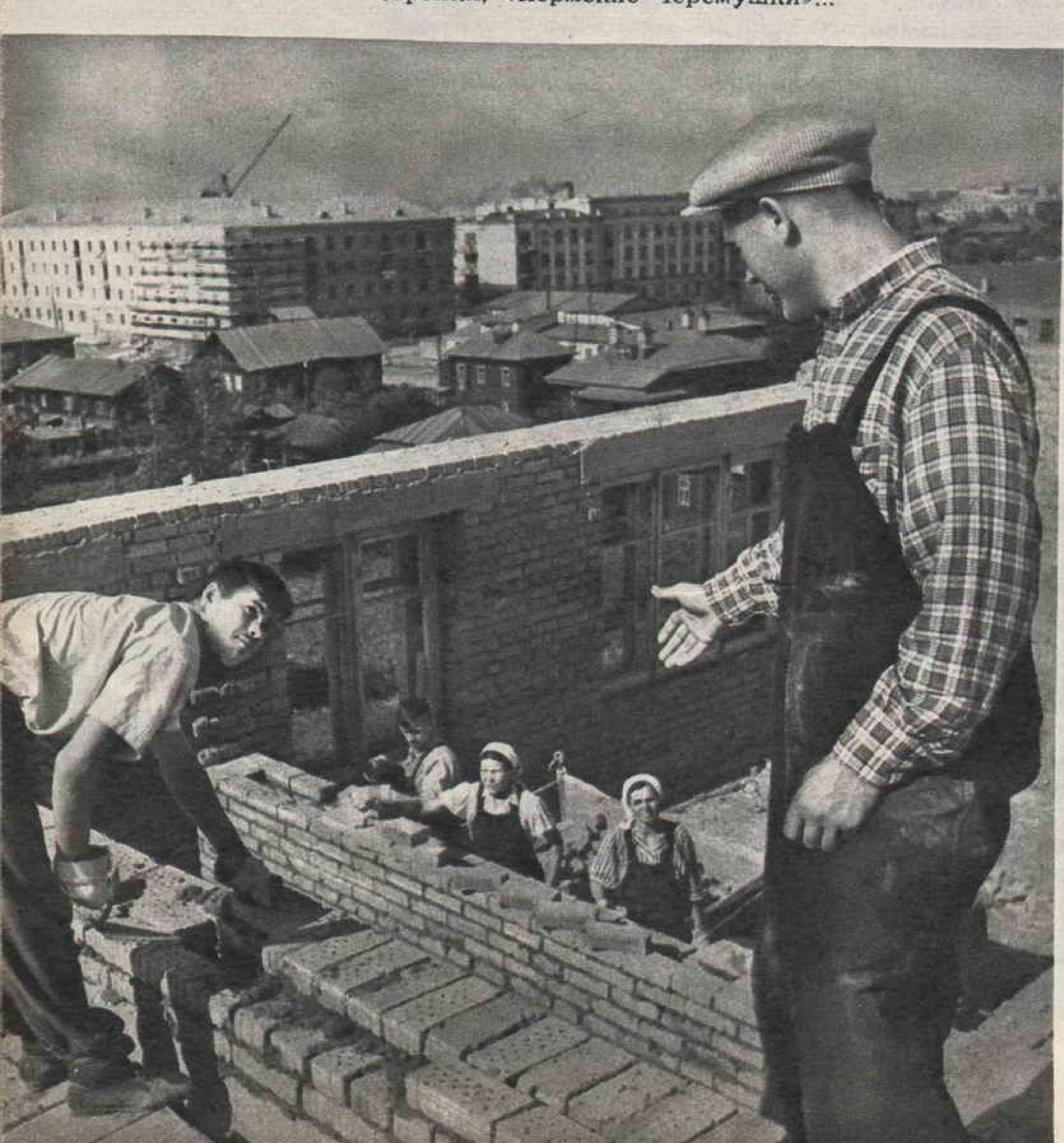
Как Иван Баронин пятый год бригадирствует, так Александр Лазарев пятый сезон успешно солирует в Перми. Но не только это их объединяет. Они и внутренне похожи друг на друга, да, кажется, и внешне: высокие, белокурые, красивые, трудолюбивые русские люди...

— «И жить легко, и петь легко...» — выводят они оба согласно, и им подпевают гости, собравшиеся на новоселье. А потом Татьяна Алексеевна Воскресенская вполголоса поет романс Нины Арбениной, мелодичный и нежный...

— Просторно здесь! Душе просторно, — громогласно изрекает Александр Николаевич. — И в театре мы дружим, и зрители как будто не обижаются...

Нет, на актеров Перми зрители не обижаются. Они любят театр.

Бригада Баронина строит новую Пермь. Хорошо видны отсюда, со стройки, «Пермские Черемушки»...

Закат

Рассказ

Уильям **ФОЛКНЕР**

Конец черного бандита

Вчера вечером пулеметным огнем одного из отрядов Национальной гвардии был убит негр, в течение двух дней терроризировавший всю округу и убивший трех мужчин, двух белых и одного негра. Перед рощей, где скрывался чернокожий, был поставлен пулемет, и когда бандит перестал отвечать на огонь, капитан Уоллэйс вошел в лес и нашел негра мертвым. Причина преступления не установлена, хотя предполагают, что чернокожий был сумасшедшим. Убитый не опознан.

«Клэрион-Игл»

Часть пути он проделал на товарном поезде — на крышах, в вагонах и даже под ними. Но чаще всего он шел пешком. От Кэрролтон-авеню до Кэнел-стрит он добирался целых два дня, потому что боялся автомобилей; вот наконец он стоит, испуганный и ошеломленный, со своим узлом и дробовиком на Кэнел-стрит. Его толкают со всех сторон, над ним смеются даже негры, полисмены ругаются, но он знает одно: надо перейти улицу.

И вот наконец, собравшись с духом и закрыв глаза, он слепо бросается в самую гущу движения. Машины окружают его со всех сторон, шофер такси выкрикивает страшные проклятия, но, сжимая ружье и узел, он переходит улицу. И потом добрый белый человек показывает ему, как пройти к реке.

Вот и корабль. Чтобы попасть на него, он перепрыгивает через шесть футов воды и чуть не роняет ружье; и тут другой белый человек с проклятиями прогоняет его.

— Капитан,— протестует он,— я хочу только ехать в Афику. Я могу заплатить за себя.

— Африка, черт возьми! — орет белый человек.— Убирайся к дьяволу с этого корабля! Попробуй еще раз показаться здесь, я пристрелю тебя! Если хочешь ехать, отправляйся вон туда и купи билет.

— Да, господин. Виноват, капитан.

— Что? — с удивлением переспросил кассир.

— Билет в Афику, пожалуйста.

— В Алжир, что ли?

— Нет, в Афику.

— Тебе нужен билет на паром?

— Да, господин, наверное, так: мне нужно вон на тот пароход.

— Не задерживай, не задерживай! — раздался голос из очереди.

Он купил билет и, протиснутый толпой в ворота, очутился на пароме.

К его удивлению, судно, вместо того чтобы плыть вниз по реке, где, как он смутно предполагал, находилась «Афика», двигалось прямо наперерез течению, и его, как барана, согнали на берег. Вцепившись в дробовик, он беспомощно озирался вокруг. Наконец решился подойти к полисмену.

— Господин капитан, это Афика?

— А? — произнес тот в изумлении.

— Пожалуйста, господин, я хочу попасть в Афику. Это правильный путь?

— Африка, черт возьми! — сказал этот белый человек, так же как и тот, на пароходе.— Послушай, ты что это?

— Я хочу вернуться на родину, откуда мы пришли. Так говорит наш проповедник.

— Где ты живешь, черномазый?

— Вон там, далеко от моря.

— В каком городе?

— У нас нет города, господин. Только мистер Боб, его семья и его негры.

— Миссисипи или Луизиана?

— Да, господин, наверно, так.

— Вот что я тебе скажу. Отправляйся обратно с первым же поездом. Здесь тебе нечего делать.

— Я хочу ехать в Афику, капитан.

— Забудь про Африку. Тебе нужен билет на поезд, и как можно дальше отсюда. Понял?

— Капитан...

— А теперь проваливай! Или ты хочешь, чтобы я забрал тебя?

Он с недоумением осмотрелся: опять Кэнел-стрит. Как же попасть в «Афику»? Его толкали туда и сюда, и он отдался в руки судьбы, которая несла его сейчас вдоль берега реки.

Вот еще один корабль, привязанный к пристани; по доске ходят негры с какими-то предметами и кидают их на пол. Сразу же бросился в глаза белый человек без пиджака. Он все время что-то громко кричит.

Вокруг с грохотом и звоном негры возили тачки. К тому же они еще и пели. Его продолжали толкать, и, отпрянув от одной тачки, он сразу попадал под другую. «Поберегись, чернокожий!»

Вдруг, словно вихрь, на него налетел босс.

— Какого дьявола ты здесь околачиваешься? Шевели руками или убирайся! Мне не нужны зрители. Понял?

— Да, господин. Конечно, капитан.

Через несколько минут он уже накладывал мешки на тачку. От работы он разгорячился, вспотел и начал петь. Здесь впервые за долгие дни он почувствовал себя как дома. «Афика, где ты?» — пел он.

Время кончать работу: на западе висело красное солнце; длинные тени, плоские и неподвижные, ждали наступления темноты. Вьющиеся в последних лучах золотые пылинки замедлили свой круговорот. Руки других людей взяли одежду и сумки, в которых приносили завтраки, и унесли их к сверкающим огням улиц, туда, где уже готов ужин. Он поднял с земли ружье и узел и перешел на корабль.

Улегся на большие мягкие мешки и принялся жевать кусок хлеба. Стало совсем темно; шум воды за бортом и острый аромат зерна в мешках скоро усыпили его.

Проснулся он от движения — равномерные взлеты и падения, ровный гул машин. Вокруг свет, лежать так удобно, он даже ни о чем не думает. Потом захотелось есть, и, стараясь понять, что с ним происходит, он встал.

Как только он вышел на палубу, на него обрушился другой сумасшедший белый.

— Я хочу ехать в Афику, капитан,— стал возражать он.— Вчера, когда я помогал неграм грузить, я подумал, что это как раз тот пароход.

Белый человек изверг на него потоки проклятий:

— Видит бог, эти черномазые сведут меня с ума! Ты что, не знаешь, куда идет этот пароход? Он идет в Нэтчиз.

— Это подходит мне, господин. Лишь бы он

Вечерний пейзаж

Сергей **МАЛАШКИН**

Я смотрю на берег Дона,—
Берег зелен и высок.
На него с веселым звоном
Налетает ветерок.

Он, в листве берез играя,
Падает на гладь реки
И стекло ее ломает,
Гонит зыби черепки.

Дон шумит — развеселился:
С ветром в дружбе он большой.
Солнца шар в него скатился,
Красною бурлит водой.

Вечер сине-розоватый...
Жду на лавочке не зря:
За вершиною горбатой
Гаснет вечера заря.

шел в Афику. Вы только скажите, когда мы приедем туда, и, если не будет остановки, я спрыгну и доплыву до берега.

Человек долго смотрел на него, ничего не понимая.

— О деньгах не беспокойтесь, господин,— поспешил заявить пассажир.— У меня есть деньги, я могу заплатить за проезд.

— Сколько у тебя?

— Много, капитан,— с важностью ответил он, роясь в карманах.

На его протянутой руке лежали четыре серебряных доллара и несколько мелких монет. Белый человек взял доллары.

— Хорошо, я довезу тебя до самой Африки. Но ты будешь помогать неграм грузить.

— Да, господин! — с готовностью воскликнул он и, помолчав, добавил: — Только вы скажете, капитан, где мне выходить?

— Конечно. Ну, хватит, помогай другим. Пошел!

И он помогал другим, а пароход переходил из одного рукава реки в другой, и уже опять на западе повисло красное солнце. Где-то раздался бой колокола, и пароход направился к берегу. Опять колокол, пароход остановился и уткнулся носом в берег, на котором рядами лежали бочки. Белый капитан, который кричал, как сумасшедший, высунулся из двери и заорал над его головой:

— Все в порядке, Джек! Приехали. Помоги-ка погрузить эти бочки! А Африка вон за теми полями, около мили отсюда.

Он стоял и смотрел, как пароход удаляется от берега, волоча за собой сквозь вечерний воздух черный дым своих высоких труб; потом вскинул на плечо дробовик и зашагал от реки. Через некоторое время ему пришло в голову, что, может быть, придется встретиться со львами и медведями. Он остановился и зарядил ружье.

Когда стало совсем темно и на востоке величественно взошла Большая Медведица, он остановился и подумал, что опять пора есть и спать. Завтра, может быть, удастся подстрелить кролика. Неожиданно он наткнулся на изгородь; за изгородью виднелось нечто похожее на стог сена. Он перелез через изгородь и вдруг с ужасом увидел, как что-то зашевелилось прямо у него под ногами.

Он почувствовал острый, сковывающий страх. В темноте прогремел дробовик, и лев или кто-то другой с ревом нырнул в ночь. На лице у него выступил пот, холодный, как медные монеты. Он подбежал к стогу и бешено вцепился в него, стараясь влезть наверх. Это не удавалось ему, и страх усиливался больше и больше. Потом он начал успокаиваться и кое-как вскарабкался по скользкому сену. Наверху, лежа на животе и всматриваясь в ночь, он, хоть и чувствовал себя в безопасности, все-таки на всякий случай положил поближе дробовик. То, во что он стрелял, смолкло, но ночь была полна звуков.

По земле пополз свет, и он увидел двигающиеся ноги и услышал слова на незнакомом языке. «Дикари, они едят людей»,— подумал он и еще теснее прижался к сену. Свет и голоса направились туда, где исчез подстреленный им зверь. Потом свет задержался около лежавшего на земле пятнистого предмета; голоса усилились, послышались проклятия.

«Белые господа! — прошептал он.— Кажется, я убил их домашнего льва».

Но лев — это только лев. Он лежал, скрытый темнотой, а свет стал двигаться дальше и дальше и наконец исчез совсем. Над его головой качались звезды. Он заснул.

Его кто-то тряс. Он проснулся и протер глаза. Опять в его ушах зазвучал этот непонятный язык. Он открыл глаза и увидел над собой маленького темнокожего человека с пистолетом. Он не знал, что говорит этот человек, но язык пистолета был понятен ему.

«Они хотят съесть меня!» — подумал он и ударил человека ногой. Тот опрокинулся и упал на землю. Потом, словно зверь, он скатился вниз. Раздался пистолетный выстрел, и что-то тупо ударило его в плечо. Он вскочил и побежал. Вокруг выли пули. Вот перед ним изгородь, он повернул и побежал вдоль нее, ища выход.

Левая рука была горячая и мокрая. В углу изгороди он увидел калитку. Сзади продолжали кричать. Он заметил бегущую фигуру: ему хотели преградить путь к калитке. Вот они сблизились, это тоже чернокожий.

— Дай дорогу, негр! — задыхаясь, прокричал он. Когда дробовик выстрелил, на лице человека появилось выражение какого-то нелепого изумления.

Легкие судорожно глотали воздух. Нужно остановиться. Вот канава, а за ней длинная насыпь. Чуть подальше, около другой насыпи, маленький лесок. Он нырнул туда, и деревья скрыли его. Часто и тяжело дыша, он лежал на спине. Легким стало легче. Потом обнаружил рану в плече и с удивлением смотрел на кровь. «Ну и дела! — подумал он.— Эти афиканцы стреляют в негров не хуже, чем белые».

Туго перевязав рану, он осмотрелся. У него есть укрытие, и это все. Осталось еще восемнадцать зарядов. И они ему понадобятся: ярдах в двухстах уже стоял человек и наблюдал за рощей. «Не похоже, что они скоро потревожат меня,— решил он.— Отдохну здесь до темноты, а потом отправлюсь обратно к мистеру Бобу. Афика не годится для цивилизованных людей: наступаешь на львов, в тебя стреляют, приходится самому стрелять в людей. Но афиканцы, наверно, привыкли к этому».

Он почувствовал глухие удары в плече. Становилось все жарче и жарче; он изгибался и переворачивался с боку на бок. Как хочется пить! Он голоден, но сейчас чувствует только жажду. Вспомнил прохладный коричневый ручей и ледяной ключ в лесу, там, дома. Приподняв покрытое пóтом лицо, он увидел, что следивший за ним человек подвинулся ближе. Он поднял ружье и, держа его одной рукой, тщательно прицелился. Потом выстрелил. Человек упал на спину, потом вскочил и, петляя, отбежал подальше. «Ага, испугался!» — пробормотал он.

Все это становилось подозрительным, к тому же страшно болело плечо. На мгновение он задремал, и ему показалось, что он вернулся домой; проснулся от боли и снова заснул. Время от времени он подползал к канаве и пил грязную, вонючую воду. Так прошел этот долгий день. Наконец он проснулся, и вокруг была ночь, фонари и огни, при свете которых переговаривались и ходили люди.

Он с трудом дополз до края канавы; и когда возвращался обратно, на него неожиданно направили слепящий свет автомобильных фар. Он бросился в лес и, не глядя, выстрелил по огням. Раздался крик человека, зашелестел разрываемый пулями кустарник, ветки дрожали, словно над ними пронесся вихрь. Тело горело, как под раскаленными утюгами; он опустил голову и прижался лицом к земле.

Внезапно стрельба прекратилась; наступившая тишина вывела его из забытья. Выставив дробовик, он ждал. Наконец темнота расступилась, появились два движущихся предмета; дробовик выстрелил, и при вспышке он увидел двух ползущих людей. Один из них выстрелил почти прямо ему в лицо и побежал.

Снова рассвет. Солнце поднялось, нагрелось и прошло над его головой. Он дома, работает в поле; он спит и хочет уйти от страшного кошмара сна; он опять ребенок, нет, он птица, которая чертит на голубом небе бесконечные черные круги.

Снова зашло солнце. Запад, как кровь: это его кровь, окрасившая стену. Вот ужин в котелке, и наступает ночь, без огней и без этих людей, которые то ходят вокруг него, то останавливаются, будто ждут чего-то.

Он поднял лицо из грязи и посмотрел на опоясавший его круг огней. Казалось, все собрались в одном месте, прямо перед ним, и все смотрят или, может быть, ждут чего-то. Пусть ждут: завтра он вернется к мистеру Бобу. Мистер Боб обругает его своим тихим голосом, и снова можно будет работать, смеяться и говорить с настоящими людьми.

Поднимался ветер; внезапно он яростно захлестал по кустам, веткам; они взвизгивали и клонились к земле. И он тоже был деревом, захваченным этим же ветром: он чувствовал его тупые удары, под которыми падали пробитые и разорванные листья.

Ветер стих, и все, что было сломано им, тоже затихло. Его черное, доброе и усталое лицо смотрит вверх, на небо, на холодные-холодные звезды. Не все ли им равно: Африка или Луизиана?

Перевел с английского Д. СОЛОВЬЕВ.

Юван Шесталов — молодой поэт-манси. Он родился в 1937 году в семье колхозника. Учился в Березовской средней школе и в Ленинградском педагогическом институте имени А. И. Герцена. В 1958 году выпустил в Ханты-Мансийске первый сборник стихов «Макем ат» («Запах родины»).

МАТЬ

Юван ШЕСТАЛОВ

Здравствуй, край мансийский
милый,
со смолистою тайгой,
с молодой отцовской силой,
с материнской добротой!

Машет мне рукой осина,
улыбается вода.
Слышу лепет лебединый,
словно в детские года.

Мать! Твой взгляд я помню
нежный,
треск лучины в тишине.
Вихрь в пыли купался
снежной—
ты тепло дарила мне...

Как радушно солнце в небе!
Как приветлив шум лесов!
Край, где столько лет я не был,
встретил хором голосов.

Птичий гомон разливался,
отдавалась песнь во мне;
мир дышал, звенел, качался
на сверкающей струне...

Я взращен землей моею,
словно матерью родной.
Я одно навеки с нею,—
голос мой звенит струной.

Я смотрю ее глазами,
плачу я ее слезой;
пахнут песни облаками,
солнцем, лесом и грозой!

Перевел С. БОТВИННИК.

О «КОЛУМБАХ», ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ И ПРОЧЕМ

Генрих БОРОВИК

Фото автора.

Американцы «открывают Америку»

«Возможно, никто и никогда и не отправлялся отсюда в Москву, получив такую доскональную подготовку. Его (Никсона.— **Г. Б.**) консультировали Объединенная группа начальников штабов, Национальное управление по аэронавтике и исследованиям космического пространства, государственный департамент и Центральное разведывательное управление...

Вице-президент также корпит над книгами по русской истории, культуре и географии, и его голова битком набита статистическими данными о советском сельском хозяйстве и промышленности».

Так писал корреспондент «Нью-Йорк геральд трибюн» о подготовке вице-президента США Ричарда Милхоуза Никсона к поездке в Советский Союз.

Перед отлетом в нашу страну Ричард Никсон говорил на пресс-конференции:

— Я буду лично беседовать с как можно большим числом русских. Я хочу узнать дух русского народа, его силу, его слабость.

Вместе с вице-президентом в Советский Союз отправились многочисленные сопровождающие лица, в том числе специалисты по России из различных ведомств, а также целая рота — почти сто человек — корреспондентов: журналистов, фотографов, дипломатических и политических обозревателей, кинооператоров, представителей радио и телевидения. Многие из них хорошо знали русский язык, и уж каждый, надо верить, прочел перед поездкой множество книг и статей об СССР.

Таким образом, в Советский Союз приехали не «колумбы», догадывавшиеся лишь о существовании нашей страны. Приехали люди, хорошо информированные о жизни Советского Союза, потому что, как говорит американская печать, информация о нашей стране в Соединенных Штатах «полная и правдивая».

Но почему же тогда поездка в СССР для подавляющего большинства наших гостей оказалась «открытием Америки»?

«Полет на реактивном самолете в медвежью берлогу» — так называла американская печать поездку наших гостей в Новосибирск и Свердловск.

— Вы ожидали увидеть в Сибири то, что вы увидели? — такой вопрос был задан в фойе Новосибирского театра оперы и балета одним из зрителей доктору Мильтону Эйзенхауэру.

Окружавшие его люди с интересом ждали ответа.

— Нет, не ожидал,—честно признался брат президента Эйзенхауэра.— Я много читал о Сибири, но, оказалось, я лучше знаю ее прошлое, чем ее настоящее.

— Значит, вы до сих пор считали, что Сибирь — это только дремучий лес и поселения ссыльных?

Мильтон Эйзенхауэр смущенно улыбнулся.

— Что же это, так мало о нас знаете,— продолжал кто-то в толпе,— а считаете нас «порабощенными народами»? Даже «неделю» объявили!

— Нет, нет,— запротестовал Мильтон Эйзенхауэр,— резолюция конгресса не относилась к народам Советского Союза. Там прежде всего имелись в виду такие страны, как Чехословакия и Венгрия. Каждый народ волен избирать правительство, которое ему нравится.

— Именно поэтому,— замечает один из зрителей,— чехи и венгры избрали свои правительства.

— Значит, вы считаете, что в Чехословакии и Венгрии существует тот строй, который хочет народ? — спросил брат американского президента, внимательно оглядывая окружающих.

— Конечно, конечно! — раздались голоса в ответ.

— Ну что ж, если так, то бог с ними,— примирительно сказал Мильтон Эйзенхауэр.

— Вот с этим мы согласны! — засмеялись окружающие.— Оставьте людей в покое, и все будет в порядке...

Американец, переводивший эту беседу, недовольно посмотрел на улыбающегося Мильтона Эйзенхауэра и поспешно отвел его в сторону от группы зрителей.

— Я думал, что увижу здесь деревню за колючей проволокой,— говорил мне корреспондент из штата Джорджия,— а увидел, черт возьми, замечательный город, великолепный театр, веселых, жизнерадостных людей. И этот отель! Разве я предполагал, что тут, в далекой Азии, совершенно европейский отель.

— Таково ваше личное мнение или это мнение многих журналистов? — спросил я его.

— Конечно, многих! Только не все его выскажут. Ведь среди нас, к сожалению, мало тех, кто приехал, чтобы действительно разобраться, что происходит у вас.

И снова вспоминаются справедливые слова Никиты Сергеевича Хрущева, сказанные вице-президенту Никсону во время беседы в «типичном» американском домике на выставке в Москве: «Вы сами выдумали фантастический образ советского человека и сами же поверили в свою выдумку».

«Свобода печати» и толковый словарь

В Свердловске мы узнали из речи Никиты Сергеевича Хрущева, произнесенной в Днепропетровске, о недостойном поступке американской телевизионной компании. Вечером я подошел к корреспонденту влиятельного американского журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» Бобу Руту. Я спросил его:

— Боб, вы были в тот день в телестудии на выставке?

— Был,— ответил Боб и потрогал рукой серебристую ниточку своих усов.

— Вы слышали, как вице-президент Никсон обещал Никите Сергеевичу Хрущеву, что все его слова будут надлежащим образом переведены на английский язык?

— Слышал.

— Вы видели, как они пожали друг другу руки в знак согласия?

— Видел.

— Почему же нарушено обещание?

Боб налил бокал цинандали, выпил несколько глотков, причмокнул и сказал:

— Свобода печати.

— Свобода нарушать обещания?

— Они не зависят от вице-президента,— ответил Боб.— Он ничего не может приказать телевизионной компании.

— Если так, зачем же он давал торжественное обещание при всех?

Боб пожал плечами и отпил несколько глотков.

— Ну, хорошо,—продолжал я,— предположим, вице-президент не может формально заставить компанию придерживаться достигнутой договоренности между ним и руководителем другого государства. Но должно же быть минимальное уважение к слову вице-президента?

Боб снова пожал плечами и снова вымолвил:

— Свобода печати.

— Вы лично считаете это правильным?

Боб допил до конца цинандали, поставил бокал на стол и сказал:

— Я лично считаю это неправильным.

Многие американские журналисты уверяли меня, что большое число недоразумений между нашими странами проистекает оттого, что мы по-разному понимаем некоторые слова. Звучат такие слова вроде бы одинаково, а смысл в них вкладывается противоположный. И те же журналисты в шутку предлагали создать толковый словарь терминов и выражений: легче, мол, будет договориться. Может быть, они правы. Если будет создан такой словарь, то американская «свобода печати» будет объясняться в нем приблизительно так: свобода обращения с фактами, свобода от данного слова.

И для наглядности в этом словаре можно привести такие примеры.

На Никсона и сопровождающих его специалистов большое впечатление произвел «Уралмаш». Корреспондента «Нью-Йорк таймс» этот гигант тоже поразил, но несколько своеобразно. «Уралмаш»,— пишет газета,—это прямо-таки сказочный, грохочущий завод, который почти создает впечатление, что он предназначен для производства железных занавесов» (?!)

И еще один пример. Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» сообщила 27 июля: «Вице-президент Никсон... заявил, что его вчерашняя пятичасовая беседа с советским премьер-министром Никитой С. Хрущевым... была конструктивной и полезной».

А «Нью-Йорк таймс» в тот же день опубликовала статью под заголовком: «Никсон заявляет, что беседа с Хрущевым не привела ни к какому сдвигу» (!)

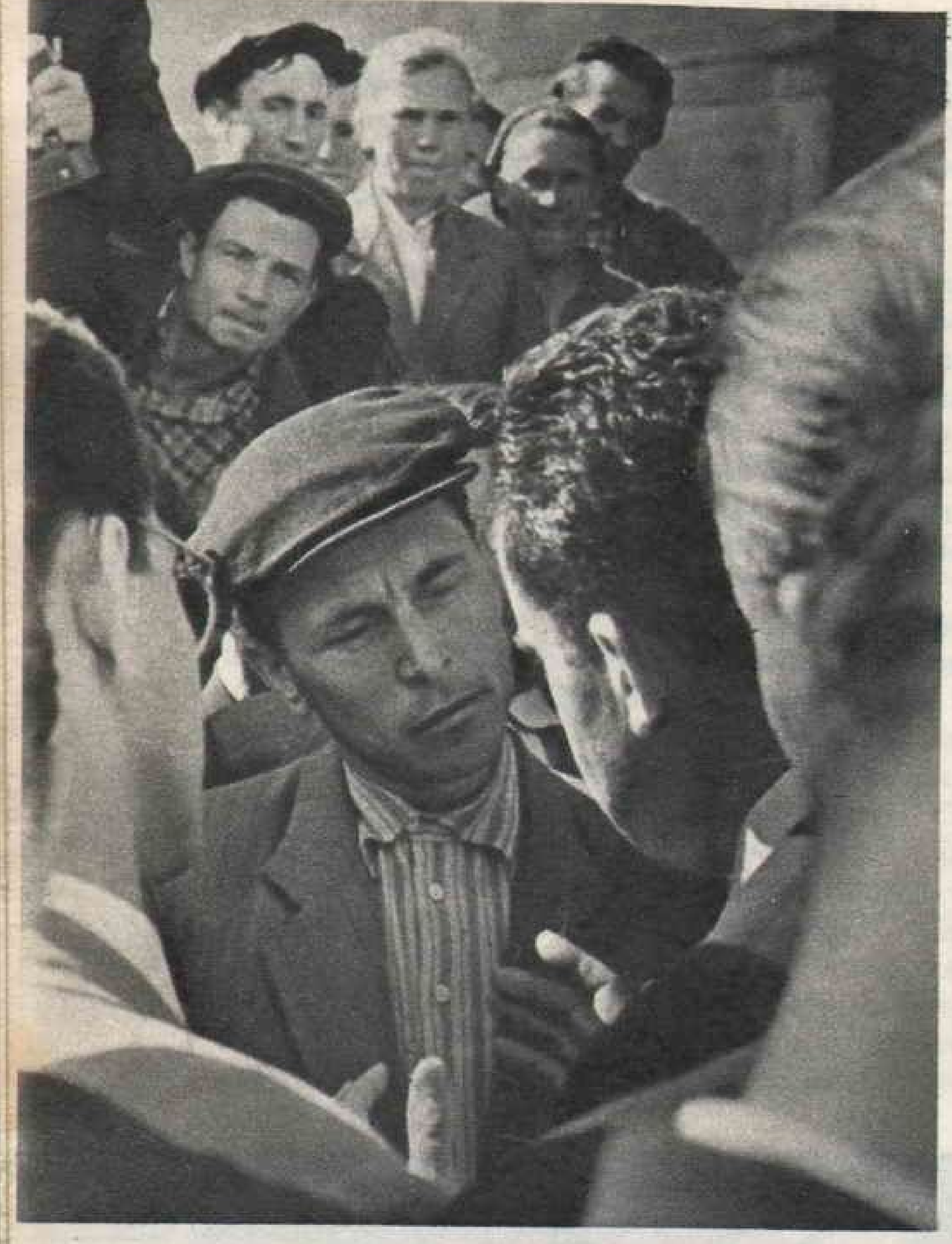
— Кому же верить? Где прав-

Р. Никсон на уральском заводе.

Р. Никсон и сопровождающие его лица на строительстве гидроэлектростанции под Новосибирском.

Многие советские люди обращались к г-ну Никсону с вопросами. Далеко не всегда ответы вице-президента США удовлетворяли слушателей. Так было и во время беседы г-на Никсона с рабочим Белоусовым на строительстве Новосибирской ГЭС.

да? — спросит американский читатель. Боб Рут из «Юнайтед стейтс ньюс», наверное, снова бы выпил вина, пожал плечами и в который бы раз ответил: «Свобода печати»...

Две беседы

После осмотра «Уралмаша» шел разговор между директором завода Кротовым и американскими гостями. Никсон очень интересовался Китаем.

Никсон. Скажите, вы ожидаете серьезного соревнования с Китаем?

Кротов. Конечно.

Никсон. Вы считаете, что их инженеры равны вашим инженерам по подготовке?

Кротов. Китайские инженеры — очень способные люди.

Никсон. Вы считаете, что соревнование с Китаем выиграете?

Кротов. И мы и Китай окажемся впереди вас, уж это точно. В таком соревновании, которое предлагаем и ведем мы, никто не проигрывает. В выигрыше трудящиеся всего мира.

Никсон. Мы тоже за такое соревнование. Вызов, который я слышал от Хрущева, Микояна и Козлова, произвел на меня большое впечатление. Я думаю, что...

Но собеседники вице-президента не узнали, что он думает по этому вопросу, так как на руке Никсона зазвенели ручные часы.

— Это мой будильничек,— сказал Никсон, показывая часы.

— У нас такие тоже есть,— ответил директор.— Только почему-то ваши будильники начинают звенеть как раз тогда, когда вы собираетесь говорить о мирном соревновании?

Все смеются.

— Я думаю,— продолжает директор, что это вам сигнал: пора, мол, от слов переходить к делу...

«У кого что болит, тот про то и говорит». Эту пословицу я вспомнил, когда слушал беседу Никсона с Даниловым — директором Новотрубного завода в Первоуральске. Разговор происходил у доски показателей социалистического соревнования.

Никсон. Есть ли среди рабочих жалобы на повышение производительности труда?

Данилов. Это было бы смешно: повышение производительности труда в интересах рабочих.

Никсон. А не бывает ли недовольства, если кто-нибудь из рабочих получает больше своих товарищей?

Данилов. Я не понимаю вопроса. Ведь каждый получает столько, сколько заработал.

Никсон. Ну, хорошо. А как рабочие относятся к автоматизации производства, если они лишаются работы?

Данилов. У нас автоматизация не ведет к лишению работы.

Никсон. Я имею в виду, если рабочий получает взамен прежней работы менее интересную и ниже оплачиваемую.

Данилов. Мы стараемся подобрать работу так, чтобы ни материальные, ни духовные интересы не пострадали.

Никсон. Значит, ваши профсоюзы и рабочие не возражают против автоматизации и механизации? (В словах Никсона звучит удивление и недоверие.)

Данилов. Наоборот, они заинтересованы в этом. Автоматизация облегчает их труд.

Как много рассказал Никсон о своей стране, задавая вопросы советскому человеку!

Кое-кто беспокоится

Как бы там ни было, как бы по-разному ни писали о нас американские журналисты, но жизнь берет свое. Я уверен, что вице-президент кое-что узнал о Советском Союзе нового и полезного. Не уверен, что он обнаружил в чем-нибудь слабость нашего народа, но убежден, что силу и миролюбивый дух его он понял. Поняло это, наверное, и большинство американских корреспондентов.

Вывод напрашивается один: американцам надо больше ездить к нам. Казалось бы, разумная мысль. У кого она может встретить возражение? А ведь нашлись такие люди, да еще и весьма известные. Кто же? Оказывается, Гарри Трумэн, бывший президент США. Долго не подавал о себе голоса. А тут вдруг на тебе — жив курилка!

«Меня беспокоит,— раздраженно пишет он в «Нью-Йорк таймс»,— зрелище продолжающихся поездок в Москву столь многих благонамеренных именитых американцев...»

Чего испугался Гарри Трумэн? Вероятнее всего, правды о Советском Союзе, которая, несмотря на «свободу печати», просачивается к американцам. Но разумные люди — за визиты, за откровенный разговор, за взаимопонимание. Вот почему все люди доброй воли с такой радостью встретили весть о предстоящем обмене визитами Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева в Соединенные Штаты и президента США Д. Эйзенхауэра в Советский Союз. Встречи между руководителями двух великих держав послужат миру, разуму, политике мирного сосуществования.

АВТОМОБИЛИ ДЛЯ ТУРИСТОВ

Инженер Никифор Прокофьевич Ястребов наводил порядок на письменном столе: работа над новым приспособлением закончена, можно подумать и об отпуске. Мысли его прервал телефонный звонок. Звонил брат из Москвы: собирается дня на три в гости.

Хотелось бы показать брату Ленинград и пригороды. Да разве за такой короткий срок успеешь! Если бы своя машина... Водительские права у Никифора Прокофьевича давно есть...

И тут кто-то подсказал: «Обратитесь в клуб туристов, там можно получить разрешение на прокат легковой машины».

И вот Ястребов в бюро проката таксомоторного парка.

— Можно получить машину?

— Вам на сколько дней?

— На три.

За три дня братья Ястребовы осмотрели достопримечательности города, побывали в Ломоносове, Петродворце, Пушкине, Павловске...

— Гость остался доволен,— говорит Никифор Прокофьевич,— и я получил удовольствие.

...Особенно оживленно в таксомоторном парке в субботу и воскресенье. Многие хотят совершить поездку в автомашинах к побережью Финского залива, забраться подальше в лес и ранним утром уйти по грибы. Работник автопарка Е. Ф. Подосенин на «Волге» выезжал с друзьями-рыболовами на Карельский перешеек. Штурман Е. М. Груше взял автомашину на все время своего отпуска. Доцент Электротехнического института С. А. Понырко побывал в Эстонской ССР, ознакомился со старейшим университетом в Тарту. А сколько свежих впечатлений привез из длительной поездки по побережью Кавказа инженер Трусов!

Бюро проката легковых автомашин создано в Ленинграде недавно, но уже многие смогли воспользоваться его услугами.

Е. ПЕНОВА

Доцент С. А. Понырко берет напрокат «Волгу».
Фото Н. Ананьева.

Выдрессировали

Людвиг ТУРЕК

В одном из глухих уголков на берегу Рейна, вблизи обширного бетонированного бункера с тремя амбразурами, остановился добрый десяток тяжелых американских автомашин. Группа штабных офицеров американской армии прибыла сюда, чтобы присутствовать при одном чрезвычайно важном событии. Высокий худощавый старик, седобородый, в генеральском мундире, кратко ознакомил присутствующих с тем, что им предстояло увидеть. Едва сдерживая любопытство, люди смотрели на противоположный берег, откуда должно было явиться чудо.

Минут через десять на реке показалась небольшая лодка. Она приближалась к берегу. На носу лодки стояло чудо в образе крупной немецкой овчарки. Собака не взглянула на людей, толпившихся на берегу. Она ловко выпрыгнула из лодки, не обратив никакого внимания на возгласы восторга и одобрения, какими ее встретили американцы.

Сопровождавший пса дрессировщик, невзрачный, усталый человек с тонкими ногами, в коротких кожаных штанах, слегка согнулся в поклоне перед генералом и протянул ему отпечатанный на машинке листок. Старик водрузил на свой ястребиный нос очки в массивной роговой оправе и принялся читать. Чем внимательнее он читал, тем большее восхищение разливалось по его морщинистому лицу. Старческой высохшей рукой он погладил свою раздвоенную бороду, после чего восхищение уступило место сосредоточенной торжественности, приличествующей важности момента.

Офицеры смотрели ему в рот. Генерал уже приоткрыл его, но еще не произнес ни звука. И только основательно откашлявшись, старик начал:

— Господа! Мы будем сейчас иметь редкое удовольствие наблюдать работу немецкой овчарки по кличке «Аякс фон Торфенштейн». Эта собака способна на расстоянии приблизительно двухсот метров, на местности с естественными укрытиями, поднести к бункеру тяжелую двадцатикилограммовую мину при самом яростном заградительном огне. Мы с вами сейчас убедимся, какие замечательные качества проявляет при этом животное. Для доставки мины в бункер собаке, невзирая на все препятствия, требуется не больше 178 секунд. По прошествии этого времени запал мины автоматически взрывается, а вместе с ним и бункер. Нет необходимости подчеркивать, что такие хорошо выдрессированные и надежные псы приобретают огромное значение для американской армии, а потому опыт, который мы сейчас произведем, поможет нам принять решение, брать или не брать в нашу армию этих весьма полезных для военных целей немецких овчарок. Господа, прошу внимания!

С этими словами генерал подошел к псу, погладил его и сказал:

— Будь молодцом, Аякс, будь молодцом! Ты умрешь для пользы дела!

Военные отошли приблизительно на четыреста метров от бункера и взобрались на песчаный холм. Оттуда была хорошо обозрима извилистая, поросшая кустарником, изрытая траншеями учебно-тренировочная местность. Человек в коротких кожаных штанах отвел собаку на двести метров от бункера, спустился с ней в траншею и привязал к спине животного мину. Офицеры, стоя на холме, смотрели в полевые бинокли туда, откуда собака должна была начать свое наступление на бункер, как только там откроют огонь.

Через несколько минут из амбразур бункера началась стрельба, и по тому, как взметнулся вверх песок, как приникли к земле кусты, можно было судить об исключительной интенсивности огня. Спустя несколько секунд после начала этого дьявольского спектакля собака вырвалась из траншеи и, пользуясь как укрытием зарослями кустарника и складками почвы, осторожно побежала вперед.

Командование на холме пришло в волнение. Каждая морщина генеральского лица выражала восторг. Генерал зычно крикнул офицерам:

— Такого еще мир не видывал, это фе-но-ме-нально! Посмотрите только, как животное петляет, прячась от огня. Непостижимо! Право же, ни один из наших пехотинцев не смог бы лучше выполнить задание. Собака на наших глазах отнесет мину к бункеру, а затем, прислонившись спиной к его стенке, будет спокойно ждать взрыва. Великолепно!

Сказав так, генерал на несколько секунд опустил бинокль. Спутники генерала из вежливости и почтительности к начальству сделали то же самое. Но когда они вновь поднесли к глазам бинокли, собака исчезла. Офицеры стали усердно шарить глазами во всех направлениях. Может быть, животное на несколько секунд скрылось за кустом или прыгнуло в траншею? Дело затягивалось. Стрелки хронометра неуклонно подвигались вперед.

— Проклятие, куда запропастился этот чертов пес! — воскликнул генерал и первым стал выказывать нервозность.

Все подтянулись и снова направили бинокли на бункер. Собаки и след простыл. До взрыва оставалось всего лишь двадцать пять секунд.

— Чертов пес, наверно, отсыпается в какой-нибудь дыре. Еще двадцать секунд — и удар грома разбудит его,— сказал генерал с нервной усмешкой.

По долгу службы усмехнулись и офицеры. Но этот смешок тут же уступил место смертельному ужасу. На миг все словно окаменели. Пес с явственно различимой миной на спине выпрыгнул из-под откоса в ста пятидесяти метрах от холма и полетел вдогонку за другой собакой, видимо, сукой, собственностью одного из офицеров, которую тот оставил возле своей машины. Бедная собачонка искала защиты от настойчивого преследования столь странного на вид поклонника и стремглав летела напрямик к холму, где среди других стоял ее хозяин. При этом она увлекала за собой смертоносного пса.

Как затравленная дичь, улепетывали офицеры с холма. Генерал отбежал недалеко. Он споткнулся о корневище и, охая и задыхаясь, растянулся во весь рост. Никто о нем не вспомнил. Странное зрелище представляли собой эти отмеченные высокими наградами господа, которые мчались как одержимые. Однако собаки бежали быстрее и вот-вот настигали офицеров. Те могли значительно уменьшить опасность, если бы кинулись врассыпную, но у всех была одна-единственная цель — добраться до Рейна. Некоторые по крутому берегу скатывались прямо в воду.

В эту минуту раздалась автоматная очередь. Шофер одной из машин, на которых прикатили офицеры, подстрелил пса с миной на спине. Спустя несколько секунд раздался взрыв; все вокруг дрогнуло, и большие комья земли с кровавыми клочьями, оставшимися от собаки, взметнулись вверх.

Вся компания промокших до нитки чопорных офицеров столпилась вокруг забрызганного грязью генерала. С его лица не сходило выражение смертельного страха. Он непрестанно чихал и, хотя не был ранен, от потрясения потерял дар речи.

Прошло некоторое время, пока он смог произнести несколько слов:

— На этих проклятых немецких собак нельзя положиться!

После чего изрядно потрепанные господа сели в свои машины и отбыли.

Перевела с немецкого
Л. ЛЕЖНЕВА.

После выступления «Огонька»

О друзьях и врагах

Москва, Большой Черкасский переулок, дом 2/10. Этот адрес был упомянут в фотоочерке о дружбе людей с животными («Огонек» № 2 за 1959 год). В Общество охраны животных пришло больше полутысячи писем.

«Неужели так трудно понять, что животные дороги их владельцам? — спрашивают в одном письме.— И почему некоторые администраторы с рвением, достойным лучшего применения, придумывают и осуществляют жестокие правила против животных, не задумываясь над тем, что эти правила приносят горе людям?»

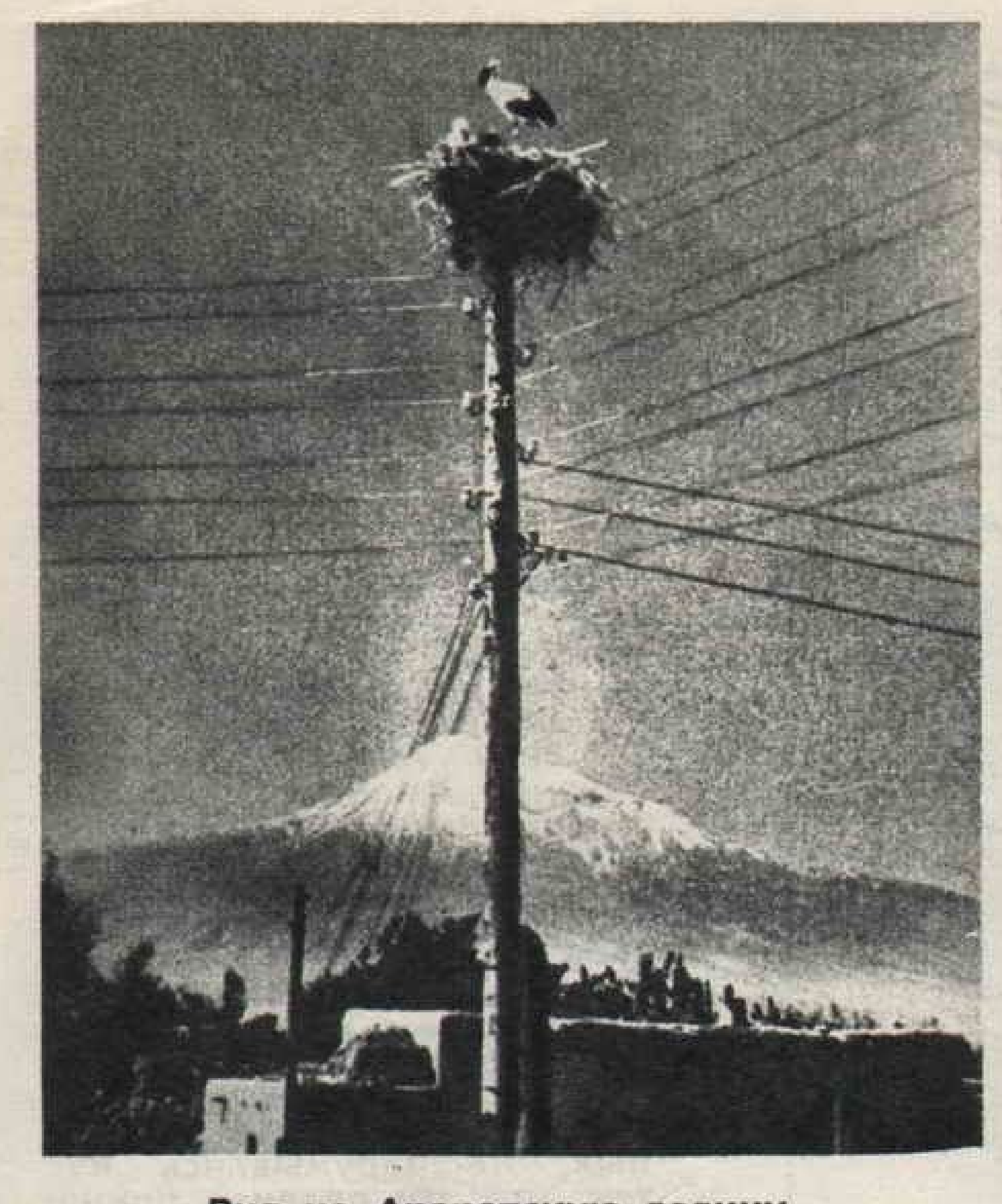
Что же это за «жестокие правила», о которых пишут восемь корреспондентов из Воронежа? Объяснение мы находим в письмах из Ульяновска, Казани, Новочеркасска. «По улицам нашего города ежедневно движутся ящики на колесах, из ящиков раздается жалобный вой. Нашлись такие работники ветнадзора и милиции, которые убивают собак и кошек, имеющих владельцев, и делают это иногда при детях. Часто средь бела дня на улицах раздается стрельба. Это «охотники» под видом бродячих убивают собак без разбора. Дети, да и взрослые, тяжело переживают потерю своих любимцев. Разве нельзя этому помешать? Ведь это жестоко и по отношению к людям».

Есть правило, по которому в городах и окрестностях полагается вылавливать бродячих животных и отправлять их в ветлечебницу, чтобы там их безболезненно усыпляли. Но кое-где переусердствовали, решили: худа не будет, если уничтожать поголовно всех собак и кошек. Хуже всего, что некоторые ребята вообразили, будто «так и нужно», и начали живодерничать. Про Алексея Максимова (Москва, 1-я Брестская улица, 64, квартира 25) сказано в письме за пятью подписями: «Нынче он безобразно зверствует над кошками, завтра начнет драться с людьми (он уже и сейчас грозится многим), а там, глядишь, получится из парня бандит, паршивый человечишка...»

Вот такими «паршивыми человечишками» решил сделать из хороших ребят некто Ф. Назаров, живущий в столице, по улице Горького, 20. Об этом пишут родители мальчиков Авксентьева, Ларина, Андрианова. Назаров, подрядившись вылавливать бродячих животных, на самом деле выкрадывает собак, принадлежащих владельцам, убивает их и сбывает шкурки. Подбивая на это отвратительное дело ребятишек, он сулит им деньги и поит водкой. Такие поступки Назарова должны быть наказаны.

«...Как же неправы те, кто считает пустой прихотью привязанность человека к своему четвероногому питомцу,— пишет агроном Степанов, в прошлом майор артиллерии.— Бывает, выводишь собаку на прогулку и слышишь обидное замечание: «Наплевать на людей, завели кобелей»,— или что-нибудь в этом роде.

Конечно, владельцы животных не должны причинять неудобства окружающим, обязаны соблюдать чистоту и порядок. Есть множество фотографий великих людей, снятых с их любимыми животными. Так пускай же и простым людям никто не портит эту их маленькую радость».

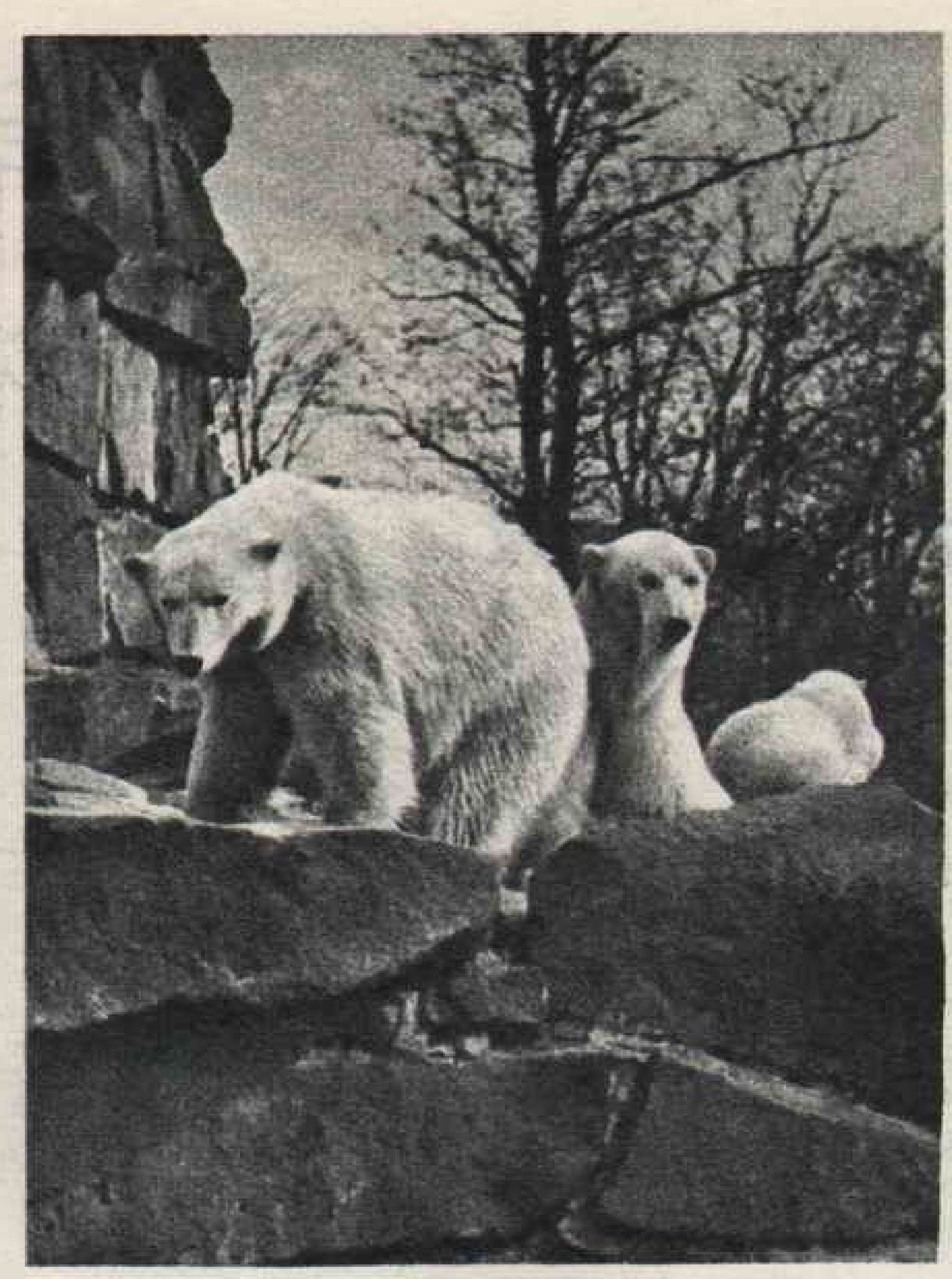
Вид на Араратскую долину.

Фото Маркара Кулояна.

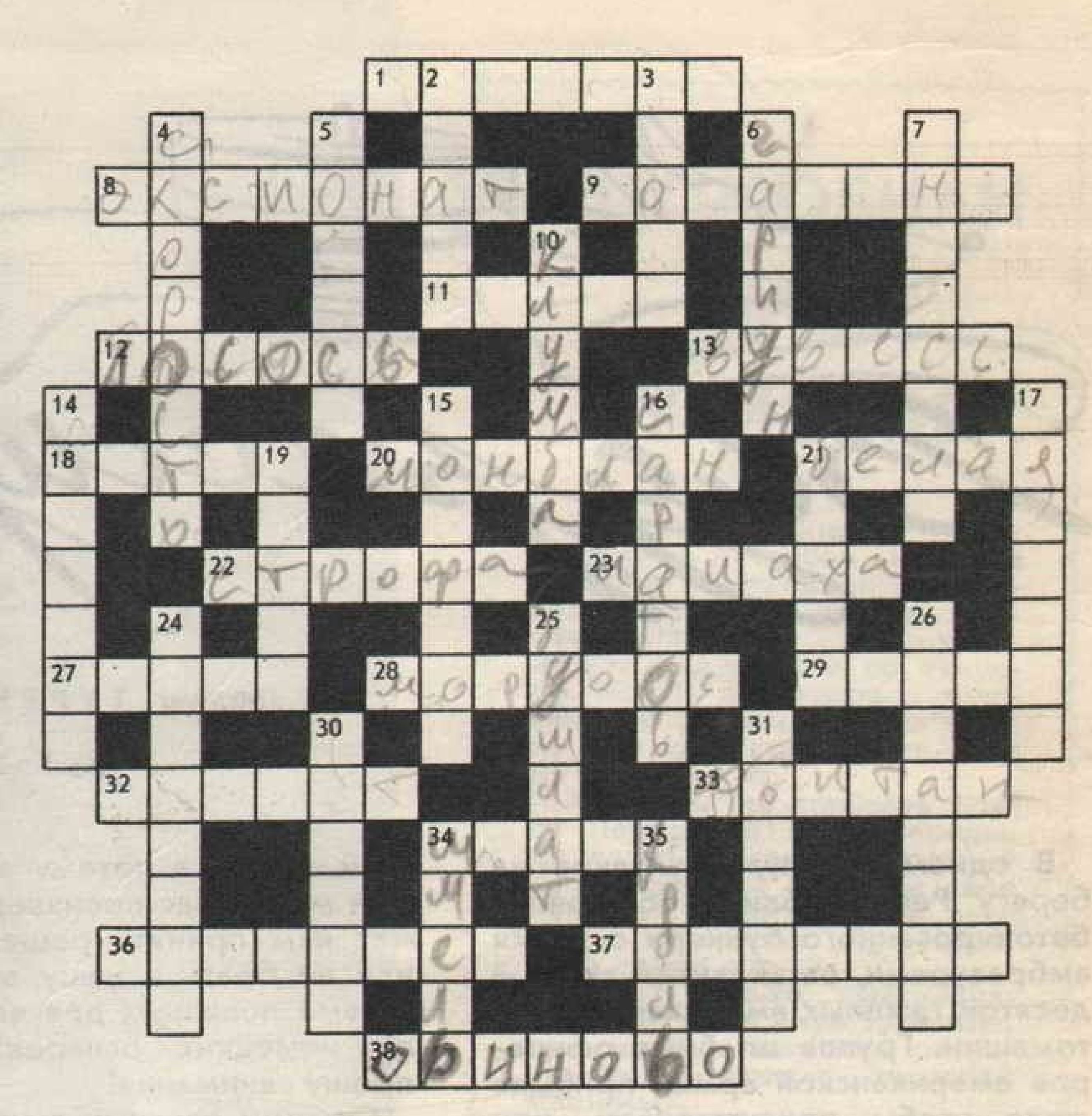
Techинский район,

Армянской ССР.

В Калининградском зоопарке.

Фото Л. Мехтиева.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Голландский философ. 8. Образец, представленный на выставке. 9. Сольный номер в опере. 11. Город в Латвии. 12. Лососевая рыба. 13. Смесь сыпучих материалов с водой. 18. Советский художник. 20. Высочайшая вершина Альп. 21. Приток Камы. 22. Сочетание стихотворных строк. 23. Меховая шапка. 27. Повесть А. И. Свирского. 28. Плод овощного растения. 29. Озеро на севере Финляндии. 32. Немецкий композитор. 33. Струя воды, бьющая под напором. 34. Часть древесного ствола. 36. Поэт, автор «Дубинушки». 37. Ткань. 38. Равнины в Южной Америке.

По вертикали:

2. Слой осадочной горной породы. 3. Блюдо. 4. Быстрота движения. 5. Металлическая форма для отливки. 6. Снаряд для морской охоты. 7. Заключительная стадия в шахматной партии. 10. Цветочная грядка. 14. Отступление от основной темы. 15. Кондитерское изделие. 16. Порт на Волге. 17. Персонаж романа Бориса Горбатова «Мое поколение». 19. Оборот спирали. 21. Певец-музыкант в Туркмении. 24. Курдючная овца. 25. Одежда моряка. 26. Волокнистое растение. 30. Потухший вулкан в Антарктиде. 31. Охотничья собака. 34. Насекомое, родственное пчеле. 35. Стиль плавания.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 32.

По горизонтали:

2. Невод. 5. Результат. 8. Купе. 9. «Овод». 10. Озокерит. 15. Лезгинка. 19. Скрябин. 20. Мартос. 21. Ананас. 22. Конгрив. 23. Веретено. 27. Листвяга. 32. Шлем. 33. Галс. 34. Амальгама. 35. Тропа.

По вертикали:

1. Эвклид. 2. Низами. 3. Деташе. 4. Руно. 5. Рене. 6. «Торг». 7. Горн. 11. Задание. 12. Кантеле. 13. Русские. 14. Таранто. 15. «Либерал». 16. Занавес. 17. Инсаров. 18. Каталог. 24. Руль. 25. Тома. 26. Нокаут. 28. «Илиада». 29. Тяга. 30. Яйла. 31. Эльтон.

Как вы назовете своего ребенка?

Однажды я услышал разговор двух молодых колхозниц и из него узнал, что одну зовут Эммой, а другую Ингой. В газетах можно встретить такие сочетания имен и фамилий, как Эдуард Козлов, Жаннета Мешкова или Рудольф Петров.

Почему мы заимствуем иностранные имена? Потому что многие неблагозвучные церковные имена совсем устарели. Кто теперь назовет своего сына, скажем, Ферапонтом, Евстигнеем, Пантелеймоном, Аггеем? А ведь еще в середине прошлого века русский крестьянин не имел права дать новорожденному ребенку имя по своему выбору. За него это делала церковь. У нее были «святцы» с именами римских, греческих, сирийских и прочих «святых». Таким образом, церковь веками вытесняла в русском народе красивые старинные поэтичные имена.

Отрадно, что в последние годы все чаще слышатся настоящие русские имена — Светлана, Владимир, Людмила. Но есть еще немало прекрасных народных имен — Светозар, Доброслав, Родомир, Милана,— в которых заложен глубокий смысл и жизнеутверждающее начало. Разве не замечательны имена Любомир и Мирослав? Как видно, еще в далекие, незапамятные времена придумал их, несомненно, одаренный русский человек. Жаль, что в «Женском календаре» на 1959 год, где дается перечень имен, не называется такое имя, как Владимир.

Имена должны отражать радость жизни, красоту родной природы, лучшие человеческие чувства и качества людей. Пора нашим филологам и поэтам собраться и разработать список благозвучных и красивых русских имен, чтобы ими могли пользоваться родители.

Л. ПИСАРЕНКО

Город Кунцево,
Московской области.

В беседе с нашим корреспондентом заместитель министра юстиции РСФСР Николай Степанович Прусаков сказал по поводу предложения читателя «Огонька» товарища Л. Писаренко:

— Назрела необходимость привлечь филологов, писателей, этнографов, собирателей фольклора и других лиц для составления сборника содержательных и благозвучных имен. Этот вопрос далеко не праздный. Ведь с именем связана жизнь человека! Многим родителям приходится крепко задумываться над выбором имени новорожденному. В таких случаях само время торопит, а не имея справочника хороших имен, приходится поневоле останавливаться на имени, быть может, и не совсем удачном. Конечно, надо учесть мнения родителей при подготовке современного справочника имен.

Понятно, что нельзя ограничиться только именами одной национальности. Много красивых имен и у других народов, лишь бы они были созвучны национальной речи и приятны по смыслу. Достаточно напомнить, что у славянских народов огромный выбор прекрасных имен.

Составление сборника имен, конечно, дело не ведомственное. Вот почему в собирании и выборе имен надо прежде всего широко использовать общественную инициативу. Остается пожелать, чтобы и Институт языкознания Академии наук СССР взял на себя инициативу в подготовке хорошего справочника имен.

МЕТЕЛЕМЕР

Район Мирного в Антарктиде изобилует сильными ветрами и метелями. В мае средняя скорость ветра была 13,5 метра в секунду, дважды она доходила до 43 метров в секунду.

В обсерватории Мирного установлен специальный прибор «метелемер», регистрирующий снежную метель. Любопытно, что за 18 дней мая через условное пространство основанием в один метр и высотой в три метра, при средней скорости ветра 13 метров в секунду было перенесено 65 926 килограммов снега.

Можно себе представить, как много снега перемещается на шестом континенте.

П. СМИРНОВ

«И друг степей калмык»

Весной 1880 года Общество любителей российской словесности при Московском университете образовало особую комиссию «по поводу готовящегося открытия памятника» Пушкину. Ее председателем стал Л. И. Поливанов. Тогда же комиссия приступила к устройству выставки автографов, книг, фотографий и личных вещей поэта. Среди многих экспонатов на выставке демонстрировались шедевры Тропинина, Брюллова, Перова... И рядом с ними привлекали внимание четыре скромных пушкинских портрета, выполненных учениками первого класса Казанской учительской семинарии.

В поливановском фонде Центрального государственного архива литературы и искусства СССР сохранилась «Книга записи предметов выставки», в которой зарегистрированы эти карандашные портреты А. С. Пушкина, сделанные «алтайцем Стефаном Тодогошевым, чувашином Сергеем Семеновым, калмыком Василием Давыдовым и черемисином Филимоном Токмурзиным».

Н. ЧЕРНИКОВ

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. **Рукописи не возвращаются.** **Оформление Мих. Милославского.**

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05635. Подписано к печати 5/VIII 1959 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 1157. Заказ № 1760.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

КРУГОВАЯ КИНОПАНОРАМА

Здесь все необычно. Здание театра имеет форму большого цилиндра. Просмотровый зал напоминает арену цирка, но привычных кресел в нем нет. Зрители стоят или свободно передвигаются с места на место.

Мы находимся в круговой кинопанораме. Созданная впервые в СССР, она начала работать в Москве, на Выставке достижений народного хозяйства.

Круговая кинопанорама — совершенно новое зрелище, максимально приближающее человека к ощущению жизни, подлинной действительности.

Начинается сеанс. Одновременно вспыхивают 22 экрана, размещенные двумя ярусами по всей окружности куполообразного помещения. В течение восемнадцати минут демонстрируется фильм «Дорога весны». И за это время вы совершаете интереснейшее путешествие по нашей стране... Жаль только, что оно так непродолжительно!

В создании нового театра принимали участие работники многих советских научных учреждений и промышленных предприятий.

Оборудование для круговой кинопанорамы изготовлялось под техническим руководством Всесоюзного научно-исследовательского кинофотоинститута.

Ф. КОРОТКЕВИЧ
Фото автора.

→ Круговая кинопанорама.

↓ В зале кинотеатра перед началом сеанса. Работники Научно-исследовательского кинофотоинститута проверяют работу проекционной аппаратуры.

...енный на ...в Латвии. ...с водой. ...ина Альп. ...ом. 23. Ме... ...овощного ...Немецкий ...34. Часть ...37. Ткань.

...Быстрота ...6. Снаряд ...шахматной ...т основной ...те. 17. Пер... ...19. Оборот ...Курдючная ...ие. 30. По... ...Вака. 34. На...

...в № 32.

...0. Озокерит. ...ас. 22. Конг... ...ас. 34. Амаль...

...ие. 6. «Торг». ...14. Таранто. ...лог. 24. Руль. ...та. 30. Яйла.

...при Московском ...открытия памят... ...ссия приступила ...рета. Среди мно... ...Брюллова, Перо... ...нских портрета, ...марии. ...итературы и ис... ...рой зарегистри... ...айцем Стефаном ...вдовым и чере...

Н. ЧЕРНИКОВ

...Н. Н. КРУЖКОВ, ...П. ТОЛЧЕНОВА.

...к. Милославского.

...естств — Д 3-38-33; ...Д 3-32-67; Фото —

...57. Заказ № 1760.

Цена номера 3 руб.